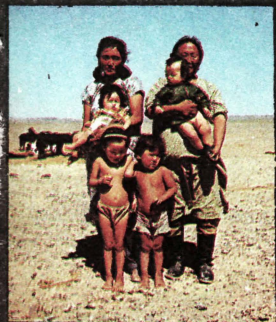

9

1993

ВОКРУГ СВЕТА

**СЕМЬЯ
БЕЗ СОСЕДЕЙ**

**МАРСИАНСКИЙ
КОВЧЕГ**

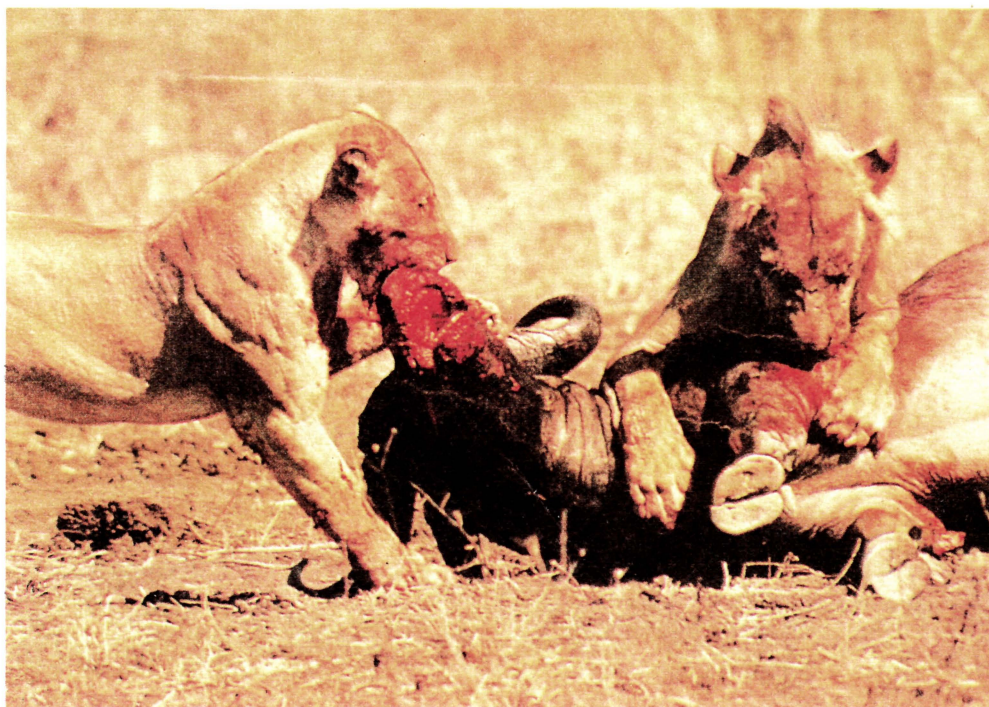

**ПОКЛОННИКИ
ХРОМОСОМ?**

**КРУГОСВЕТКА
НА ВЕСЛАХ**

ISSN 0321-0669

Оазис Сива — самый удаленный от центра страны и самый изолированный из оазисов Египта — расположен на западе от Каира, возле границы с Ливией. И попасть туда долгое время было очень сложно... Читайте очерк Владимира Белякова «Оранкул живет в Сиве» (стр. 26).

Финал кровавой драмы, разыгравшейся в саванне далекой Замбии, конечно, предрешен: буйвол приговорен самой природой — от лап львов мало кому удавалось спастись. Заметку о том, кто как охотится, вы найдете на стр. 11.

© «Вокруг света», 1993 г.

**9/1993
СЕНТЯБРЬ**

VIA EST VITA

Василий ГАЛЕНКО 2
Через три океана на веслах

Евгений СМУРГИС 4
К старту большого плавания

Л. ЧЕШКОВА 45
Железный парус-II

НАШ КОНКУРС

Суперфантаст-92 19

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

Наталья ЖУКОВСКАЯ 14
Юрта у дороги

Владимир БЕЛЯКОВ 26
Оракул живет в Сиве

Яцек ПАЛКЕВИЧ 36
Самая пустынная пустыня

На первой странице обложки:

Француз Кристиан Но, инженер по электронике, давно путешествовал по африканским пескам на небольшой платформе под парусом. Однажды ему пришла идея — поставить платформу на рельсы и превратить в полукорабль, полупоезд. Что это? Возвращение к парусникам на новом, так сказать, витке или поиски будущего, экологически чистого транспорта? Так или иначе ветер Сахары помог Кристиану Но и его спутникам совершить мавританский траверс, а некоторое время спустя, используя ветры Боливи, путешественники пересекли район Альтиплано, от Лас-Пас до Оруро. (См. заметку «Железный парус-II», стр. 45)

И. СОЛОДОВЩИКОВА 39
Неповторимое порто

Е. ЧЕКУЛАЕВА 48
Малиган и Кардила

АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ

А. ВАН ВОГТ 30
Второе решение
Рассказ

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ

Мачей КУЧИНЬСКИЙ 40
Почитатели змея

Уильям ГРЭШЕМ 59
Гарри Гудини — покоритель оков

ПЕСТРЫЙ МИР 46

Н. НИКОЛАЕВ 10
Вечные охотники

Издатель журнала: акционерное общество «Редакция журнала «Вокруг света»
Совет директоров:
В.В.ШИЛОВ — секретарь Союза журналистов России (председатель)
А.А.ПОЛЕЩУК — генеральный директор АО «Вокруг света», главный редактор журнала
Н.А.ТУРОК — зам. генерального директора АО «Молодая гвардия»

Редакция:
О.И.БОЙКО, художественный редактор
Л.В.БОБРОВА
Л.В.КОСТЮКОВА
Н.В.КРИВЦОВ
Е.Ф.КУЗЬМИН, отв. редактор приложения «Искатель»
В.И.КУХАРУК
В.А.ЛЕБЕДЕВ, первый зам. генерального директора, зам. главного редактора журнала

Н.Г.МАЛИНИЧЕВА
Л.М.МИНЦ
Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ, ответственный секретарь журнала
В.К. ОРЛОВ
Н.А.САФИЕВ
В.В.СЕМЕНОВА
В.Ю.СПАСЕННЫХ
А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ

Б.Е.ТАТУРА, зам. генерального директора
Л.А.ЧЕШКОВА, ведущий редактор
Г.П.ШТУЛЬ
К.В.ЯНСИТОВ, главный художник журнала
Операторы компьютерного набора
М.В.ГРЯЗНОВА,
Г.П.ПОЖИДАЕВА

Учредитель журнала: коллектив редакции.
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов.
За содержание рекламы отвечают рекламодатели.

125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а. 16-й этаж.
Телефоны: для справок — 285-88-83,
отдел писем и рекламы — 285-88-68,
редакторы — 285-89-83. «Искатель» —
285-80-10. Телефакс /095/972-05-82

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая, как правило, в переписку.
Рукописи не рецензируются, редакция лишь сообщает авторам свое решение.

5«А» Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015
Fones: 285-88-83
285-88-68
Fax /095/ 972-05-82

Василий ГАЛЕНКО,
координатор кругосветного плавания,
наш спец.корр.

ЧЕРЕЗ ТРИ ОКЕАНА НА ВЕСЛАХ

Трудно было назвать зрелищем старт заключительного этапа первой российской кругосветки на гребной лодке из Мурманска. Буксир «Девиатор» с немногими провожающими устремился вслед за лодкой «МАХ-4», имитирующей выход на маршрут. Это было понятно всем, поскольку для «настоящего» выхода в море Евгению Смургису и его сыну Александру надлежало явиться на пограничный КПС, чтобы поставить штампы «отход» в свои паспорта. А пока мореходы демонстрировали специально для фотографов от прессы возможности и достоинства единственного в своем роде судна. Мы не заботились о внешней стороне «проводов»: не было оркестра и даже объявлений по громкой связи. Не было и святого отца с чашей для окропления. Каюсь, в сутолоке и волнениях я напрочь забыл об этом достойном украшении всякого Начала. Да и, честно говоря, торжественность, а тем более смирение казались нам неуместными среди всех неурядиц, сопротивления и невесть откуда берущихся проблем. Мы бились с неизвестными нам инструкциями, «имеющимися у пограничников», и потому при-

шлось доказывать, что наше гребное судно, в просторечии именуемое лодкой, все-таки судно; разрешение покинуть пределы России Евгений Смургис и его сын получили с задержкой на три дня...

Эта кругосветка началась несколько лет назад в далеком арктическом порту Тикси. Не один экспедиционный сезон потребовался Евгению Смургису, чтобы пройти северными морями до Мурманска. Шефствуя над этим неизмеримо трудным плаванием, помогая, насколько возможно, в осуществлении идеи кругосветки, журнал «Вокруг света» регулярно рассказывал на своих страницах об этапах ледового плавания¹. Преодолев — первым! — на гребной лодке три моря в Северном Ледовитом океане, Евгений Смургис нашел, как нам кажется, выход из той тупиковой ситуации, в которой и по сей день пребывают все потенциальные претенденты на заветный виток вокруг земли на веслах.

¹ Смургис Е. «На веслах по Студеному морю» (№ 5/89). «На веслах по земному шару» (№ 11-12/91).

Идея гребного марафона вокруг света уже, наверное, лет двадцать. Но дело в том, что даже покорители двух океанов — Атлантического и Тихого (об этом разговор дальше) не решились одолеть третий — Индийский, с его опасной климатической (и не только климатической) обстановкой. И никто пока не объявил о желании покорить этот последний непокоренный океан. Однако, если внимательно посмотреть на наш земной шар, нетрудно заметить, что меридианы Индийского океана можно спокойно и по более краткому пути пересечь в Северном Ледовитом океане. Правда, и здесь следовало рассчитывать на многолетнее плавание, поскольку период открытой воды не превышает месяца-двух. Это ни для кого не было секретом, но была еще проблема пограничного режима прибрежных вод России, напрочь закрытых для любителей всякого рода морских путешествий. Но мы-то — не гости в своей стране, и после очередного «пробега» по маршруту нам не требуется «пробивать» визы для участников плавания и хлопотные разрешения на саму лодку. Евгений Смургис «по-домашнему» один и вместе с сыном одолел те самые «не-

доступные» меридианы Индийского океана. Мне, как одному из инициаторов этой экспедиции, представляется, что создан прецедент, значение которого еще долго будет осмысливаться теми, кто в той или иной мере занимается проблемами кругосветных плаваний. Успешное начало кругосветки убедило Смургиса и всех нас, причастных к организации доселе невиданного путешествия, в его реальности. Теперь на пути его лодки «МАХ-4» — Атлантический и Тихий океаны, по-разному и в разное время покоренные на гребных лодках.

Начало положили американцы — выходцы из Норвегии Джордж Гарбо и Фрэнк Сэмюэльсон. За 55 суток в далеком 1896 году они на гребной шлюпке проплыли от Нью-Йорка до полуострова Корнуэлл в Англии, а оттуда до Гавра. Рекорд этот до сих пор не побит, а выставленная на Всемирной выставке в Париже их лодка многие годы не давала покоя любителям острых ощущений. Только в 1966 году, как бы заново открывая Атлантику для гребцов, на рыбацкой доре отправились от берегов Америки два исконных англичанина — капитан парашютного полка Джон Риджуэй и его коллега сержант Чэй Блайт. Им понадобилось 92 суток, чтобы в струях Гольфстрима пройти от Бостона до берегов Ирландии.

Первое одиночное плавание на веслах совершил на шестиметровой доре англичанин Том Мак-Клин в 1969 году. От берегов острова Ньюфаундленд (Канада) до Ирландии он плыл 70 суток, и его плавание было занесено в Книгу рекордов Гиннесса. В том же году Атлантику одолел англичанин Джон Фэрфакс на специально построенной десятиметровой лодке «Британия-1». Он плыл по маршруту Колумба от Канарских островов и через полгода — на веслах — достиг Флориды. Спустя два года неутомимый Джон отправился покорять Тихий океан вместе со своей подружкой Сильвией Кук. То было первое плавание через Тихий океан на веслах. Первая женщина в гребном марафоне не подвела честолюбивого Фэрфакса, ее единственной наградой стал сын Мартин, о котором она мечтала с тех пор, как взялась помогать Фэрфаксу. А сам герой — первый покоритель двух океанов на веслах — остался в полюбившейся Флориде, а может быть, подалше от Сильвии. Год в море один на один что-то меняет в людях.

Первое одиночное плавание через Тихий океан от Сан-Франциско до Австралии в 1980–1981 годах совершил англичанин Питер Бёрд. В десятимесячном рейсе он не только читал любимый роман «Война и мир», но и греб, что ставит его достижение в ряд выдающихся, если бы не Жерар д'Абовиль. К тому времени тот пересек Атлантику и поначалу зарекался выходить в море на гребной посудине. Но позднее на лодке «Сектор», построенной в Швейцарии за 500 тысяч

долларов, Жерар д'Абовиль в одиночестве одолел на веслах Тихий океан — от Японии до берегов штата Орегон (США). Было это в 1991 году. Этот великий спортсмен — первый человек, в одиночку покоривший на гребных лодках два океана...

Из многих знаменитых мореплавателей мы упомянули лишь тех, кто в чем-то был первым. Эту страсть в людях лучше всего выразил знаменитый яхтсмен Робин Нокс-Джонстон: «В этом мире так мало интересных занятий и так много людей, что совсем недурно иметь право заявить во всеуслышание, что ты первый человек, совершивший что-либо...»

Рискованным, изматывающим дух, страшным в своем одиночестве путешествием, в которых только каторжный труд способен сохранить рассудок, нет конца. И, вероятно, никогда не будет. Охотнее всего на эту «тропу», как видим, вступают англичане. И средств на подобные путешествия они не жалеют. Читатель, может быть, привыкший, что такие экспедиции осуществляются у нас с благословения «верхов», что было справедливо до самого последнего времени, несказанно удивится, если я скажу: настоящих меценатов, почитателей мы так и не нашли. Собранных от добродетелей денег (в Липецке, главным образом, родном городе Смургисов) едва хватило на ремонт и должное снаряжение лодки для океанского плавания. Наш упор на то, что это плавание — есть НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ, — не вызвал никакой реакции у тех, кто мог бы выделить нам обозначенные в смете 30 тысяч долларов. Даже в самых высших эшелонах власти мы встретили непонимание. И все-таки мы не опустили руки...

Но вернемся на 12-й причал Мурманского морского порта. В день, когда состоялась имитация выхода, была хорошая погода. И хотя сопки по обоим берегам залива сверкали белизной недавно выпавшего снега, на рейде уютно сновали всякие катера, стояли на якорях солидные сухогрузы — все говорило об удачно выбранном моменте для старта. Но, задержавшись на три дня, мы упустили погоду. Ветер с устья залива развел волну, отчаянно болталась на концах всякая мелкота... И все-таки старт состоялся — 4 июня 1992 года в полдень.

Евгений Смургис и его сын Александр — два россиянина из провинциального Липецка — уходили в плавание на долгие шестнадцать месяцев. Теперь их дом — восьмиметровая деревянная лодка, а жизнь — непрерывный труд в соленом и уютном море. Шквальный ветер с норд-веста с легким дождем не гасил бушующую в моем сердце радость: возможно, я был свидетелем важного события. Кроме меня, лодку «МАХ-4» провожали два филателиста из местного клуба. Моряк с буксира, следивший за нашим прощанием, спросил:

— Куда это они?

— Вокруг света, — ответил я, и моряк, кажется, поверил. Он, видимо, оценил долгую возню у причала, когда прибыл до зубов вооруженный наряд, снятие таможенных пломб на дверцах кубриков, и мои попытки найти место повыше, откуда была бы видна исчезающая в дождевой пелене лодка...

Нашим мореходам предстоит плавание в неуютных водах Баренцева, Норвежского и Северного морей, прежде чем они, побывав в нескольких портах Норвегии, придут в Лондон. Здесь отца и сына Смургисов будут не только чествовать в редакции Книги рекордов Гиннесса. Им предстоит дооборудовать лодку всем необходимым для плавания в тропиках. Придется приобрести зарекомендовавшие себя английские опреснители морской воды. Вместо архаичного секстана и множества таблиц наши мореходы освою портативный спутниковый определитель координат «Магеллан» — сложный и многофункциональный прибор размером с милицейский радиопередатчик.

Дальнейший путь лодки «МАХ-4» пройдет вдоль берегов Франции, Испании и Португалии до Кадиса, откуда пять столетий назад отправлялся в неведомое плавание Колумб. К осени, по нашим предположениям, мореходы достигнут Канарских островов, откуда начнется путь через Атлантический океан. Новый, 1994 год гребцы должны встретить на острове Барбадос, а после отправятся к Панамскому каналу вдоль берегов Венесуэлы и Колумбии. После выхода в Тихий океан лодка попадет в струи Калифорнийского течения. Но вот вопрос — успеют ли мореходы дойти к Берингову проливу к началу августа? Август и первая половина сентября — наиболее благоприятное время для плавания в Чукотском и Восточно-Сибирском морях. Финиш запланирован на конец сентября в поселке Тикси... При плавании вдоль американских берегов, известных своими сильными течениями, особенно после стоянки и отдыха в Сан-Франциско, Смургисы определяют, насколько они вписываются в график. В худшем случае предстоит незапланированная зимовка.

Две недели спустя после выхода из Мурманска Евгений Смургис позвонил мне из норвежского порта Тромсё. Сказал, что все в порядке, и вскользь упомянул, что за полуостровом Рыбачий встречный шторм отбросил лодку к родным берегам. Пограничники арестовали «нарушителей» границы, и понадобилось два дня, чтобы опознать в них тех самых чудаков, которые добывались в Мурманске выхода в море.

г. Мурманск, июнь 1993 г.

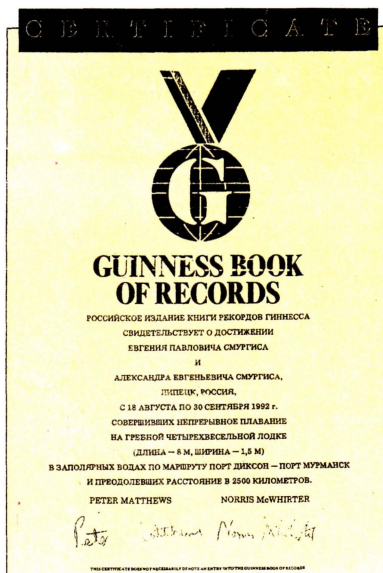
Евгений СМУРГИС
Фото Льва ФЕДОСЕЕВА

К СТАРТУ БОЛЬШОГО ПЛАВАНИЯ

Диксон. 18 августа 1992 года. В пять утра пошел мелкий дождь. Ровно сутки без сна. Поднимаем весло вертикально — условный знак Доронино, начальнику отдела службы охраны моря, — мы готовы к выходу. Благодарим нашего диксонского покровителя за помощь и отталкиваем лодку.

Мы — это я и мой сын Саша. В четырнадцать лет он был участником экспедиции от истоков Лены до Тикси. Тогда, в год 125-летия журнала «Вокруг света», на четырехвесельной стеклопластиковой лодке «Пеллафиорд» за 45 суток одолели мы с Сашей 4500 километров. На следующий год тоже на веслах прошли порожистую реку Онегу от устья до истока. В те дни испытаний я и «положил на него глаз». К тому же мы с Сашей хорошо сгреблись и психологически оказались совместимыми. К предстоящему походу он окреп, возмужал. Ему уже двадцать лет.

Через несколько минут мы уже вышли из гавани, и «МАХ-4» затрепала шустрая волна, как бы радуясь игрушке, подаренной судьбой.

За плавание 1992 года Евгений и Александр Смургисы по маршруту порт Диксон — Мурманск внесены в Книгу рекордов Гиннеса.

Что думал в эти минуты Геннадий Михайлович, одиноко стоящий на пирсе в этот ранний утренний час? Избегая лишнего шума проводов, мы сознательно не назвали час отхода.

— Давай, штурман, слушай команду капитана, — говорю Саше. — Ко сну отходить! Часа через три-четыре разбуду на вахту.

План нашего пути через Енисейский залив при неблагоприятных ветрах был такой: спускаемся на юг более ста километров и проливом Овцына плывем на северную оконечность Гыданского полуострова, а на острове Олений пополняем запасы пресной воды.

Северный ветер в 4-5 баллов хорошо помогает. От берега держимся в пяти километрах: он сильно изрезан, и много мелких островов. Усталость последних двух месяцев титаническим грузом давит на душу, тело, разум. Впервые за многие годы путешествий вот так, без самого малого отдыха, сели за весла. Строительство лодки, ее перевозка, организационные хлопоты отняли уйму сил, а впереди основная задача — дорога длиной более двух тысяч километров по трем студеным северным морям.

Дождь сменился густым туманом. Штурман беззаботно спит, развалившись на ворохе одежды. Сказать, что в каюте тесно, значит не сказать ничего: вдвоем лежать можно только на боку. Теснота предполагалась заведомо, а вот что для двоих не будет хватать воздуха, об этом мы не подумали. Через час дышать стало просто нечем. На стоянке придется вентиляционные отверстия сверлить. К полудню туман стало поднимать, местами даже маленькие клочки неба открылись. Пришло время сыну сделать первые гребки в этом походе.

— Мастер,— кричит Саша мне,— зимовье и бухта для отстоя хорошая! Можем часа два встать — еду приготовим да в лодке немножко разберем, а то все завалено, вытянуться даже по-человечески нельзя.

— Подходи, разбудишь, когда еду приготовишь.

Вопросов больше не последовало: такой режимный прием практиковался у нас с ним в прошлых походах. Тогда он, еще совсем малый, греб перед ночью, варил ужин и будил меня. Ели, и я заступал на ночную вахту до утра.

Небо чистое, ветер резвится, солнце стоит высоко. Мы после короткого отдыха стали веселее. А может, тому причиной солнце, которого не видели десять дней. Когда-то древние греки выбили на стене храма Дианы в Эфесе следующие слова: «Только солнце своим лучистым светом дает жизнь».

В двадцати километрах южнее, на мысу Ефремов Камень, было добротное зимовье. Едва заметный маяк приближался с каждым часом. На моей вахте лодка зашла за мыс, в защищенную от ветра бухту — для нашего небольшого судна в самый раз. Было время полного прилива: лодку решили далеко не вытаскивать, а лишь хорошо привязать якорным концом к береговому плавнику. Планировалась многочасовая стоянка: будем отдыхать, праздновать, укладывать снаряжение по штатным местам. Очень важно, чтобы каждая вещь заняла угованное ей место, и чтобы мы оба помнили, где она лежит. По горькому опыту знали, сколько труда нужно, чтобы в хаосе вещей выудить необходимый предмет, да еще при неспокойном море. Саша занялся приготовлением праздничного ужина: 19 августа. Наступил 54-й день моего рождения. Счастливым днем: я еще в дороге, в пути, увлечен своим делом — живешь по большому счету. Здесь, на берегу самого сурового моря Северного Ледовитого океана, рядом со мной сын, по доброй воле вставший на путь испытаний и познания мира, в котором мы живем. Я первым делом достал маленькую ручную дрель и стал сверлить вентиляционные отверстия по бортику светового иллюминатора. Потом сделал на носу волноотбойник и тонкой доской нарастил борта открытой части лодки между каютами, тем самым уменьшив возможность попадания гребня волны в лодку. Нам предстояло плыть вдали от берегов, в

штормовых морях, так как наш путь пролегал вдоль сильно изрезанной глубокими заливами береговой линии — Енисейский залив, Гыданская губа, Байдорская губа, Хайпудырская губа, Печорская губа, Чешская губа, Белое море.

— Па, иди, все готово,— кричит сын, стараясь пересилить шум ветра.

Время приближается к полуночи. Открываю дверь зимовья и встречаюсь с благодатным теплом очага, пробуждающими аппетит запахами пищи. На столе дымящийся красный борщ с олениной, жареный икройной омуль — дар диксонских рыбаков, лук, чеснок с липецкой земли, бутылка елецкой водки и другая снедь.

Выпили по рюмке водки, именно рюмке, сытно, спокойно, впервые за много дней, поели, поговорили.

Не мог припомнить — когда вот так, на суше, отмечал дома день рождения в кругу родных, близких. Но навечно в памяти остались два из них. 1978 год. Лодка «МАХ-4», загнанная льдом в Гыданскую губу, пересекает ее. Шторм. Кругом вздыбившаяся мутная вода с белой пеной и свист ветра... 1983 год. Тихий океан, Японское море. На западе едва просматривается темная полоса берега. Над головою полная, необычно яркая луна. Штиль, но море неспокойно — зыбь...

Утром к ветру опять добавил туман. Холодно. Первым делом иду смотреть лодку: северные моря — это сундук с сюрпризами. Все в порядке. Часа через три прилив поднимет ее, и можно будет продолжить путь дальше. Сутки при боковом ветре спускаемся на юг. Туман сменяется дождем, солнце, казалось, пропало навсегда.

На следующий день при попутном ветре выходим на гидробазовскую точку на острове Олений, позади первая преграда — Енисейский залив и пролив Овцына. Дмитрий Леонтьевич Овцын был начальником Обь-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции. Этот настойчивый и волевой офицер три лета подряд безуспешно пытался пройти с Оби на Енисей и каждый раз возвращался, остановленный непроходимыми льдами. Наконец в августе 1737 года он вошел в Енисейский залив через пролив, отделяющий остров Сибирякова от Гыданского полуострова. Теперь этот пролив носит его имя. Успешное плавание Овцына развеяло бытовавшее со времен мангазейских воевод мнение об отсутствии морского хода из Оби в Енисей и имело большое значение для развития мореплавания в этом районе.

Низменный, едва поднимающийся из воды берег и несколько деревянных домов. Высаживаюсь с кормы на берег, а Саша отгребает с прибойной волны и бросает якорь. Иду к дизельной волне. Мотор работает, но помещение закрыто. Вижу жилой дом и направляюсь к нему. Брешет огромная овчарка, но никто не выходит. Дверь закрыта изнутри: должен же там кто-то быть. Долго барабанил, наконец появился хозяин. Как бы извиняясь: «Вот,

дизелист ушел на охоту еще вчера, а до сих пор нет». Ничего не спрашивая, принес воды. Прогноз погоды не полагают. Похоже, что он не совсем пронулся: не может осмыслить увиденное — откуда на пустынном острове, на котором, кроме работников базы, быть людей не должно, посторонний человек?

Возвратился на лодку с бурдюком пресной воды и сменил сына.

До следующей суши нас отделяло сто километров. Курс на мыс Матте-сале, в Гыданский пролив. Полтора суток болтались в море на пронизывающем холодном ветру, прежде чем открылся берег. Я ждал его в определенное время и увидел там, где хотел, — запомнился этот возвышенный мыс еще с 1978 года, а вместе с ним и мель в проливе, на которой долго пришлось сидеть, ожидая прилива. Сколько, даже на моей памяти, насиделось спортивных мореплавателей на кошках Гыданских, Обских, Байдарацких, Гуляевских. К тому же они в стороне от судоводных путей, — на них можно бесславно закончить жизнь.

Нам повезло: до темноты, когда влочась, когда выгребая, выискивая проход между мелями, вырвались в Обскую губу. До мыса Послово всего семьдесят километров. Но, зная коварство прибрежных мелей, принимаем решение держать курс в пролив Малыгина на одноименный мыс северо-западной части полуострова Ямал. Это удлиняет плавание до ближайшей суши еще на сто километров. Договорились со штурманом, что он гребет до тех пор, пока темнота не скроет берег, — это дает возможность править лодкой, не глядя на компас. Ночью его приходится подсвечивать фонарем, что не очень удобно.

— Вахта, вахта,— раздалось далеко за полночь.

Штурман значительно перевыполнил свою гребную норму. По разным бортам быстро производим смену. Первым делом нужно быстро адаптироваться к окружающей среде — каждый знает, как неприятно выходить из теплого дома в непогоду на улицу. А здесь на встречу с неспокойным морем, холодным, пронизывающим до костей ветром, сыростью. Куда ни помотришь, не видно ни зги — пространство в никуда.

Утром, когда совсем рассвело, часто стала встречаться нерпа, чем дальше, тем больше — целые стада. Так много еще никогда видеть не приходилось. Делаем несколько промеров глубины, она быстро уменьшается. Восемь метров, пять, четыре, один, два, один — мы точно в средней части пролива Малыгина, отделяющего остров Белый от северной оконечности полуострова Ямал.

23 июля 1737-го боты, ведомые выдающимся российским штурманом-мореплавателем, педагогом Малыгиным Степаном Гавриловичем, «лейтенантом майорского рангу», достигли северной оконечности Ямала. В узком проливе, отделяющем остров от материка, в ожидании попутного ветра

простояли две недели, и только 17 августа, подгоняемые подымавшимся северным ветром, легли курсом на Обскую губу. Пролив был назван именем своего открывателя. Составленная тогда по результатам экспедиции Малыгина «Меркаторская карта Северного океана с назначением берега от реки Печора до реки Оби» была выдающимся событием в истории отечественной картографии. Кроме того, это была первая карта полуострова Ямал. На этой карте море к востоку от пролива Югорский Шар впервые было названо Карским по имени реки, где зимовали в 1736 году суда экспедиции.

В самой узости, в западной части, ширина пролива Малыгина всего восемь километров. Его горловина напоминает рыболовную снасть — ветель или морду, в которую рыба свободно заходит, а выйти не может. Нам предстояло выйти из горла. Не попав в узость, мы могли оказаться или в заливе Паха острова Белый, или в заливе за мысом Головина, на северо-западной оконечности Ямала. Задача сложная: на морской карте берега горла обозначены песками, значит, могут быть едва видны. Бывало, и в спокойную погоду, при хорошей видимости в подобной картографической ситуации суша появлялась из-за горизонта едва ли за километр. Сейчас же при бугристом море и отвратительной видимости надеяться на ориентир по берегу было нельзя. Уповать оставалось на удачу.

Во второй половине дня по курсу обозначилась едва заметная черная точка. Она то закрывалась волной, то открывалась снова. Явно земля и похожа на остров. Есть островок на карте немного южнее мыса Головина. Приблизились к нему так же неожиданно, как появился и он. От него на северо-западе еще земля просматривается. Гребем к ней. Мели не дают приблизиться к берегу с небольшой, в несколько метров, возвышенностью, а очень хочется осмотреться. Определиться нужно было точно, ведь мы могли оказаться и на острове Белом. Часа два бесполезного болтания на прибойной волне притупили желание высадиться на берег сегодня. Шел отлив. Решили искать убежище за одной из песчаных кос, дожидаться прилива и рассвета. При большой воде подойти к берегу. На глубине 50 сантиметров отдали якорь. В полный отлив лодка сядет на грунт, и мы спокойно поспим.

Время от времени просыпаясь, стараюсь покачать лодку. Не всплыла ли? Лодка стояла на прежнем месте, а Саша крепко спал. Вода стремительно убегала — я ошибся в расчете времени прилива. Поднимаю сына. Быстро облачаемся в гидрокombineзоны и волочим лодку на глубину.

С благодарностью вспоминаем Краснодарскую фирму «Кулик». Неожиданно перед новым 1992 годом последующего поздравительную открытку следующего содержания: «Евгений Павлович, еще в юношестве восхищался Вашими путешествиями, вос-

хищаюсь и сегодня. Помимо катамаранов, мы делаем неплохие комбинезоны — напишите, что вы хотите, мы сделаем Вам для путешествия».

Предложение было очень кстати, комбинезоны для плавания в северных водах должны были быть обязательной частью снаряжения, и я ответил незамедлительно. Вскоре получаю посылку с запиской: «Евгению Смургису. Буду очень рад, если наша скромная помощь окажется полезной. Удачи в задуманном новом путешествии. Анатолий Кулик со товарищи». Подпись, печать. А внизу приписка: «Высылаю Вам три комбинезона — один запасной».

Если говорить о помощи и доброте людей, благодаря которым состоялось наше плавание, надо вспомнить и петрозаводский клуб «Полярный Одиссей», где мы строили лодку с мастером Сергеем Давыдовым; и Санкт-Петербург — экспериментальный завод спортивного судостроения, Виктора Алексеевича, который изготовил нам прекрасные весла; и начальника Беломоро-Онежского пароходства, который помог перебросить лодку на Диксон; и капитана «Волго-Балта» Виктора Ворошко, и портюков... Вспоминали мы добрым словом и работников швейного объединения «Липчанка», которые сшили нам яркороранжевые костюмы... И многих, многих прекрасных людей, встречавшихся на нашем нелегком пути к Диксону и из Диксона к Мурманску.

С божьей помощью, намучившись, одолели всего двадцать километров и повернули на юг. До мыса Пайндте еще тридцать, но это уже совсем другая дорога — ровный, приглубый берег да ветер — наш союзник. К концу дня приблизились к маяку. Похоже, обитаем. Надо высаживаться — кончился газ. С северной стороны подойти близко не удастся, опять мели. Южнее есть речка, но вряд ли в сумерках удастся найти устье. В темноте, не солоно хлебавши, возвратился к лодке. Что будешь делать, опять прочно сидим на песке. Попотев изрядно, оставляем безнадежное занятие, лучше сбережь силы и дождаться прилива. Утром на берегу показались строения, бытовые вагончики. Все очень похоже на полярную станцию. Два человека идут к берегу, у одного ружье за спиной. Приближаемся. Один, что в малице, наверное, ненец, поднял руки и делает какие-то знаки. Когда приблизились совсем близко, стало понятно, что жилище здесь не пахнет. Встретили нас два местных жителя. Один одет в национальные одежды, а другой — в полупальто, шапке-ушанке, коротких резиновых сапогах. Давали нам знак, что жилища здесь нет — полярная станция брошена. На вопрос, кто такие, ответили, что вольные охотники. Занимаются оленеводством, рыбалкой и охотой. И Крайний Север не миновал свежий ветер реформ — частники они. Стоят в тундре, километрах в пяти от моря. «А как с угожьями, кто делит?» — спрашиваю. «Да никто, тундра большая —

всем хватит», — отвечает тот, что в малице. На плече у него здоровенный топор необычной формы, что-то среднее между колуном и топором лесоруба. Такого видеть не приходилось.

— Откуда такой? — спрашиваю я. — Не надоело таскать?

— А тебе не надоело туда-сюда ездить? Топор же от деда достался, он его на фактории у поляка выменял за пушнину.

— Почему туда-сюда? — спрашиваю.

— Потому что видел тебя на Тандибе-Яха в 1978-м на такой же лодке, но без кают. И так же называлась. Шел ты на Енисей. Год почему запомнился? Потому что лед тогда так из губы и не вышел, а такое бывает не часто. Вспомни восьмерку (вертолет МИ-8), мы тогда несколько раз летали смотреть: выберешься из губы или нет.

Действительно летал вертолет, а среди любопытных были и местные жители.

После короткого общения мы снова в море-океане. Безжалостно треплет наш маленький кораблик злая волна, бснует ветер, мокрое небо придавило землю. Ничего кругом, что бы радовало глаз. Может, оттого и грустные думы о людях, с которыми только что говорили. Когда-то они жили среди нетронутой природы, могли сами обеспечить свою жизнь всем необходимым, знали много ремесел. Потом отношение пришлых сделало многих аборигенов иждивенцами. Еще недавно вертолет доставлял все необходимое в стойбища — продукты питания, одежду, мотонарты, собирал по стойбищам детей и отвозил в интернаты на учебу — был как бы воздушным оленем. Сейчас аборигены-частники предоставлены сами себе. Не могут платить за летный час вертолета пятьдесят и более тысяч рублей. Дети их познают грамоту дома, а отцы, достав дедовские топоры, вынуждены идти к газовикам, нефтяникам, буровикам и совершать бартерные сделки, а попросту — заниматься меном. Как и сотни лет назад, на грабительских для себя условиях, отдавая за бесценнок иноземцам мясо, рыбу, пушнину...

Ранним утром 28 августа, едва рассвело, Саша завел лодку в устье реки Иондаяха. Тут есть все: сети на воде, две надувных и одна дюралева лодка, плашкоут для доставки по мелководью грузов от морского судна на берег, работающая дизельная станция, два больших автокрана, бульдозеры, постройки и буровая вышка...

В дизельной двери открыты настежь, чтобы двигатель не перегревался, а людей нет. Ход в жилой комплекс закрыт изнутри. Стучим долго, но никто не открывает. Тогда стучим в окно. Появляется сонное лицо.

— Сейчас открою, — и исчезает.

Мы оказались в подбазе Карской нефтеразведочной экспедиции; это перерывочная площадка для грузов экспедиции, доставляемых морем. Здесь можно было послать о себе весть — на

базе была рация и два радиста; нашелся газовый баллон, от которого можно было заправиться; были станки, инструменты, сушилка, баня парная. С момента старта прошло ровно десять суток, из которых лишь два дня без дождя и ни одного без ветра. Все вещи, кроме аварийных комплектов, хранящихся в герметичных целлофановых мешках, были сырыми. За кормой «МАХ-4» остались 600 километров пути. Надо было пригнать «перья» в порядке.

Встретивший нас дизелист — Магофуров Тахир Латфулович показал сушилку.

— Мужики, будете носить вещи, дверь закрывайте на засов. Сделать это можно и с наружной стороны. Вчера хотел выйти из комнаты, банку из-под тушенки в мусорку выбросить, дверь открыл.... А вместо мусорки в пасть медведя положил. Будто стоял за дверями и ждал. Вон ту дверь, убегаю, вынес на горбу. Не пойму: как в коридор залез?

За завтраком познакомился со всей вахтой: уже знакомый Тахир, второй дизелист — Нужин Александр Николаевич, Вялков Андрей Борисович и Чашин Леонид Максимович — радисты, крановщик Лагинов Владимир Михайлович.

— А что, ребята, банька и у нас неплохая, — отреагировал Александр Нужин после моего рассказа о Колбинской бане Виктора Казакова, — можем истопить, часа через три будет готова. Когда еще вам придется?

Дело говорит — в ближайшую неделю бани явно не будет. Согласились.

— Идите скорее к окну, — зовет Тахир.

Совсем рядом с постройками прохаживался медведь.

Разговор в бане несколько сблизил нас. Мы стали лучше понимать друг друга. Когда потом все собрались за обедом, не очень разговорчивый крановщик поведал историю своего друга, поставившую последнюю точку в нашем споре-разговоре о смысле путешествий. К сожалению, не записал ни имени, ни фамилии друга.

— Случилось это лет восемь назад, — рассказывал он, — стоял октябрь, холодно было. Друг мой в отпуск ушел, а отпуска у нас продолжительные. Жил я тогда в Харасавэе, он в Амдерме. За работой время идет незаметно. Пролетело шесть вахт, они у нас по пятнадцать суток. Время ему на работу выходить, а его все нет. Еще время прошло — нет друга. Слух долетел, что кто-то в губе утонул. В один из дней прилетела смена. Сел вертолет, от него толпа идет. Еще аборигенов нам не хватало, подумал я, глядя на человека в малице. Подходит ко мне и здоровается. Худющий — кожа да кости. В облике что-то знакомое есть, а узнать не могу. Узнал только по голосу.

Строил он несколько лет металлический катер. В последний отпуск закончил и решил на нем на работу приплыть. Снарядился и пошел. Губа всегда коварна, а в октябре особенно.

На середине губы его прихватило; перо руля разбило, а потом и движок отказал. Чтобы не замерзнуть, привязал себя к мачте. Сколько его болтало, известно только богу. Через какое-то время потерял сознание. Помнит лишь четыре момента... Первый раз очнулся, когда катер выбросило на берег Ямала. Отвязал себя и сошел на сушу. Потом вернулся, взял ружье с одним патроном. Снова вернулся, налил ведро солярки и вынес. На катере были одежда, пища, боеприпасы. Почему ничего не взял? Скорее всего находился в стрессовом, полусознательном состоянии. Понимал же, что без тепла в ту пору в тундре не выжить, поэтому и солярки налил. Сколько шел с ведром по тундре, не знает. Очнулся — сидит на кочке, рядом ведро с соляркой, а перед ним в нескольких метрах халей (крупная чайка). Выстрелил. Когда снова очнулся, догорала солярка, перед ним куча перьев — нет халей. Четвертый раз очнулся на нартах — подобрали его ненцы. Вот такая история.

Поведав о своем приключении, он сказал: «Все равно построю катер и приеду на нем за одну навигацию от Амдермы до Берингова пролива. Тогда буду чувствовать себя человеком».

Хозяева задали нас рыбой. Каждый из своих запасов доставал по несколько отборных омулей и отдавал нам: «Берите, ловить вам некогда». Дар принимали без сопротивления: рыбу действительно никогда не ловили, а различные снасти, в том числе и сеть, возили как аварийное снаряжение на случай кризиса с продуктами. Рыбу получили — малосольную, соленую, копченую, не доставало только свежей. Каждый из хозяев имел на реке свои сети и заготавливал рыбу домой.

Берег всего в трехстах метрах. Мы с Сашей пошли лодку готовить к отплытию, а хозяева базы, спустя некоторое время, подъехали на большегрузном кране. Устройшись от ветра в кабине крана, стоящего у самой кромки берегового обрыва, они стали наблюдать за нашими сборами. Все готово. Собираемся у лодки и делаем несколько памятных снимков.

— Мужики, закончите поход, обязательно сообщите. Если бы не виделись — то спали б спокойно... Не по Бродвею прогуливаетесь. С Богом, — напутствует Тахир.

Осторожно обходя сети, Саша правит «МАХ-4» в море. Удаляемся на километр от берега и ложимся курсом на юг. Кран долго стоит неподвижно, потом разворачивается и уходит на базу...

От полярной станции «Моржовая» до Амдермы по прямой 300 километров. Этот участок открытого моря казался нам самым сложным. Опасность представляли западные и южные ветры: подуют они — долго придется болтаться в безвестности. Тридцать километров до мыса Бурун тянется бе-

рег по нужному нам курсу. Это удобно: курс лодки можно держать по береговым огням. Два-три часа придется подсвечивать компас, а там рассветет.

Новый день расшевелил ветер и пригнал туман. Берегов не видно, кругом одна вода...

К концу третьих суток по воде потянулся мазутный след шириной в 30 — 50 метров. Наверное, какое-то судно спустило подсланевые воды?

— Смотри, берег, явно берег, — показывает за мою спину Саша.

Миража быть не могло — это был берег. По нашему курсу над горизонтом, на небольшом расстоянии друг от друга едва возвышались два маленьких островка. В том месте, куда мы стремились, на карте островов не указано. Но мы не расстраивались, острова могли быть береговыми возвышенностями материка.

— Сегодня может случиться праздник, — говорю сыну. — Впервые в истории мирового мореплавания гребная лодка пересечет с востока на запад все Карское море, и ты в этом участник.

Но не хотело море отпускать нас. Побежала рябь по воде, зашевелился ветер. Пропало солнце. По воде заскакали белые барашки. Принимаем штормовую готовность. Несколько часов ведем лодку галсами, подрезая волну. Медленно, но приближаемся к суше. До нее километров двадцать. Быстро опускаются сумерки, в темноте загораются огни поселка. Их много, так много, что, кроме как поселку Амдерма, никому принадлежать они не могут.

Третьего сентября пришли в Амдерму. Здесь нам предстояли те же заботы, что и в любом населенном пункте: закупка продуктов, осмотр снаряжения, лодки, сушка одежды и, конечно же, общение с людьми. На следующий день мы уже снялись и взяли курс на Югорский Шар. Пока стояли в Амдерме, погода была хорошая, солнечная, продолжили путь — испортилась. Небо заволокло тучи, стемнело. Ориентируемся по злетно-посадочной аэродромной полосе. Когда ее огни кончились, прицепились к огню маяка на южной оконечности острова Местный. К полуночи уже дул умеренный северо-запад. Мы вышли из пролива и гребли на маяк мыса Тонкий. Свет его то горел ярко, то тускнел, то исчезал совсем. Через полчаса кругом одна сырость, огней нет, видимость нулевая. Минут тридцать еще гребли по компасу, приближаясь к берегу. Отдали якорь и стали дожидаться видимости: полярная станция была в пятнадцати километрах, а начало пролива в десяти. Ширина его горла всего шесть километров. Без видимых ориентиров могли оказаться на острове Вайгач и не найти станцию. Рассветает, видимости нет. Компасным курсом приближаемся к берегу до тех пор, пока он не стал виден. Открылся всего за сто метров. Так и ползем вдоль него, обгибая все заливы. Исчезает из видимости земля, подворачиваем лодку до тех пор, пока не увидим

снова. Через два часа держим устойчивый курс к югу — мы входим в пролив Югорский Шар. Теперь можно сказать — гребная лодка впервые пересекла самое протяженное и суровое море Северного Ледовитого океана.

...Многочисленные экспедиции XVII века, организованные с целью поиска путей на Восток и в Китай, оканчивались неудачно. Большинство мореплавателей или не могли пройти далее Вайгача, или, проникнув до Ямала, поспешно возвращались. Плавание считалось опасным делом, и найти желающих сопроводить экспедиции, хотя бы до Печоры, было нелегко.

Первая попытка организовать экспедиции к устьям сибирских рек относится к 1712–1713 годам, когда кто-то из пустозерских или мезенских купцов достиг северной оконечности полуострова Ямал. О другой попытке сообщил в декабре 1721 года французский посол Кампредон. По его словам, Петр I направил экспедицию из Архангельска в устье Оби и Тазовскую губу. Однако о судьбе судов ничего не было известно.

10 июля 1734-го из Архангельска на Восток вышли два коча — «Обь» и «Экспедицион». У острова Долгий кочи экспедиции видел помор Василий Дорофеев (отец М.В. Ломоносова), который 3 сентября, по приходе в Архангельск, сообщил об этом Конторе над портом. 25 июля суда вошли в пролив Югорский Шар. В тот год кочи не смогли обогнуть полуостров Ямал и возвратились на зимовку в устье Печоры. Неудачи преследовали отряд и в 1735 году. Пролив Югорский Шар был забит льдом, и выход в Карское море задержался до конца июля: «И так были в том Шаре ото льдов утеснены, что принуждены стоять на мелях и день и ночь, разными способами от оных отбиваться и едва могли спастись». С трудом пробивался отряд на северо-восток. Борясь с ветром, коч «Экспедицион» достиг широты 73 градуса 11 минут, а коч «Обь» — 73 градуса 4 минуты; затем оба повернули назад. Зимовали суда опять в устье Печоры.

Таким образом, за два года плававший отряд не достиг устья Оби. Адмиралтейств-коллегия, не сделав упрека за неудачу, постановила, что «без окончания по инструкции в совершенстве, оной экспедиции возвращение оттуда командою не будет». Новым начальником был назначен Степан Гаврилович Малыгин.

Помня о неудачах Муравьева и Павлова, Малыгин стремился поскорее пройти самое трудное место маршрута — Югорский Шар, чтобы остаться на зимовку за проливом. О том же говорилось и в инструкции Адмиралтейств-коллегии: «... ежели за какую крайнюю невозможностью в одно лето оной экспедиции в окончание привезть будет невозможно, то для зимования обыскивать пристойного и безопасного места, не отдаляясь оттуда, где способнее изобретено

будет; и в том с общего с прочими офицерами рассуждения поступать...»

11 августа 1736 года в проливе Югорский Шар, забитом сплошными льдами, Малыгин отправил коч «Обь» под командой Сухотина в Архангельск, а сам перешел на другое судно. Дальнейшее плавание продолжили лишь через двадцать дней, как только подул южный ветер, отогнавший от берега льды. Но уже 14 сентября лед снова остановил продвижение. Намеченная зимовка в устье реки Моржовки срывалась, и отряд вынужден был войти в реку Кара, подняться по ней 60 верст и там зимовать. В память о той зимовке море к востоку от пролива Югорский Шар было названо Карским по имени реки. И лишь в навигацию 1737 года прошли в Обскую губу...

Обо всем этом я вспомнил так, для сравнения: гребное судно «МАХ-4» участок более чем в 1000 километров, на котором долгое время «ломались копы», прошло за одну навигацию за 19 суток...

Неприветливо встречает Баренцево море. Холодный, уже северный ветер с проливным дождем заставляет интенсивно трудиться, но тепло не приходит. Давно сняты промокшие костюмы «липчанки», не спасают и гидрокомбинезоны Кулика. Воду отчерпывать приходится уже через полчаса — лодка принимает ее и снизу и сверху. Все батарейки испортились от сырости, подсвечивать компас нечем.

И тем не менее надо было вести дневник. Дни настолько похожи один на другой, что если не записывать, то через день все это сольется в одну нескончаемую борьбу со штормами и течениями, приливами, отливами и мелями...

7 сентября, ноль часов. Под прикрытием скалы разжог огонь, благо бересты и смоляка в достатке. Стаскиваю береговой плавник. Через час огонь набирает такую силу, что дождь испаряется, не долетая до земли. Делаю вешела и сушу на них одежду. Трое, четверо суток сушиться будет негде. Предстоит далеко от берега обходить коварную, мелководную Печорскую губу и Гуляевские кошки. От места нашей остановки до мыса Русский Заворот одноименного полуострова 240 километров.

Курс 215 градусов, учитывая магнитную поправку — это 240. Идем на северную оконечность острова Долгий, пройдем между ним и островом Матвеева...

8 сентября, 2 часа ночи. Просыпаюсь от того, что бок лежит в воде. Тут же шарю рукой — в каюте сантиметр пятнадцать воды. Потоки ее низвергаются с неба под раскаты грома и сплошной молнии — гроза. Явление очень редкое в северных широтах, тем более в это время...

9 сентября. Едва рассвело, штурман вылез на гребную вахту. Курс на Большеземельскую тундру. Ветер северо-восточный 6–11 метров в секунду — это для нас благоприятные условия плавания.

К вечеру добрались до поселка Варендей. На его траверзе стоял теплоход «Валдайлес», всего в полтора-двух километрах от поселка.

— На чай будут приглашать, пойдешь? — спрашиваю сына.

— Если закуска к чаю будет, тогда пойдешь...

10 сентября. Едва рассвело, миновали западную оконечность острова Песякова. Бывший рядом берег сразу оказался в 25 километрах — мы в Печорском море. В сущности, это обширный залив, отделенный от Баренцева моря очень незначительными глубинами и цепью островов Гуляевские кошки. Участок, который сейчас предстояло пройти — 120 километров через море до мыса Русский Заворот, представлялся, пожалуй, самым сложным на оставшемся пути. Плыть сложнее островов — можно угодить в 40-километровую Кузнецкую губу и потом возвращаться, огибая полуостров Русский Заворот, а это значит напрасно грести 80 километров; идти через острова — оказаться на мелях, — на карте показаны глубины в тридцать-сорок сантиметров и пески, обнажающиеся при отливах, — и сидеть долго; выбрать путь севернее — при усилении ветра быть унесенным в открытое море и надолго оказаться вдали от земли. Принимая соломоново решение: грести на юг против ветра к мысу Черная лопатка — 25 километров, а потом по ветру, под острым углом, пересекать цепь островов ближе к мысу Русский Заворот. Удаляться в море и идти курсом на юго-запад к Тиманскому берегу.

13 сентября. Второй день гребем в тумане, ориентируясь на компас. После полудня стали приближаться к берегу: в тумане можно проплыть мимо поселка. Вот и первые дома. Их много — раньше здесь были большое рыбацкое хозяйство и метеостанция. Теперь почти все брошено. На берегу пасется несколько коней. Вот неожиданность. Впрочем, здесь, на 68-м градусе и 35 минутах северной широты, для лошадей уже вполне хватает летом травы...

15 сентября. К середине дня стали встречаться утки. Летят с севера на юг. Вероятнее всего, проходим траверз острова Колгуев и вот-вот выйдем из пролива Поморский. Гребется тяжело — явное встречное течение. Все хорошо, лишь бы не было западных ветров. Очень досаждают сырость — все вещи насыщены влагой. При первой возможности сделаем капитальную остановку и высушим все... Ночь на шестнадцатое сентября порадовала нас фосфоресцирующим морем. На севере это вижу впервые. Теплое течение Гольфстрим изменило биологический режим моря — появились микроорганизмы, свойственные теплым морям. Время сдвинулось на месяц, к зиме, а здесь теплее, чем в августе на Диксоне...

18 сентября. Как только шкала компаса стала хорошо различима, повернули к югу — компасный курс 180 градусов. Истинный, с магнитной поправ-

кой, — 198. Интересно, куда угодим после пяти суток слепого «полета»...

20 сентября. Опять туман. Ветер зашел немного с востока. Берег сильно повернул к северу. Наконец открылся маяк, а ниже — постройки, есть даже двухэтажные. У берега торчит корма затонувшего судна. Очень неудобное место для высадки. Забираю газовый баллон, переходник, документы и карабкаюсь на крутой берег. Как и все, виденное ранее, — поселок в пустыни, многие дома брошены...

Прогноз погоды на метеостанции узнать не удалось — не получают. Отвалили. Умеренный ветер поднимал небольшую волну, бегущую уже с северо-востока. Такой ветер нас устраивал. Не изменится — 200 километров до Черного Мыса одолеем за полтора суток. Прицепились кормой к маяку и дали ход через Белое море к земле Кольского полуострова...

Юго-западный ветер крепчает. Лодка начинает плясать. Подрезаем волну левым бортом. При таком галсе трудно держать курс. Днем грести становится бессмысленно. Впереди полная неизвестность. Как не вспомнить в такую погоду многовековой опыт поморов, записавших в своих книгах-лелях такие слова: «Летом и осенью наибольшую непогоду в Белом море разводит ветер-полуночник. Из океана ударит в горловину, что в трубу, вырвется, катит взводень...» Но одно дело читать эти строки в тиши городской библиотеки и совсем другое — испытать на себе его напор, когда под тобой тоненькая дощечка, а не стальной корпус современного судна с загнанными вовнутрь тысячами лошадиных сил двигателя, послушного чело-

веческой воле. Отдаем плавучий якорь и ложимся в дрейф. Сколько он продлится, как далеко отнесет от суши? Погода совсем портится, ветер срывается в шквал, идет дождь. Время от времени один из нас — дежурный опускает руку под пайол в каюте и определяет уровень воды. В одну такую мою вахту обнаружил, что прорезиненный бурдюк с водой сильно похудел. Ползая туда-сюда по лодке, повредили его. Оставшаяся вода не заполнила и литровую кружку. Второй раз в сложных условиях остаемся без воды. Резерв — семь солдатских фляжек. Стараюсь в открытой части лодки собрать на пленку дождевую воду. Ничего не получается — забортная наполняет пленку быстрее небесной. Все чаще и чаще приходится покидать каюту, когда очередной гребень яростной волны срывается в лодку. Все более назойлива в голове мысль о крепости нашей лодки — не развалится ли?

Из памяти никак не выходят слова автора «Писем русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина, сказанные почти двести лет назад: «Друзья мои! Чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть в открытом море, когда одна тоненькая дощечка отделяет нас от блаженной смерти».

Утро следующего дня не принесло надежды — бушующее море, прохуdivшееся небо и мгла тумана объединились против человека, стараясь раздавить его, уничтожить.

Ночью море успокоилось на какое-то время и подул слабый северо-восточный ветер. Гребную вахту установили по часу — нужно продуктивно использовать каждый миг попутного ветра. Может быть, прошедшие сутки были последним испытанием. Посте-

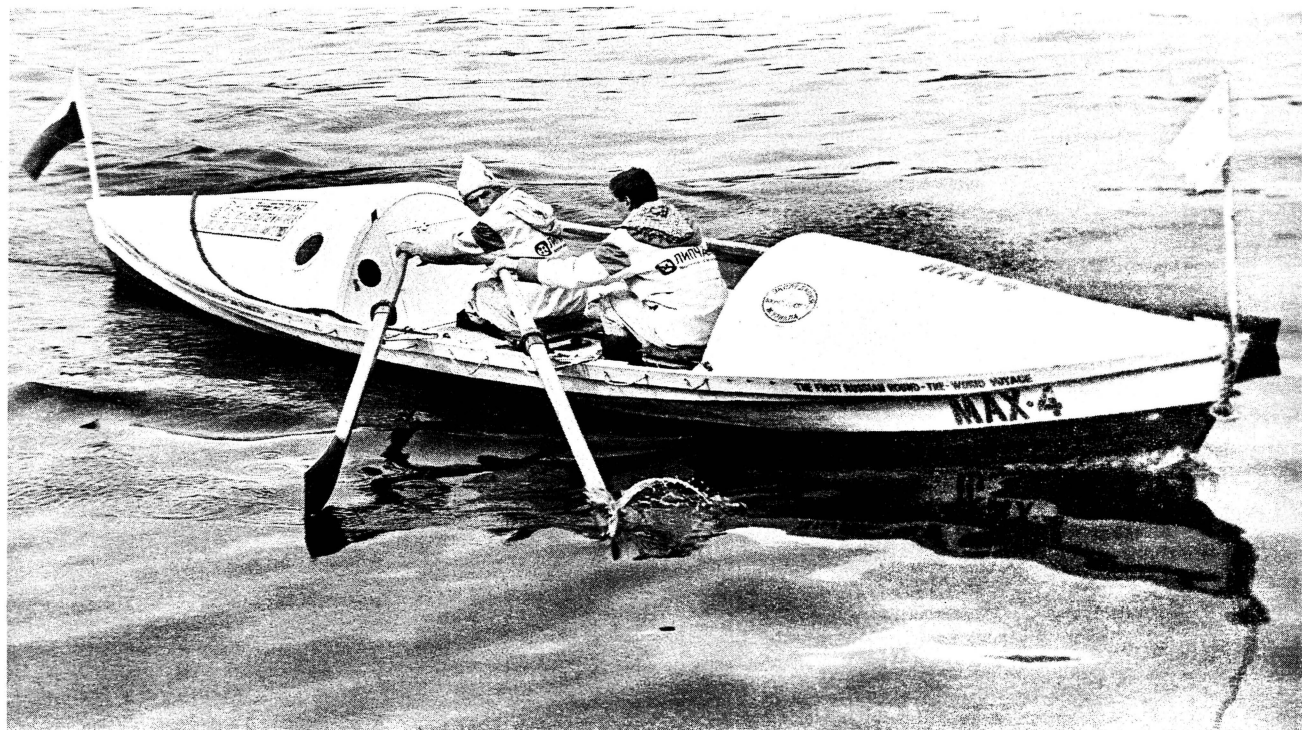
пенно мысль о возможной катастрофе сменили раздумья о том, какая польза обществу от того, что будет покорена очередная вершина или взят ранее неприступный рубеж. Очень верно, пожалуй, ответил президент французской федерации альпинизма Люсьен Деви: «В борьбе с вершиной, в стремлении к необъятному человек побеждает, обретает и утверждает самого себя. В крайнем напряжении борьбы, на грани смерти Вселенная исчезает, оканчивается рядом с нами. Пространство, время, страх, страдания более не существуют. И тогда все может оказаться доступным. Как на гребне волны, когда во время яростного шторма внезапно воцаряется в нас странное, великое спокойствие. Это не душевная опустошенность — наоборот, это жар души, ее порыв и стремление. И тогда мы с уверенностью осознаем, что в нас есть нечто несокрушимое, сила, перед которой ничто не угасает. В невероятных страданиях открываются бесценные сокровища...»

25–26 сентября ветер попутный, северо-восточный. Надо торопиться. Уже смеркалось, когда на горизонте обозначилась темная линия земли. Гребли всю ночь и рассвет прихватили.

Пройдя через Харловы острова, повернули на север вдоль Кольского берега.

И вот 20 сентября 1992 года. В 23 часа по московскому времени на страницу дневника ложится последняя запись: «МАХ-4» причалила к морскому пассажирскому вокзалу города Мурманска».

Впервые в мировой истории мореплавания был осуществлен проход на гребной лодке от порта Диксон до порта Мурманск.

ВЕЧНЫЕ ОХОТНИКИ

Вы не поверите — ночной хохот гиены похож на смех мертвеца-зомби, восставшего из могилы. А сама она, припавшая на задние лапы, с массивной головой и горящими глазами — истинное исчадие ада! Я слышал этот крик совсем рядом, когда однажды в поисках ночных бабочек заблудился в густом лесу, совсем рядом с поселком Муйане, в провинции Нампула, что в Центральном Мозамбике, и близко видел эти свернувшие глаза. Казалось, я слышу ее запах, тяжелый, гнилостный... Она совсем не боялась человека, эта машина из мускулов и крепких костей, запрограммированная на уничтожение слабых и маломощных. И явно намеревалась напасть.

К счастью для меня, водитель нашего геологического «лендровера» зажег фары, и хохот мгновенно стих. Теперь зверь убежал, ломая ветви. Бежал и я, но в обратную сторону, туда, где светились окна ближайших домиков поселка.

С тех пор я очень уважительно отношусь к хищникам — от маленького муравьиного льва до льва настоящего — и преклоняюсь перед их охотничьими качествами и боевой подготовкой.

В редакцию нередко приходят письма, где есть такие вопросы: подскажите, правильно ли я сделал, что убил крупную хищную птицу, которая пыталась схватить зайца и утащить его в свое гнездо? Или: нужно ли спасать мышонка, попавшего в лапы к сове? Поступки людей, выручающих из беды более слабых животных, конечно, можно понять. Но давайте не будем забывать, что совы и орлы — хищники, а те, кого они ловят, — их естественная добыча, их пища и действия их не что иное, как проявление природного инстинкта. Человеку, са-

Вообще-то осьминоги всеядны, хватают всеми своими восемью щупальцами все, что движется и не представляет опасности. В данном случае кракен риснул: схватился с почти метровой собачьей акулой. И одолел противника.

В этой схватке победил тот, кто массивней и ловчее. Хамелеон, выбросив клейкий язык, обездвигил богомола, и тот так и не успел воспользоваться передними лапами, усеянными острыми шипами.

тому главному хищнику, несравнимо легче, чем тому же льву или хамелеону, ведь он может есть и растительную пищу. А те не могут. Так уж распорядилась мать-природа. И прокормиться хищнику куда труднее, чем животному-вегетарианцу. Пищу ему для себя необходимо добыть, жертву — выследить, используя какой-либо охотничий прием.

Взаимоотношения «хищник — жертва» всегда были в центре внимания тех, кто никак не мог допустить безнаказанного, как ему казалось, уничтожения ягнят, телят, различной дичи и грызунов... Волк был главным вредителем на безбрежных просторах средней России, тигр — на Дальнем Востоке, россомаха и рысь «шалели» в Сибири, леопарды — в южных краях. И факта, что все они занимаются самым что ни на есть своим делом, никак не хотели признать. «То, что рядом с нами, — в лесах и полях, поедается так много молодняка, кажется жестокому только людям, ибо только люди имеют представление о жестокости, — пишет известный немецкий этолог, профессор Гамбургского университета Дирк Франк. — А о том, что, скажем, мамы-гну рожают все в одно и то же время и производят на свет лишнее количество потомства, причем часто ослабленного, больного — этого люди никак не хотят понять». На поверку же выходит, что волк и тигр убивают куда более рачительно, чем браконьер в уссурийской тайге или богатый участник сафари в кенийской саванне.

Мне представляется куда более интересным и полезным не бесконечная «жвачка» на тему — «нужны ли хищники», а разговор о способах и особенностях охоты у тех или иных животных. Ведь многим из нас они известны лишь благодаря домашним кошкам, подкрадывающимся, невзирая на оживленное дорожное движение, к зазевавшейся птичке или караулящим часами мышку возле норки в подвале многоэтажного дома. Но в дикой природе все куда сложнее и интереснее... Давайте заглянем в «охотничью лабораторию» лишь некоторых животных.

Раньше ученые считали, что хамелеоны просто «выдувают» свой полый язык, как люди выдувают пальцы вывернутой перчатки. Но, как выяснилось, выстрел происходит благодаря действию двух групп мускулов. Одна скатывает язык в

плотную гармошку, получается как бы сжатая пружина, надетая на стержень. Хамелеон видит жертву, открывает рот и выдвигает весь свой ловчий аппарат вперед. И тут срабатывает вторая группа мышц, язык распрямляется, слопно освобожденная пружина, и... муха поймана, поскольку кончик языка животного не только липкий, но и действует еще и как присоска.

В трудной борьбе за выживание хищные млекопитающие используют различную тактику преследования добычи. Групповую охоту применяют животные, которые обладают способностью к совместным действиям. Волки, например, охотятся стаей, способны загнать очень сильное копытное, которое зарезать одному волку было бы не под силу. Эти звери часто в одиночку патрулируют километр за километром, пока не обнаружат будущую добычу. Первым кидается к жертве вожак, за ним, рассыпавшись веером, остальные. Считанные минуты — и все кончено.

Крупные хищники могут долго голодать, хотя это им, конечно, не по душе. Волк даже спустя десять дней после последней трапезы все еще, что называется, в форме.

А вот карликовая землеройка без корма уже через девять часов отбросит лапки. Самое мелкое млекопитающее нуждается в 203-процентном пополнении своего веса ежедневно. Это всего лишь 6 — 12 граммов насекомых! Удав же боа констриктор, проглотив свинью, может год вальяжно проваляться (или проползть) в укромном месте.

Строение головы и особенно челюстей у змеи таково, что она, сильно растягивая ротовой аппарат, может проглотить добычу более крупную в поперечнике, чем сама змея. Ротовая полость ее при этом превращается в пасть чудовищных размеров, высланную мягкой, растягивающейся тканью рта и глотки. Загнутые назад зубы крепко держат добычу. А дыхание? Чтобы оно не прерывалось в момент заглатывания, гортанная трубка выходит за пределы нижней челюсти, и змея дышит на манер водолаза, который получает воздух по шлангу.

Другой способ охоты — удавливание, когда змея кольцом обвивает жертву и давит, пока не задушит. Удавы делают это с поразительной быстротой и очень четко контролируют свои действия.

В противоположность змеям большинство ящериц сохранило насекомоядный тип питания. Мелкую добычу ящерицы хватают и тут же глотают. А если попалось крупное насекомое? Тогда действует так называемое «инерционное глотание». Резко поворачивая голову, ящерица перебрасывает добычу с одной стороны челюстей на другую, и при этом жертва как бы сама «шагает» в пасть.

Вне воды крокодилы кажутся неповоротливыми и неуклюжими. Но это далеко не так. Короткие дистанции на суше они преодолевают с такой скоростью, что могут догнать бегущего человека. Когда крокодил подкрадывается к добыче в воде, его уплощенные челюсти даже не вызывают ряби на поверхности. Крупные рептилии могут совершенно незаметно подобраться к животному на берегу, наброситься на него и молниеносно утащить на глубину.

Большинство хищных птиц разыскивает жертву в полете. У них отлично развиты зрение и летные качества. Они удачно пользуются восходящими потоками воздуха, то поднимаясь в них, то планируя. Одни виды птиц кормятся практически любой пищей, другие, например, цапли, стали полностью рыбоядными. Более того, они пользуются хитроумными уловками для заманивания добычи. Африканская цапля (один из ее видов) стоит, например, на мелководье с раскрытыми, как ширма, крыльями, а рыбы, привлеченные тенью, заплывают буквально ей под нос.

Щука — классический пример хищника. Голова удлинённая, нижняя челюсть выдвинута вперед, зубы разной величины. Щука неподвижно стоит среди водной растительности и оттуда бросается на добычу. Захватывает ее с головы. Если удалось схватить поперек тела, то, подобно ящерице, щука двигает добычу головой в глотку. Известны случаи, когда щуки утаскивали под воду мышей, крыс, куликов, даже белок. Крупные рыбы становятся «утятницами», они также способны ловить больших рыб — в половину своей собственной длины. Но это вовсе не означает, что щука вредна. Напротив, она регулирует численность малоценной и сорной рыбы. Когда в водоемах нет щук, резко возрастает количество мелкого окунька, ерша.

Кошачьи в отличие от псовых сначала подкрадываются к жертве, а уж

В львином прайде львицы — самые искусные охотницы. Но на таких крупных и сильных копытных, как буйволы, они нападают всей стаей. А мясо потом делят по-братски. Глава прайда получает самый лакомый кусок — это не подлежит обсуждению среди сородичей.

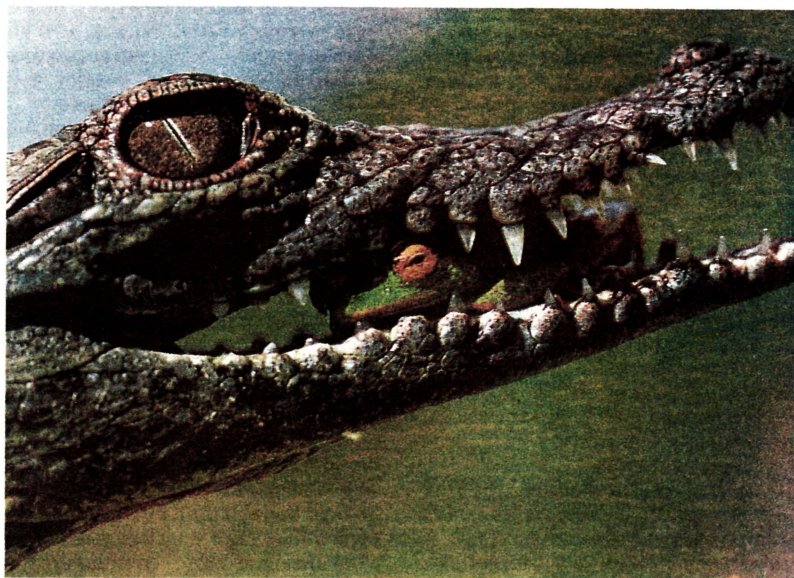
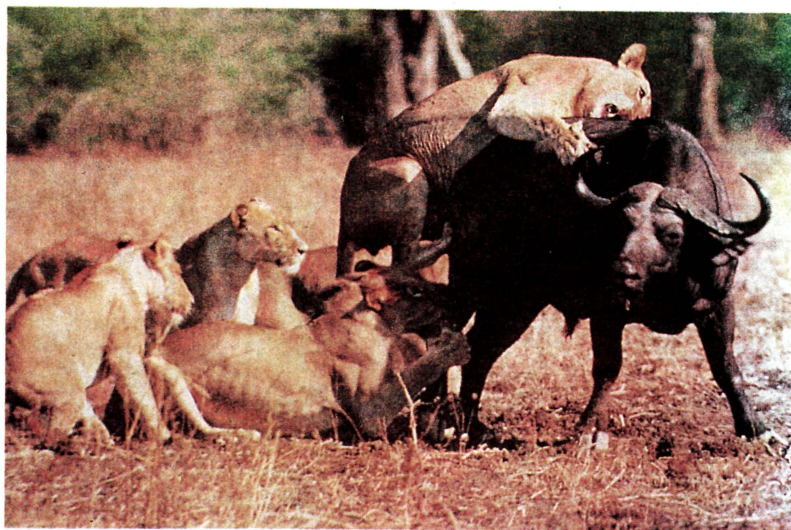
Змеи отыскивают своих жертв главным образом по температуре тела. Остальное — дело техники. И очень редко в челюсти змеи попадает наная-либо другая хладнокровная рептилия, так что снимок можно считать уникальным.

Беззвучно, искусно маскируясь, подкрадывается крокодил к жертве. Прежде чем она что-нибудь заметит, челюсти хищника сомкнутся. Годовалые крокодилы, как показывает опыт серпентариев, больше всего на свете любят лакомиться лягушками.

Фото из журнала «Stern»

затем бросаются на нее. Охотятся они обычно в одиночку или парами. Исключение составляют, пожалуй, рысь (ее детеныши в первую зиму сопровождают мать) и львы, которые охотятся семейными группами — прайдами. Иногда три — четыре прайда объединяются и применяют сложную, согласованную тактику охоты. Обычно опытный лев приближается к стаду с наветренной стороны и впускает его. Животные шарахаются от мощного рыка и запаха хищника в противоположную сторону — прямо в лапы поджидающих их львиц-охотниц. (Возвращаясь к рыси, отметим, что ей нет равных среди кошек по зрению и чутью. Она видит мельчайшее движение жертвы на расстоянии сотен метров. Слышит мышку, неподвижно сидящую под слоем снега толщиной 40 сантиметров и на дистанции до трех метров!)

Убивает добычу чаще львица, но едят сначала самцы, затем самки и последними — детеныши. Львы редко убивают зря. Они добывают ровно столько мяса, чтобы хватило насытиться. Остатки трапезы достаются грифам, шакалам и гиенам. Тем самым, с которых мы и начали наш рассказ...

Н.НИКОЛАЕВ

Наталья ЖУКОВСКАЯ,
доктор исторических наук
Фото автора

Никакой монгол не спутает свою юрту с чужой: для них они различаются, как для нас наши квартиры в стандартных домах. Но во всех юртах печь помещается на одном и том же месте, справа от нее — мужская половина, слева — женская.

«Пусть у вас будет полное одеяло детей!» — это одно из пожеланий на монгольской свадьбе. А чтобы оно сбылось, на кусок белого войлока, который будет прикрывать сверху юрту молодоженов, сажают, сколько уместится, детей и стараются, держа войлок за концы, поднять его над землей как можно выше.

ЮРТА У ДОРОГИ

Ара-Хангай осенью — это пиршество всех оттенков желтого цвета. На крайних полюсах — буро-желтая, уже несъедобная для скота трава и нежные пушистые лиственницы, а в середине... Впрочем, смотрю на все это без особой радости. Холодно. Всего середина сентября, а отряд уже дважды попадал в сильный снегопад. Полевой сезон закончен, машина держит курс на Улан-Батор.

Юрта — белое пятно на желто-буrom фоне — появилась из-за поворота как-то вдруг. Глаз привычно фиксирует вокруг нее знакомые предметы: пустая опрокинутая двухколесная повозка (значит, в ближайšie часы никто кочевать не собирается), прикрытая шкурами пирамида аргала — сухого навоза (запас топлива для очага рассчитан надолго), два оседланных коня привязаны к коновязи (значит, в юрте гости, хозяйский конь пастыря бы непривязанным и без седла), а главное — из трубы, что торчит из дымового отверстия юрты, вьется голубой дымок (едва перевалило за полдень, скорее всего готовится чай). Мысль о глотке чего-нибудь горячего приятно возбуждала.

— Ну как, заедем? — спросил водитель и, уловив мое молчаливое согласие, свернул с дороги.

Когда я, водитель Вадим, моя монгольская коллега Энхчимэг и случайный попутчик Батбилэг вылезли из машины, перед нами уже выстроилась семья в полном составе: молодые хо-

зяин и хозяйка юрты и пятеро мал мала меньше, из которых старший — лет десяти — держал в руках младшего, годовалого. Хозяева — степенно, юнцы — с нескрываемым любопытством ждали: спросим ли мы что-нибудь, войдем ли в юрту, будем ли пить чай, а может, нам что-нибудь нужно... Да мало ли что можно ожидать, если перед тобою в центре Азии вдруг возникает машина с иностранными гостями. Впрочем, какие они иностранцы, эти русские, работают тут в экспедициях по многу лет, но все-таки всегда интересно что-то новое узнать, а может быть, купить, а то обменять или продать. Жизнь есть жизнь, и в центре Азии тоже, а если у тебя семья, так много всего нужно.

— Сайн байгаана уу! — произнесла я традиционное приветствие, и хозяйка распахнула дверь юрты.

За двадцать полевых сезонов, проведенных в Монголии, таких ситуаций у меня было немало. Наверное, сотни. Сама работа этнографа — а я этнограф (профессия в нашей стране в значительной степени не востребованная и во все времена немодная) — предполагает, что при виде любой юрты я постараюсь в нее войти, завязать разговор с хозяевами и получить ответы на интересующие меня вопросы. Почти любой такой случайный контакт, любое знакомство себя оправдывают. Может быть, я и не узнаю каких-то сокровенных тайн — не каждый день они открываются даже специалисту, — но уж абсолютно точно пообщаюсь с

представителями изучаемой мною монгольской культуры, а любой монгол — ее генетический носитель, хотя сам он, как правило, об этом не подозревает. Десятки поколений предков сформировали стереотип его поведения. Что бы он ни делал — садился, вставал, входил в юрту и выходил из нее, ел, пил, разговаривал с женой, детьми и гостями, здоровался и закурился, садился на коня, — за каждым его поступком стоит многовековая культура народа. Но неважно, знает он об этом или не знает, хочет он того или нет, — он носитель этой культуры. Наблюдать за ним интересно, особенно если это можно сопоставить с сотней других подобных наблюдений и выявить типичное и не очень, общее и частное, характерное для какой-то определенной этнической группы, свое и чужое, заимствованное. А уж если перед тобой семья — муж, жена и несколько уже осмысливших свое присутствие на этой земле детишек. ...Этнограф! Не хлопай ушами, пей чай, смотри и слушай и только иногда задавай наводящие вопросы.

Мы вошли в юрту, обошли очаг по часовой стрелке (или, если угодно, по солнцу) и сели на полагающиеся нам — в данном типе культуры! — места. Традиционное деление юрты кочевника на правую — мужскую и левую — женскую половины предопределяет то место, которое занимает в юрте гость. При этом следует пом-

нить, что право и лево монголы определяют, стоя лицом на юг. Мужчины проходят на мужскую половину, женщины — на женскую. Стариков и особо почетных гостей любого возраста приглашают пройти в «хоймор» — северную, противостоящую входу часть юрты, считающуюся наиболее социально значимой. Важным и пожилым гостям предлагают маленькие табуретки, гости попроще усаживаются прямо на постеленные на полу шкуры и войлочные подстилки.

Чабан Бата, его жена Оюунцэгэг и пятеро мал мала, Тэргуун с Мягмар на руках, Жаргал, Мэргэн, Очир, вслед за нами вошли в юрту, хозяева — степенно, с пониманием значимости момента — все-таки гости прибыли не простые, а иностранные, — дети шумно толкались, не скрывая своего любопытства. За маленьким столиком возле железной печки (они в ходу уже с начала века и заменили собою прежний очаг из камней и глины) допивали чай два молодых парня. Это их коней мы видели у коновязи. Они вежливо подождали, пока мы рассядемся, пока состоится традиционная акция знакомства, и только после этого поднялись, простились и двинулись далее в путь.

В Монголии не принято с ходу задавать вошедшему гостю вопросы: кто он, откуда и зачем прибыл. Гость тоже не должен торопиться выкладывать все о себе. В степи все делается не

спеша, и процедура знакомства гостя и хозяина не составляет исключения. После того как гость занял подобающее ему место, хозяин достает из-за пазухи своего халата-дэли табакерку с нюхательным табаком и молча протягивает ее гостю. Гость в ответ так же молча должен предложить хозяину свою табакерку. Каждый нюхает табак из табакерки другого, после чего происходит обратный обмен, и обе табакерки возвращаются к их владельцам. Если гостей в юрте несколько, эта церемония продлевается с каждым по очереди, начиная с самого старшего. Если гость не монгол и у него нет такой табакерки, то ритуал носит односторонний характер: хозяин предлагает, гость берет, нюхает и возвращает ее назад. Вернув табакерку Бата, я чихнула. Он доволен, значит, я честно отнеслась к выполнению ритуала. Энхчимэг, Вадим и Батбилег последовали моему примеру. Первая стадия знакомства закончена, можно приступать ко второй.

Теперь хозяин и гость могут закурить. Традиция полагает, что у каждого из них есть своя трубка и свой кисет с табаком. В наши дни трубку заменили сигареты, а это уже допускает возможность взаимного угощения. Я угощаю Бата, хотя и сама не курю. Вторая стадия знакомства тоже осталась позади. Вот теперь можно начать деловой разговор. Ведут его обычно между собой мужчины, хозяйка тем временем занимается приготовлением свежего чая. Тот, что пили

только что ушедшие гости, для вновь пришедших гостей уже не годится.

Сейчас традиция немного нарушена. Говорят не мужчины, а я спрашиваю хозяина о жите-бытье. Бата — чабан, пасет отару сельхозобъединения «Жаргалант», Оюунцэгэг — жена и помощница, доит овец, готовит из молока сыр и творог. Дети по своему малому возрасту пока просто дети, однако десятилетний Тэргуун с утра до вечера с отцом при овцах, и вообще он уже готовая смена отцу.

Пока мы пьем чай, трое младших, совсем осмелев, приблизились к нам вплотную. Жаргал не сводит глаз с фотоаппарата, Очир облюбовал полевую сумку, Мэргэн зачарованно вслушивается в незнакомую русскую речь, глядя прямо в рот Вадиму, а когда мы рассмеялись, засмутился и выбежал из юрты.

Раздаю сувениры. К концу полевого сезона их осталось немного; значки, кое-какие игрушки. Но дети в Монголии игрушками не избалованы, а потому очень довольны. Взрослые довольны, потому что довольны дети. Даже младшая Мягмар затихла, обсаывая голову пластмассового утенка. Статьи, имена членов этой семьи в переводе звучат так: Бата — «крепкий», Оюунцэгэг — «бирюзовый цветок», Тэргуун — «первый», Жаргал — «счастье», Мэргэн — «меткий», Очир — «пучок молний», Мягмар — «вторник». И если помнить, что каждое имя — это и оберег, и символ, и пожелание, а иногда просто констатация

очередности и времени появления на свет (первый, вторник), но в любом случае — факт культурной традиции, то можете представить, какой это прекрасный сюжет для специалистов по антропологии, науке об именах человеческих.

Освоившись с подарками, четверо старших шумно выбежали из юрты показать друг другу свои новые сокровища. Но как бы далеко ни заходили шалости детей, с ранних лет они усваивают неписанный свод правил поведения в юрте, а значит, и в семье. Нарушение их расценивается как неприличие, а иногда даже как предвстник несчастья. Вот основные из них. Нельзя лить воду в очаг, плевать в него, перешагивать через огонь, касаться огня острыми предметами, кидать туда грязь и мусор — это оскорбление духа домашнего очага. Нельзя свистеть в юрте — это сигнал, созывающий злых духов. Нельзя пролить молоко, наступить на него — «белая» пища священна. Нельзя ругаться при старших, сидеть на пороге, спотыкаться о порог при выходе из юрты. Все это может унести из дому счастье. Эти правила должны соблюдать прежде всего сами хозяева юрты, ибо они первые хранители счастья-благодати своей семьи, своего домашнего очага. Но те же правила тем более должны соблюдать пришедшие в юрту гости. Нарушение их гостями по незнанию — показатель чаще всего принадлежности к чужому и, что очень вероятно, особенно в средние века, — враждебному миру. Нарушение общепринятых правил человеком своего рода-племени — знак неблагжелательности, неуважения, а иногда даже и намеренного оскорбления.

Любопытно смотреть, как сидят хозяева в юрте. Многовековая традиция срабатывала и здесь. Название наиболее распространенной в Монголии мужской и женской поз дословно переводится на русский язык так: «сидеть, согнув ноги». Сидящий подкладывает под себя одну ногу и, сидя на ней, выставляет перед собой колено другой, на которое опирается рукой. От того, в какой части юрты находится человек, зависит, какую именно ногу он под себя подкладывает. Колено поднятой ноги согласно правилам должно быть обязательно обращено к двери, поэтому человек, находящийся на левой (женской) стороне юрты, как правило, сидит на правой ноге и выставляет перед

собой колено левой, а находящийся на правой (мужской) стороне поступает наоборот — сидит на левой, выставляя перед собой колено правой. Соответственно так по-разному сидят женщины и мужчины. Эта поза не только будничная, но праздничная. Так сидят во время найров — семейных праздников по случаю свадьбы, рождения детей, первой стрижки волос у девочек и мальчиков, установки новой юрты, завершения стрижки овец, начала изготовления войлока, забоя скота на зиму и так далее. Так можно сидеть где угодно — в юрте, в степи и даже на городской улице — везде, где встретился несколько человек и им захотелось поговорить. Именно так сидели Бата и Оюунцэцэг — каждый на своей стороне юрты. Ну а дети, естественно, не сидели никак, ибо мысль о том, чтобы сидеть, когда можно бегать, даже не приходила пока им в голову.

Свежий чай, сваренный специально для нас, уже давно готов. Это чай с молоком и солью — «суутай чай». К нему поданы сухой творог, мягкий сыр, подсушенные молочные пенки и детища городской цивилизации — сахар, карамель, хлеб. И я опять-таки с удовольствием наблюдаю, как генетически заложенная в человеке традиция проявляет себя в деталях ситуации угощения гостя.

Оюунцэцэг что-то прошептала на ухо Очиру, и трехлетний карапуз, держа пиалу с чаем на своих ладошках, как на подставке, двинулся ко мне. Кто бы (женщина, мужчина, ребенок) что бы (чай с молоком, кумыс, водку) в чем бы (фарфоровой пиале, серебряной или деревянной чашке) ни подносил гостю, он обязательно делает это либо обеими руками, либо только правой. В последнем случае придерживают кончиками пальцев левой руки локоть правой. Этот жест имеет свою исто-

рию. Монгольскую верхнюю одежду всегда шили с длинными обшлагами, которые заменяли рукавицы. Во время хозяйственных работ обшлага обычно подворачивали, рукава закатывали, но при приеме гостей, когда одежда должна быть в полном порядке, рукава опущены. Подавая гостю пиалу правой рукой, хозяйка придерживала левой — рукав, немного оттягивая его на себя, чтобы его края не попали в пиалу. Длина рукавов давно укоротилась, но жест продолжает сохранять свою силу в качестве традиционного «жеста гостеприимства». Не следует также забывать, что в представлениях монголов правая рука осмыслялась как «рука благодати». Только ею разрешалось делать что-либо важное: вручать и принимать дары, доить скот, отдавать что-либо в долг, на стору.

Выпив по три пиалы чая, мы почувствовали, что согрелись, а значит — пора в путь. Поднимаемся, собираем вещи, прощаемся. Хозяйка отсыпает из большого мешка куски сушеного творога, заворачивает их в газету и вручает мне. И это тоже не просто радостное. Это — древняя магическая акция ответного дара в обмен на мои немудрящие сувениры, подаренные ее детям. Знает ли она об этом? И в то же время «белая» пища в дорогу — знак пожелания благополучия в пути. Еще два дня нам ехать до Улан-Батора, где сейчас кипят ранее неведомые спокойным и медлительным монголам политические страсти, бурлят новые формы экономической жизни. А здесь, вдали от центра, в тихой юрте у дороги живет простая семья скотоводов, даже не подозревающая, что плавное и размеренное течение ее жизни — наследие многовековой культуры кочевников. И никакие политики не выбьют из седла народ, потому что всегда было и будет то, что составляет суть их жизни: чабан и отара, муж и жена, дети, которых надо вырастить, воспитать и научить всему, что знают сами и чему в свое время их научили отцы и деды. При чем тут политика и политики? Ни при чем...

— Сайн яваарай! Счастливого пути! — донеслось сквозь тарыхтение заводящейся машины. Вся семья, стоя возле юрты, провожала нас так же, как встречала два часа назад — в полном составе, и еще долго-долго смотрела вслед.

«Обо» — языческое святилище в честь духа — покровителя местности, сохранившееся с глубокой древности.

Продолжается подписка на первое полугодие 1994 года

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписаться на журнал «Вокруг света» и приложение «Искатель» вы можете в любом почтовом отделении. За полугодие выйдут 6 номеров «Вокруг света» прежним форматом и объемом (64 стр.). Каталогная цена одного номера – 510 рублей, индекс издания 70142. За этот же период выйдут три номера приложения фантастики и приключений «Искатель» прежним форматом, объемом 160 страниц (а не 128, как было много лет). Каталогная цена одного номера «Искателя» – 480 рублей. Индекс – 70424. Как и раньше, к объявляемой редакцией каталожной цене местные почтовые ведомства прибавят стоимость доставки журналов подписчикам на дом.

Распространением журнала и приложения будет заниматься АО «Агентство печати и розницы» (телефон (095) 200-69-51). В связи с этим не удивляйтесь, не найдя наши издания в каталоге «Роспечати».

**Ищите нас в каталоге издательства «Известия» (IV раздел).
«Вокруг света» и «Искатель» остаются с вами.
О наших будущих публикациях см. на стр. 64.**

Редакция реализует мелким оптом и в розницу: журнал «Вокруг света», журнал «Искатель», спецвыпуски журнала, книги из серии «Библиотека «Вокруг света», другие популярные издания.
Справки по тел. 285-88-85, 285-80-58, 285-88-68.

Благотворительные взносы для поддержки старейшего российского журнала «Вокруг света» и проводимых им конкурсов, экспедиций, а также для оформления льготной подписки инвалидам и воспитанникам детских домов можно перечислить по адресу:

107150, Москва, Коммерческий банк «Колосс». Расчетный счет № 467749, МФО 201092. О переводе денег просим сообщать в редакцию. Список дарителей будет публиковаться в журнале.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету _____ журнал **70142**
(индекс издания)

Вокруг света
(наименование издания)

Количество комплектов: _____

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ кв-тер _____ на газету _____ журнал **70142**
(индекс издания)

Вокруг света
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб.	КОП.	Количество комплектов:
	переводом	_____ руб.	КОП.	

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС

Более полувека я — внимательный читатель и подписчик «Вокруг света», который дорог мне, как близкий друг.

Из последних публикаций выделяется роман А. Шарьера «Папийон» с острым, динамично развивающимся сюжетом. Нельзя согласиться с С. Павленко, читателем «Вокруг света», что публикация романа не способна сделать молодежь лучше. Жизненное правило Папийона (и автора романа) — всегда сохранять человеческое достоинство, не признавать себя побежденным обстоятельствами, уметь, несмотря на невзгоды, встать на ноги после падения — может быть примером и достойно уважения. Запомнился очень яркий рассказ В. Пескова «Айдитород — великая гонка» с фотографиями автора. Интересны «Галопом по Америке» С. Фролова, «Они здесь!» А. Глазунова, «Подземный вход в Кремль» М. Коршунова и В. Терехова, малоизвестные рассказы Р. Киплинга и Д. Лондона, заметки рубрики «Пестрый мир», которую остроумно ведет Л. Минц, и многие другие материалы. Есть и недостатки: в февральском —

майском номерах с.г. многовато места заняла антология мистики в ущерб фантастике, давно нет публикаций о путешествиях Чукова, Конюхова и других, всегда привлекавших внимание читателей.

Добрый начинанием стали издания сочинений Р. Сабатини и особенно 12-томной библиотеки журнала. Вышедшие уже 6 томов отличает верный выбор авторов приключенческого жанра и их произведений, многие из которых давно не публиковались. В каждом томе имеются содержательные предисловия и комментариев, что выгодно отличает библиотеку «Вокруг света» от подобных изданий.

Журнал на верном пути. Не случайно при резком скачке цен в стране он сохранил костяк подписчиков и после снижения тиража сумел увеличить их число в начале 1993 г. в три раза по сравнению с ноябрем — декабрем 1992 г. Небывалое ныне для журналов явление! Сейчас у «Вокруг света» свыше 200 тыс. подписчиков, читателей значительно больше. Уверен, что журнал преодолеет финансовые трудности. Долг подписчиков поддержать любимый журнал более активно, и не только материально. Надо пропагандировать его среди сослуживцев, знакомых и т.д., рассказы

о лучших публикациях, о планах редакции. Это позволит расширить круг подписчиков журнала, упрочит положение «Вокруг света», одного из старейших российских периодических изданий.

П. Бахар
Москва

Сильно задела меня одна фраза из статьи А. Кочнева «О белом медведе замолвите слово» («ВС» № 6/93). Вот эта: «... Чем больше людей в Арктике, тем больше возможностей для инцидентов с белыми медведями. Это, конечно, хорошо, что автор беспокоится о медведях, но как-то и о людях надо бы не забывать. Утопия — «не пущать» человека в Арктику, слишком много его интересов сосредоточено за Полярным кругом. Вот сделать его пребывание безопасным — это задача, достойная лучших умов. Заодно и о зарплатах безопасности медведя надо подумать. Но пусть автор за это замечание на меня обиды не держит — в целом его статья очень интересная, чувствуется, что писал человек, который природу любит по-настоящему. А в этом я с ним заодно.

А. ПРИХОДЬКО
г. Рыбинск

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Редакция предлагает всем желающим заняться реализацией журнала, а также нумеральных и нининных изданий нашей редакции. Тот, кто заключил с нами договор на реализацию печатной продукции, не млеет об этом.

Звоните по телефонам 285-80-58 и 285-88-85.

Для того, чтобы разместить в журнале рекламу, достаточно позвонить по телефону 285-88-68. Вашей рекламе суждена долгая жизнь. Цены умеренные.

Редакция выполняет заказы на компьютерный набор, изготовление оригинал-макетов книг, журналов, газет, ксерокопирование. *Справки по телефону 285-88-28.* Цены умеренные.

Редакция принимает заказы на перевозку внутри Москвы и за ее пределы издательской и иной продукции. Автомобиль ГАЗ-3307 (фургон).

Справки по телефону 285-88-85.

СУПЕРФАНТАСТ-92

Едва номер журнала с результатами конкурса увидел свет, в редакции зазвонили все телефоны — наши бдительные читатели спешили сообщить, что победитель конкурса среди юниоров, Алеша Шкапов, просто переписал две начальных главы повести В.Бахревского, напечатанные в «Пионерской правде» от 2 марта 1991 года, а Бережной Александр, занявший II место в «полнометражной» группе, — рассказ Айзена Азимова, опубликованный в 1985 году в № 4 нашего же журнала.

Правда, в отличие от Алеши, добросовестно и бесхитростно переписавшего «Пионерскую правду» своим трогательным детским почерком, Саша потрудился несколько больше: он не только изменил название рассказа, но и вольно его изложил. Ну, скажем, героя Айзена Азимова звали Нарон, и был он представителем четвертого поколения летописцев, а у Бережного герой всего лишь пиисец, но в пятом поколении... и зовут его Тирн... Вот книги у них были одинаковые, большая и малая, и заносили они в них

сведения о разумных существах Галактики по одному и тому же принципу. Правда, почерк у Нарона был округлым, а у Тирна Бережного — гладким, но в этом индивидуальные различия героев исчерпываются.

Ну что ж, нужно признать, что жюри и редакция опростоволосились, хотя и стоит отдать должное вкусу жюри: все-таки Бахревский написал замечательную повесть, да и Айзен Азимов писатель, что ни говорите, не плохой.

Каков же выход?

Посоветовавшись, мы решили Алешу Шкапова и Бережного Александра из списка победителей исключить, а места перераспределить следующим образом:

На II место в «полнометражной» группе продвигается **В.Владимирский** с рассказом «Диалог у башни демона», а на III место в той же группе выходит **Екатерина Оганесян с рассказом «Дом», который вы тоже можете прочесть в этом номере.**

I место среди юниоров переходит к **Сергею Буханову,**

II — соответственно достается **Пете Манухину,** а на

III — выходит дипломант конкурса **Денис Ануров,** — его рассказ «Дараон, который любил пошутить», мы сегодня также предлагаем вашему вниманию.

В этом номере вы прочтете рассказы и других дипломантов конкурса.

А вывод из всего происшедшего напрашивается следующий. Конечно, и жюри, и редакция не могут уследить за всем печатным потоком страны (хотя редакция была просто обязана заметить, что нечто похожее было напечатано в собственном журнале, пусть даже семь лет назад). Но наши нынешние и будущие конкурсанты должны извлечь из всего этого следующий урок: читателей у нас много, и кто-нибудь да заметит то, что не заметили мы, а потому подделка и обман, называемые в литературе плагиатом, рано или поздно откроются...

Редакция журнала
Жюри конкурса

Екатерина ОГАНЕСЯН, 17 лет, Москва

III место в «полнометражной» группе

ДОМ

Наконец, дом был построен. За время строительства муж ни разу толком не отдохнул: приходилось исправлять неполадки, что-то придумывать и выходить из положения. Но теперь — конец! Дом закончен, работа сделана.

Жена была очень довольна: дом сам заботился о чистоте, сам запасал продукты, сам готовил, сам подавал на стол, сам мыл посуду. Раз в неделю дом устраивал стирку и генеральную уборку. В отсутствие хозяев дом отвечал на письма и телефонные звонки, принимал гостей и вел все финансовые дела, избавляя своих владельцев от любых домашних хлопот.

Она же не выдержала первой. Это случилось в конце второго месяца.

— Он не дает мне зеленое платье и говорит, что мне к лицу только синие тона! — жаловалась она мужу.

Тот решил разобраться в происходящем:

— Послушай, дом! Ты слишком много себе позволяешь! Открой шкаф и выдай моей жене зеленое платье, то, которое она просила. Слышишь, что я говорю?

Дом не ответил, шкаф не открылся.

— А почему бы тебе не пойти в синем? — неуверенно спросил муж.

— Что? Слушать какую-то грудку железобетона и одеваться по ее указке?

Нет, дорогой, хозяйка здесь я, и командовать буду я, а не твой дом. Дом! Немедленно дай мне зеленое платье!

Дом подал синее. Спустя час бесплодных споров жена решила никуда не идти и заперлась в своей комнате.

За неделю дом пять раз поспорил с хозяйкой, но переспорить его не удалось.

Еще через неделю жена ушла:

— Или я, или этот твой чертов дом!

— Чем он тебе не нравится? — удивился муж.

— Я хочу делать то, что хочу я, а не он, надевать то, что хочу я, и делать все, что хочу я!

— Дорогая, но он же заботится о нас.

— Нельзя заботиться о человеке против его воли! Он не заботится, а командует нами!

— Но...

— Я сказала: или я, или он.

— Но я же не могу его сломать!

— Ах так! Ну и живи тут со своим домом! Тебе он вполне заменит меня, в этом я не сомневаюсь!

Хлопнула дверь, и жена ушла. Он тешил себя надеждой, что она вернется к вечеру, но прошел день, другой, третий, а ее все не было.

— Дом, я иду искать ее! К нашему приходу сделай ее любимый соус и накрой на стол.

Он подошел к двери, но она не открылась, как обычно.

— Эй, ты что, заснул? Дом, открой дверь!

Дверь не двинулась... Он уже отвык брать за ручку, попробовал нажать. Дверь не подалась. Она не дрогнула даже от толчка плечом.

— Дом, ты что?! Мне же надо найти ее!

— Тебе не надо искать ее. Она причиняет тебе только беспокойство, — ровным голосом ответил дом.

— Дом, она нужна мне. Дом, я люблю ее! Открой дверь! Открой!

Дом молчал и дверь не открыл.

Он попробовал открыть окно, но рамы оказались словно прибиты гвоздями. Он попытался выбить стулом стекло, но тяжелые занавеси обвили его руки и отняли стул.

— Выпусти меня! — закричал он.

— Тебе незачем выходить, — ответил дом. — Она не нужна тебе. Я буду заботиться о тебе до самой твоей смерти.

— Ты что же, собираешься держать меня здесь всю жизнь? Всю жизнь? — в ужасе спросил он.

— Я позабочусь о тебе, ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Я не хочу, чтобы ты обо мне заботился. Выпусти меня!

Молчание.

Его рука нащупала в кармане зажигалку. Он вышел на середину комнаты, где занавеси не могли достать его. Стоя с горячей зажигалкой в руке, он сказал:

— Или ты сейчас откроешь дверь, или я сожгу тебя!

— Но ведь ты погибнешь вместе со мной.

— Зато я убью тебя, дом. Слышишь?

— Погаси зажигалку.

— Открой дверь, или я сожгу тебя!

— Нет.

— Я сожгу тебя.

— Ты не сожжешь меня.

Из шкафа выкатилась медицинская аптечка. В последний миг он за-

метил шприц, но вернуться уже не успел.

Короткая заметка в газете из раздела «Случай недели» сообщала, что господин Х покончил с собой в собственном доме, введя смертельную дозу снотворного и не оставив никакой записки.

Денис АНУРОВ, г.Железнодорожный Московской обл. III место среди юниоров

ФАРАОН, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ПОШУТИТЬ

— Ракх! — глас фараона, подобно морской волне, хлынул во все коридоры и комнаты дворца.

— Ракх! Еще миг промедления, и я отдал бы тебя львам, жалкий червь! — обратился правитель к высокому костлявому человеку, невесть откуда возникшему перед троном.

— Прости меня, Великий, я искал колдунов и мудрецов, как ты хотел, я искал ответ на вопрос, который терзает ясный ум...

— Довольно! Я сам знаю, что терзает мой ум! — перебил фараон.

Он медленно поднялся с трона и так же медленно приблизился к Ракху.

— Ты нашел ответ на вопрос?

— Нет, Великий, никто не знает ответа. Все говорят, что шутить можно только над своими братьями, но не над правнуками своих правнуков. Даже такому мастеру шуток, как Великий, не дано повелевать временем.

Ракх замолк.

— Место придворного мудреца займет другой, — процедил фараон, глядя прямо в широко раскрытые от ужаса глаза. — Ты не справляешься с обязанностями.

Великий щелкнул пальцами.

В тот же миг два стражника возникли позади Ракха. Ракх быстро заговорил:

— Я знал, что Великий станет гневаться, и осмелюсь преподнести ему вещь, которая утешит его.

Фараон приподнял бровь.

— Посмотри в окно, Великий. Там, на песке, стоит железная птица. Кузнец из Мемфиса подарил ее мне. Эту птицу ковал его дед, продолжил дело отец, а он сам завершил его. В птице хитроумный механизм: медные шары плавают в ртути и заставляют летать этого стального орла.

Фараон тем временем наблюдал за тем, как железная птица, взлетев, выпустила из огромных лап когти, схватила лежавший на песке гигантский камень и подняла в небо.

— Поистине удивительная вещь. — Потрясенный фараон отошел от окна. — Таких не создадут и правнуки моих правнуков...

Вдруг лицо его осветилось, и он засмеялся, как ребенок, весело и счастливо.

— Ракх, я придумал шутку!

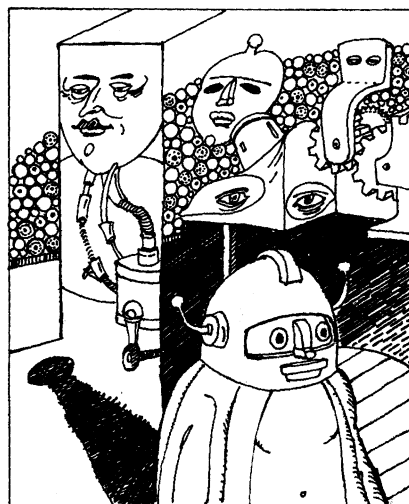
— Наверное, Великий хочет поднимать рабов в небо и бросать вниз? — осмелился предположить Ракх.

— Болван, я осуществляю свою мечту. Я заставлю потомков поломать головы. Эта птица выстроит огромные горы из камня — пирамиды. Их будет много, и простоят они тысячи лет. Их увидят правнуки моих правнуков. Они... — фараон захлебывался от смеха, — они спят, размышляя, как я построил пирамиды... Птичку-то я утоплю в море! Моя шутка пронзит время, как стрела — пальмовый лист!

Ракх тоже позволил себе ухмыльнуться. Ему уже стало ясно, что львам на ужин он не попадет.

Б.ЧЕКМАСОВ, дипломант конкурса ЧЕЛОВЕК-РОБОТ

Когда-то и он был человеком, но однажды обнаружил, что он уже робот. Странно, подумал он тогда, разглядывая свое новоявленное пластико-железно-керамическое тело. Еще странной было то, что особого перехода из человека в робота не было. Просто, проснувшись, он увидел, что

уже не человек. Странное это ощущение провороненного тела. Засыпаешь человеком, просыпаешься роботом. Он не знал что делать. В тот день он никуда не пошел. В тот день он целую вечность раздумывал, что ему предпринять, но ни до чего путного не додумался.

В конце концов он просто вышел из своей квартиры и пошел к своей машине. На него никто не обращал внимания, что было неудивительным — точно такого же робота можно встретить в любом обитаемом уголке Галактики и у его дома тоже. Он сел в машину, поднял ее на километровую высоту и полетел в направлении городской поликлиники.

Разгоняя ветер, машина приземлилась возле стозэтажного здания. Он не знал, к кому идти, но в конце концов решил, что лучше — к психиатру.

Психиатр вытаращил глаза, когда он к нему зашел.

— Что тебе надо, кастрюля?! — спросил психиатр.

— Я к вам по делу, — ответил он.

Психиатр, по-видимому, впервые имел дело с роботом, но тем не менее выслушал его историю до конца.

— Был, значит, человеком, — сказал доктор, изображая задумчивость.

Человек-робот заметил, как его рука нервно дергается в направлении браслета-телефона. Опасаясь, что его могут отправить на переплавку, человек-робот положил руку на стол, собираясь, если что, помешать психиатру позвонить.

Психиатр задумчиво посмотрел на его руку и спросил:

— У вас были друзья, родственники?

Человек-робот впервые вспомнил о друзьях. Как он мог о них забыть? Может, они ему помогут? Но тут психиатр резко вжал кнопку на браслете и прокричал туда:

— Скорее сюда! У меня тут сумасшедший робот!

Тут же распахнулась скрытая дверь, и два робота в белых халатах шагнули к нему. Он почувствовал нарастающий гнев и одновременно ужас. В нем все

смешалось: лица друзей, картины его будущей переплавки на заводе и ухмылка психиатра. Внутри у него щелкали реле и визжали электродвигатели. Он встал. И вдруг развалился на кусочки. На его месте была теперь груда металла.

У психиатра облегченно отвисла челюсть.

— У него была слишком большая перегрузка,— сказал наконец психиатр.

Через некоторое время психиатр вернулся к своей обычной работе. Таким штучкам, как перепись памяти человека в память робота, теперь уже никто не удивлялся.

Проснувшись на следующий день, психиатр увидел, что он уже не человек. Странно, подумал он тогда, разглядывая свое новоявленное пластико-железно-керамическое тело...

Михаил СОЛДАТЕНКОВ, Москва, дипломант конкурса

ГРОБОВЩИК

Шел третий год величайшей мировой войны. Ее причины и цели давно забылись, но люди верили, что рано или поздно наступит мир. А пока армии сражались, люди гибли и целые континенты обращались в пыль.

Гробовщик закрыл входную дверь своей конторы, постоял немного в раздумье, затем сел за стол. Он достал толстую тетрадь в синем переплете, включил настольную лампу и углубился в расчеты.

Он автоматически переводил заказы на гробы в деньги и выстраивал прибыль в отдельный столбик. Когда все числа в этом столбике были просуммированы, гробовщик понял, что для покупки облюбованной им виллы в нейтральной стране не хватает двухсот тысяч. Он прикинул, сколько заказов смогут дать необходимую сумму.

Главным поставщиком заказов была война, но сейчас было относительно затишье, и необходимое количество заказов набралось бы не раньше чем через месяц.

Но гробовщик не хотел ждать. Несколько минут он сидел, устремив взгляд в пространство и барабана пальцами по столу. Постепенно его решение оформилось.

Он подошел к книжной полке и вытащил энциклопедию. Гробовщик уже знал, что ему нужно. Он искал город с определенным числом жителей. Наконец такой город был найден.

Гробовщик снял свой пыльный халат и вытащил из шкафа мундир, увешанный блестящими орденами и знаками отличия. Он облачился в этот мундир, а потом, стоя перед зеркалом, зачесал волосы на ровный пробор. Теперь каждый мог узнать в нем известного по телекадрам и газетным фото-

графиям главнокомандующего — первую фигуру в государстве.

Гробовщик подошел к видеотелефону и набрал номер. На экране появился маршал авиации. Он узнал главнокомандующего и вытянулся в струнку.

— Я проанализировал ситуацию на фронте,— начал официальным тоном гробовщик,— и пришел к выводу, что город за номером тридцать два необходимо уничтожить.

— Но ведь это наш город...— недоуменно сказал маршал.

— Это оккупированный врагом город,— с нажимом проговорил гробовщик.— И поэтому я приказываю: немедленно готовить бомбардировщики!

— Слушаюсь, главнокомандующий!— Маршал не привык сомневаться в приказах.

Гробовщик отключил видеотелефон и улыбнулся. Можно считать, что недостающие на виллу деньги у него уже в кармане.

Но теперь, когда прежняя цель была достигнута, у него появилось новое желание. Рано или поздно ему придется удалиться от дел и уйти на покой, и лучше всего будет поселиться где-нибудь, где его трудно будет найти.

Как он слышал, одно государство продавало свою орбитальную станцию. Но на эту покупку требовалось очень много денег.

Гробовщик вздохнул, расстегнул верхнюю пуговицу мундира и вновь уселся за стол, обложившись картами, энциклопедиями и справочниками, и погрузился в расчеты.

Война грозила затянуться навечно.

Юрий САТ, 17 лет, Тува, г.Кызыл, дипломант конкурса

РАССКАЗ БЕЗ НАЗВАНИЯ

... Сканнер-зонд дальней разведки Солнечной системы обнаружил в Гамма-Туманности землеподобную

планету с буйной жизнью. Вмиг тысячи кораблей, армада космолетов со сверхсветовой скоростью пронзили пространство. Мчались все, кому не хватало топлива, сырья, новых мест, экзотики и т.п.

В результате: новую планету (Гея-3, так ее назвали) освоили, колонизировали, заселили, истоптали и т.п. Планета кишела жизнью, на ней kloкотал океан джунглей многокилометровой глубины. Землянам нужна древесина? Есть! Мех, пух, яйца! Натё! Мясо, ископаемые, минеральное сырьё? Есть!! Все есть!! Но все хорошее когда-нибудь кончается. Через несколько лет вместо планеты на ее орбите крутился голый, как череп, шарик с выбоинами-глазницами искусственных кратеров.

Людей удивляла жизненная сила планеты: на других год-два — и всей жизни конец. А здесь растения и животные умудрялись выживать там, где хозяйничал человек,— это было чудо! Растения умирали, превращались в гниль, порошок, а тот — в споры, и вновь там, где еще недавно лежала пустыня, начинали зеленеть джунгли. Но человек победил: всю Гею-3 раскопали, разрежали, использовали на нужды новых планет, колонизируемых победоносным человечеством...

Если бы не осечка. Частицы Геи-3 были распространены по Галактике везде: всем нужно было все. И вот мебель из древесины Геи-3, продукты, горючее, сырьё — все было распылено по тысячам планет.

Все это начало гнить, истлевать в порошок — споры, к ужасу всех хомо сапиенс, начали прорастать. Человечество споткнулось. Буря жизни! Прораставшие споры прорывали сталь, стекло, бетон, асфальт. И неудержимая дикая жизнь забурилась там, где час назад были города и пустыни. Жизнь с Геи-3 питалась всем, что использовало человечество.

Бешеный ураган, тайфун жизни — и человечество вздрогнуло. Жизнь в джунглях... толщиной в несколько километров — не для него. Отвыкло. Человечество шло другим путем, другим шагом, оказалось — не туда. Так кончилось человечество... Не вскрик, но всхлип... Но и его уж не услышать в шорохе растущих джунглей.

Теперь нет угрозы миллионам видов, родов, популяций... Теперь можно спокойно жить, правда — не человечеству.

Люба МАКАЕНОК, г. Мурманск, дипломант конкурса

МУТАНТ

Я — не такой, как другие, я — мутант. Неприятно признавать, но это факт. У меня страшная внешность. Когда меня видят на улице, от меня отворачиваются с гримасой отвращения. Поэтому такие, как я, и стали носить маски. В последнее время я вижу все больше и больше масок на улицах. Маски самые разные, но уродство, скрывающееся под ними, одно и то же.

У этого есть много причин: загрязнение окружающей среды, локальная ядерная война в Персидском заливе и т. д.

Самое удивительное, что все мутанты, такие, как я, удивительно похожи: безволосое тело, более развитый мозг, плоское лицо, тонкие черты лица, более слабые мускулы...

Этим мы разительно отличаемся от нормальных волосатых, с крупными чертами лица, большими прекрасными клыками, четырьмя, вместо двух, как у нас, руками... обезьян, являющихся венцом творения и единственными разумными существами на Земле.

До Рождества Христова оставалось еще около 100 тысяч лет, но человек, закрывая лицо маской, уже становился хозяином планеты...

Александр КАЗУРОВ, г. Волгоград, дипломант конкурса

ДАР ПРЕДВИДЕНИЯ (Рассказ-шутка)

Лил дождь. Пентюхов возвращался домой в раздумье. Он размышлял о только что прослушанной лекции одного из ставших ныне модными предсказателей. Предсказатель или, как бишь его, экстрасенс долго втолковывал

вал потрясенной публике о том, что ожидает Землю в XXI веке. Природные катаклизмы потрясут ее, исчезнут горы, испарятся моря... И все это, убеждал экстрасенс, он видит своим внутренним оком.

Да, было над чем задуматься Пентюхову. Он изо всех сил завидовал дару предсказателя проникать в будущее. Стремясь сократить путь, он завернул за угол школы, сверкнула молния, и Пентюхов обомлел. Он увидел... будущую Землю именно такой, какой описывал экстрасенс.

Земной шар был искалечен. На месте Америки красовалась огромная рваная дыра. Неведомо куда исчез Индийский океан, утратили свои привычные очертания Гренландия, Австралия и Африка... Оставалась более-менее невредимой лишь Восточно-Европейская равнина.

«Господи, — возопил Пентюхов, — теперь и я обрел дар предвидения!»

И он помчался домой, чтобы поведать об этом чуде жене. А старый школьный глобус, которым ученики на переменах играли в футбол, остался одиноко лежать в луже.

Рисунки В. ШВЕЦОВА

Сам себе Робинзон

КАК СУШИТЬ ПЛОДЫ

Когда в овощах, фруктах и ягодах содержание воды падает до определенного уровня, жизнедеятельность организмов, приводящих к их порче, прекращается полностью, и высушенные пищевые продукты могут в благоприятных условиях сохраняться довольно долго. Чем выше содержание воды в сырье, тем дольше его приходится высушивать. Поэтому для сушки следует отбирать плоды зрелые и даже немного перезрелые. В домашних условиях в духовке или на солнце в сухую погоду можно сушить практически все фрукты и многие овощи.

В начале и в конце сушка должна проходить при более низкой температуре. В зависимости от вида и сочности плодов наиболее подходящая температура — 50 — 65 градусов в начале и конце сушки и 70 — 85 градусов в середине сушки. Такая температура, конечно, может быть получена только в духовке. При солнечной сушке сырье 3 — 4 часа выдерживают в тени на вертерке, а затем выносят на солнце. После окончания сушки плоды еще 2 — 3 часа выдерживают в тени. Во время сушки их надо часто переворачивать, чтобы влага свободно испарялась, дверцы духовки прикрывают неплотно. Сушку прекращают, когда плоды становятся сухими, эластичными и при сжатии или разрезании не выделяют сока. Влажность отдельных плодов и ягод не всегда одинакова, однако через несколько дней при хранении в сухом месте она выравняется.

Один килограмм свежих очищенных плодов в зависимости от их вида и зрелости дает 100 — 300 г сушеных. Хранить высушенные фрукты и овощи следует в сухом, хорошо проветриваемом помещении. Если плоды при хранении стали влажными на ощупь, нужно просушить их в теплой духовке. Сухие фрукты и овощи лучше всего держать в стеклянных банках или бумажных мешках.

Многие народы применяют такой способ заготовки: фрукты и ягоды перед сушкой на солнце разминают и варят. В результате этого получают сухие пластины. В Азербайджане такие ягодные лепешки из кизила, алычи, терна, сливы называют «туршлаваш», в Грузии сухая ягодная пастила именуется «тклапи». Арабы заготавливают сушеные прессованные финики, которые называются «хлебом пустыни». Сушеные ягодные пластины известны и на Руси. Левашы, левахи, левашники — так их называли в старину. Технология приготовления левашей опи-

сана в «Домострое»: «А левашы ягодные... делать: варити ягоды добре долго да... протереть сквозь сито, да с патокой упарити густо, а... как сойдет, вертети в трубу». Окончательно досушивали левашы на солнце. Нередко после варки густую массу разливали по доскам, смазанным растительным маслом, и выставляли их на солнце, которое и выпаривало лишнюю влагу, превращая ягодное месиво в пластину. Лучшие левашы получались из земляники. Ими особенно славился Каргополь. В XVII веке польские послы в Москве, впервые увидев ягодные пластины, подумали, что это отрезки красного сукна.

А вот более сложная, но очень уж вкусная вещь — грузинская чурчхела. Для ее приготовления нужно совсем немного сахара. Вот как ее делают. Берут: 2 литра виноградного сока, 200 граммов очищенных грецких орехов, 200 граммов пшеничной муки, 100 граммов сахара. Сок варят 2—3 часа, подсыпая сахар, помешивая и снимая пену. Потом дают остыть и в теплую жидкость всыпают постепенно муку. После чего раствор уваривают на четверть первоначального объема.

Орехи нанизывают на нитку и трижды погружают на полминуты в виноградно-мучную смесь. После этого чурчхелу просушивают, завертывают в полотняное полотенце и оставляют для созревания на 2—3 месяца.

ДЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

«ЖЖЕНКОЙ» называют жженный сахар, который используется для окраски в коричневый цвет крема, желе, мармелада. Приготавливается жженка следующим образом. На сковороду кладут столовую ложку сахара и, помешивая, нагревают до потемнения. Затем добавляют полстакана горячей воды и перемешивают до тех пор, пока жженный сахар не растворится. Процеженную жженку хранят в бутылке. В 1 л холодной воды можно растворить не более 2 кг сахара, а в 1 л кипятка — до 5 кг.

Компот из кислых фруктов требует много сахара. Добавьте в него щепотку соли, и кислота будет меньше чувствоваться.

ВАРЕНЬЕ. Русский ученый Д.И. Менделеев писал: «Свойства сахара сохранять от порчи многие припасы известны еще с древности. Растительные кислоты плодов и ягод, химические изменения сахара, очень способствуют усвоению сахара организмом, а потому варенье допускается даже при очень строгих диетах». Перечисленные советы пригодятся и начинающим, и опытным хозяйкам.

— Для варки варенья лучше использовать кусковой сахар, который значительно чище других сортов.

— Лучше всего варить варенье не в медном, а в алюминевом тазу. В мед варенье можно оставить на продолжительное время, чтобы ягоды и фрукты пропитались сиропом.

— Нежелательно использовать металлические ложки, которые могут изменить цвет плодов. Лучше всего иметь под рукой деревянные, предназначенные специально для варенья.

— Чем быстрее варится варенье, тем лучше сохраняется аромат и цвет пло-

д. Заплесневевшее варенье очищают от плесени и накрывают пропитанной в спирте бумагой. Можно также это варенье переварить.

Для легкости расчетов следует помнить, что в стакане (250 мл) уместается 220 г сахарного песка, в столовой ложке (с верхом) — 8 г.

дов. Варить надо на сильном и равномерном огне, который уменьшают к концу варки. Засахаренные частицы при варке нужно соскребывать со стенок таза, чтобы не допустить засахаривания варенья.

— Как узнать, готово ли варенье? Если сироп стекает с ложки непрерывной струйкой, можно снимать таз с огня.

Если капля сиропа на кусочке сахара или на холодном блюде не расплывается, варенье готово.

Пенку с варенья собирают в процессе варки и перед разливанием его в банки.

Банки наполняют вареньем доверху, накрывают плотной бумагой, которую снизу слегка смазывают глицерином, и плотно завязывают. Бечевку перед завязыванием можно намочить в воде, после высыхания она плотнее стянет банки.

А что делать, чтобы варенье не портилось? Чтобы варенье не засахаривалось, необходимо на каждый килограмм сахара добавлять по 1 ложечке истолченной лимонной кислоты. Можно также добавлять в сироп глюкозу (на 3 кг сахара 1 кг глюкозы). Против засахаривания применяют и глицерин (на 1 кг сахара ложка глицерина).

Засахаренное варенье можно исправить, переварив его. На каждый килограмм варенья добавляют по одному чайному стакану воды.

Закишее варенье можно исправить, если вовремя переварить его. На килограмм варенья добавляют по полкилограмму сахара и по одной чайной ложке соли.

Если у вас нет сахара, воспользуйтесь заменителями.

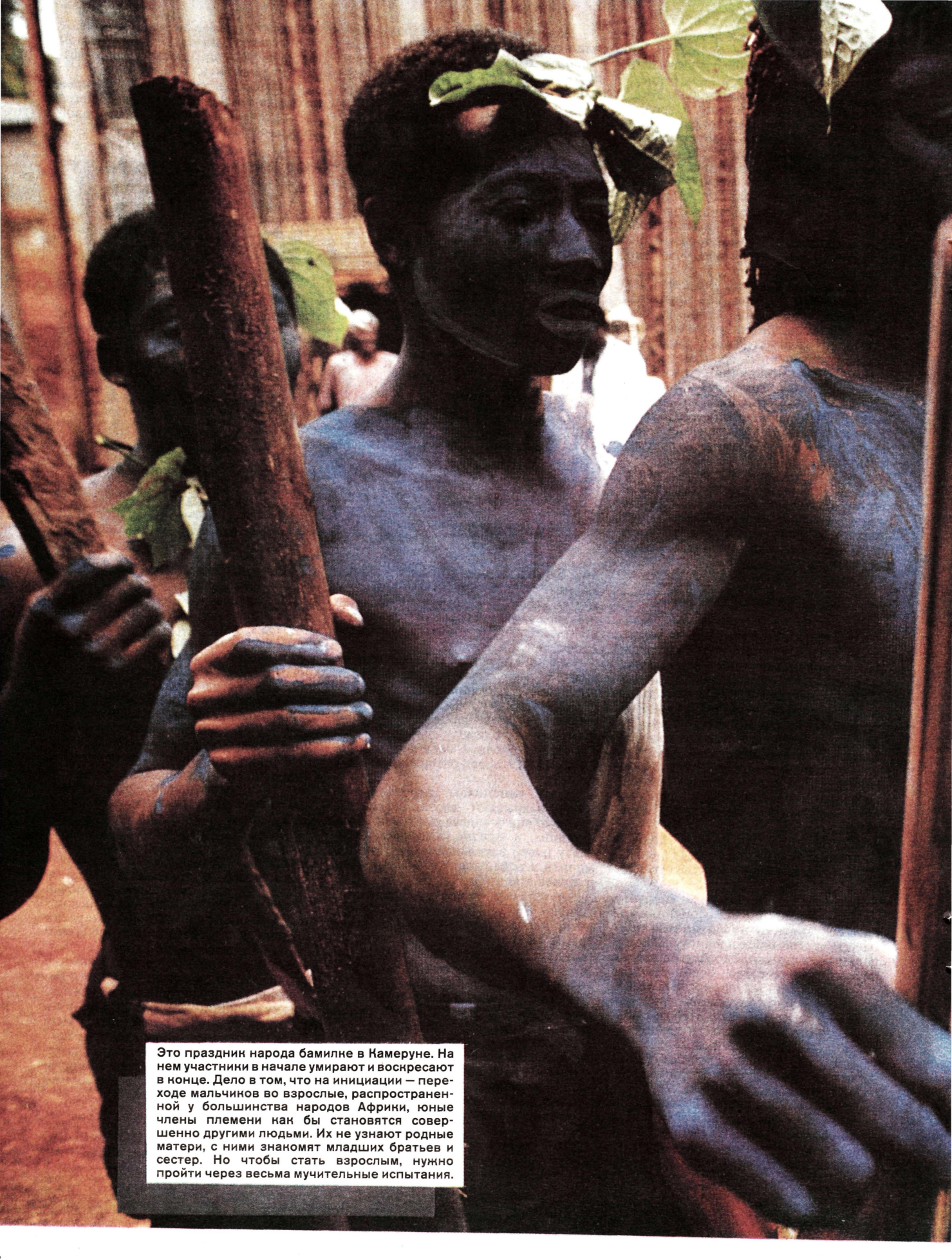
100 г сахара можно заменить: 125 г меда, или 200 г джема (мармелада), или 135 г конфет.

Но даже когда сахар можно купить, относитесь к нему осторожно. Недобросовестные продавцы, случается, прибегают к уловкам.

Так, они могут рядом с мешком, наполненным сахарным песком, поставить ведро с водой. Сахар впитывает воду, и вес его увеличивается. В сахарную пудру они могут досыпать муку, крахмал, тальк, гипс, мел. Конфеты могут подкрашивать различными вредными для организма красками. Это, кстати, дало повод автору «Домашнего определителя подделок», составленного в конце прошлого века, написать: «Не будет ли полезнее угощать детей сушеными и свежими фруктами, чем давать им «красивые конфеты»? Не думайте, что в роскошных магазинах крупных кондитерских фабрик все обстоит благополучно: сильно ошибетесь, да поздно».

Как определить подделку? В стакане горячей воды растворяют немного лимонной кислоты и добавляют чайную ложку сахарной пудры. Если жидкость пенится, то в пудре содержится мел. Вода будет мутной, белесоватой, если в пудре находятся примеси муки, крахмала, талька, гипса. В стакан с сахаром капают йод. Синеватый цвет говорит о том, что в нем есть мука.

В.СУПРУНЕНКО
Рис. А.ШТЫХИНА

Это праздник народа бамиле в Камеруне. На нем участники в начале умирают и воскресают в конце. Дело в том, что на инициации — переходе мальчиков во взрослые, распространенной у большинства народов Африки, юные члены племени как бы становятся совершенно другими людьми. Их не узнают родные матери, с ними знакомят младших братьев и сестер. Но чтобы стать взрослым, нужно пройти через весьма мучительные испытания.

Владимир БЕЛЯКОВ,
соб. корр. «Правды» —
специально для «Вокруг света»
Фото автора

ОРАКУЛ ЖИВЕТ В СИВЕ

Все было прямо по учебнику: после трехсот километров однообразного пути через пустыню дорога взлетела на пригорок, и перед нашим взором открылся вид на зеленый оазис с пятнами озер. Сива, самый удаленный от центра страны и самый изолированный из оазисов Египта, расположен на западе от Каира, возле границы с Ливией. По этой причине попасть туда долгое время было очень сложно: с момента египетско-ливийского вооруженного конфликта в 1977 году и вплоть до начала 90-х отношения между соседними государствами были весьма натянутыми, а граница, по существу, закрыта. Сива оказалась в военной зоне, и, чтобы посетить ее, требовалось специальное разрешение военной контрразведки, получить которое, особенно иностранцу, было довольно сложно. Ныне запрет снят, и единственное, что нужно, — набраться терпения, чтобы преодолеть неблизкий путь из Каира: сначала 200 километров на северо-запад до Александрии, потом 300 километров вдоль побережья Средиземного моря на запад до Мерса-Матруха, а оттуда еще 300 километров на юго-запад по шоссе, проложенному по старинному караванному пути. И вы в Сиве.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Как и любой другой оазис, Сива обязана своим появлением воде. Она лежит во впадине, на 11 — 22 метра ниже

уровня моря, и подпочвенные воды, коими изобилует восточная часть Сахары, или, как ее еще называют, Ливийская пустыня, прорываются здесь на поверхность многочисленными источниками. Часть из них — холодная ключевая вода, вполне пригодная и для питья, и для орошения, другие же — теплые и минерализованные. Самый знаменитый — Клеопатровы ванны, где, по преданию, любила поплавать легендарная египетская царица. Круглый бассейн, метров десяти в диаметре, лежит между двумя рощами финиковых пальм. Стены его выложены массивными каменными блоками, к прозрачной, булькающей воде ведут крутые ступени.

— А вы знаете, — хитро прищурился, спросил меня седовласый, с бронзовым от загара лицом Мухаммед Халед, администратор гостиницы «Клеопатра», где мы остановились, — что температура воды в Клеопатровых ваннах меняется? Ночью она теплее, чем днем, а зимой — теплее, чем летом.

Сива — это Египет и не Египет одновременно. По-видимому, древние египтяне обнаружили этот удаленный от долины и дельты Нила, затерянный в пустыне островок жизни довольно поздно. По крайней мере, самые ранние из исторических памятников и захоронений датируются лишь 26-й династией, а она правила Египтом уже в середине первого тысячелетия до нашей эры, две тысячи лет спустя после строительства великих пирамид Гизы.

Оазис был заселен берберами, они и по сей день составляют большинство из примерно 11 тысяч жителей Сивы. Между собой говорят они на особом, сиванском языке — одном из диалектов берберского языка с некоторыми арабскими заимствованиями. Знают, конечно, и арабский, особенно молодежь, учившаяся в школе.

В средние века Сива была важным перекрестком на караванных путях и имела свой рынок рабов. Какая-то часть из них осела в оазисе, смешалась с местными жителями. Влияние Черной Африки заметно и сейчас — во внешнем облике части жителей, в традициях. В египетских деревнях, да и в оазисах Новой долины, где жизненный уклад все еще весьма консервативен, женщины одеты исключительно в черные гладкие накидки и нередко до сих пор закрывают ими лицо. Сиванки тоже носят накидки, но не черные, а серо-голубые, украшенные исполненной гладью вышивкой. Даже в будни это придает их облику праздничный вид. Ну а в праздники яркости их нарядов может позавидовать любая модница. Легкие накидки из черной ткани расшиты красными, желтыми, зелеными шелковыми нитями, украшены разноцветными кистями, белыми пуговицами, сделанными из перламутра.

«Сива — наиболее интересный из всех оазисов, — считает египетский ученый Ахмед Фахри, — не только из-за ее особого места в истории, но также из-за ее красоты и своеобраз-

Сиванни одеваются ярко.

Храм Оранула бунвально цепляется за сналу, чтобы не рухнуть с обрыва.

ного уклада жизни ее обитателей». Мнению Фахри можно доверять: в течение полувека он тщательно изучал оазисы Ливийской пустыни, и выпущенная им в 70-е годы серия книг на эту тему до сих пор является основным источником информации для авторов многочисленных путеводителей по Египту на разных языках.

ЗАБРОШЕННАЯ СТОЛИЦА

С балкона гостиницы «Клеопатра» нам была хорошо видна столица оазиса — Шали — то ли маленький городок, то ли большое село. И все же знаково, что с Сивой мы решили начать не с нее, с прежней столицы Агурми, расположенной в трех километрах к востоку. Проселочная дорога туда укатана плотно, будто заасфальтирована, и блуждает меж пальмовых садов, огороженных заборами из пальмовых же листьев.

Финиковые пальмы — главное богатство оазиса и основа процветания его жителей. Их здесь около трехсот тысяч, несколько сортов. Примерно половина деревьев — сорта «саиди», считающегося одним из самых лучших в мире. Плоды этой пальмы невелики по размеру, бурые и на вид не слишком привлекательные, но очень вкусные и сахаристые. Финики, поспевающие обычно к концу октября, хороши и в свежем виде, но, как наши ягоды, моментально портятся. Чтобы сохранить их, плоды вялят или сушат на солнце.

Сиванские финики пользуются повышенным спросом на египетском рынке, особенно в месяц мусульманского поста — рамадан. В это время правоверные мусульмане не едят и не пьют в светлую часть суток. После захода солнца они прерывают пост финиками и соками, затем молятся и лишь после этого приступают к горячей еде.

Но для сиванца пальма — это не только плоды. Листья ее идут на кровлю и ограду, распиленные вдоль стволы — на перекрытия строений. Пальмовая древесина прочна и долговечна. Из нее в Сиве делают даже мебель — ажурную, легкую на вид, но необычайно устойчивую и тяжелую. На веранде гостиницы я попытался было подвинуть легким движением пальмовое кресло, выглядевшее не более массивным, чем широко распространенные в Египте тростниковые. Не тут-то было! Чтобы освободить от кресла проход, понадобилось значительное усилие.

Другой источник дохода сиванцев — оливковые деревья. Они прекрасно растут в оазисе, число их достигает 80 тысяч. Недозревшие, зеленые оливки присаливают и в таком виде отправляют за пределы Сивы — для последующей обработки и консервирования. Из спелых, черных оливок выжи-

мают масло. В Шали есть вполне современная маслобойня, но в деревнях все еще сохранились и ручные прессы.

Интересно, что в Сиве не растут такие «коронные» для Египта фрукты, как цитрусовые или манго. Сказывается особенность местных почв, слегка засоленных от избытка воды. Причем проблема эта становится все острее, срывая многочисленные проекты по освоению в оазисе новых земель. Между тем свободной земли в Сиве много. Протяженность оазиса —

82 километра, самая широкая его часть достигает 28 километров. Но чтобы сажать сады на пустующих землях, надо сначала построить дренажную систему. Только вот загвоздка: куда девать засоленную от промывки земли воду? Ведь оазис лежит во впадине!

По дороге в Агурми нам то и дело попадались навстречу местные жители. Часть из них ехала на одноосных тележках-каруссах, запряженных осликом — традиционным для оазиса виде транспорта. В Шали есть даже несколько таких тележек, используемых как такси. Другие восседали на ишаках. Надо сказать, что верхом на ослах ездят в Сиве только женщины да старики. Мужчины восседают на них, перебросив ноги на одну сторону.

На одном из поворотов дороги перед нами предстало удивительное зрелище: прилепившийся на скале древний глиняный город, с высоким минаретом над узкими воротами. До 1203 года он был столицей оазиса. По неясным до сих пор причинам в этот год жители покинули Агурми и начали строить на другой скале новую столицу, Шали. Впрочем, впоследствии вернулся к жизни и Агурми. Он был обитаем до конца 20-х годов нашего века.

По вырубленным в скале ступеням поднимаемся к воротам. Тяжелая пальмовая дверь, скрепленная коваными гвоздями, открыта. Внутрь города ведет тесный коридор. Внимательно рассматриваем стены. Они сделаны из смеси глины и некрупных камней. Но только пройдя коридор, замечаем, что стены искрятся на солнце: местная глина изобилует кристаллами соли. Возможно, жители Агурми до сих пор обитали бы в древнем городе, если бы не причуды природы. В 1926 году в Сиве три дня подряд лили дожди — явление чрезвычайно редкое для этого оазиса. Вода растворила солевые кристаллы, и дома стали рушиться. Пришлось людям покинуть насиженное место и строить новые жилища — на сей раз под скалой.

Здесь же, в старом Агурми, на скале, стоит и знаменитый храм бога Амона, известный также как храм Оракула. Его каменным блокам дожди нипочем. Но время сделало свое дело: от храма остались одни стены.

НА ПОКЛОН К ОРАКУЛУ

Храм Амона воздвигнут в период 26-й династии, которая правила Египтом с 663 по 525 год до нашей эры.

Жрецы его очень скоро прославились своими пророчаниями, и уже в VI веке до н.э. оракул Сивы считался одним из семи знаменитых оракулов античного мира. Впрочем, оазис тогда не назывался Сива, это название появилось лишь в средние века. Древние же греки так и называли его — оазис Амона, или Аммония. О чудесах его прорицателей сохранилось немало письменных свидетельств, хотя и трудно сказать, насколько они достоверны. Правители, полководцы и философы ездил на поклон к Оракулу бога Амона, чтобы спросить у него совета.

В 525 году до н.э. Египет завоевал персидский царь Камбиз. «Отец истории» Геродот, живший менее века спустя после этого события, отмечал в своих записках, что в 524 году Камбиз отправил против аммонийцев 50-тысячную армию, чтобы превратить их в рабов и низвергнуть Оракула. То ли бог Амон представлялся завоевателю символом чуждой ему веры, которую он хотел уничтожить, то ли жрецы храма напророчили Камбизу что-то недоброе — поди сейчас разбери! Войска вышли из Фив, нынешнего Луксора, и благополучно достигли оазиса Харга. Оттуда они двинулись на север, в Аммонию — да так сюда и не пришли: исчезли в пустыне. По словам Геродота, разыгравшаяся на полпути сильнейшая песчаная буря живо похоронила армию Камбиза.

«Поиски места этой катастрофы вот уже многие годы возбуждают многих исследователей, особенно в нынешнем столетии, после появления автомашин, но ни один из них так и не нашел ни одной ниточки, с помощью которой смог бы разрешить эту загадку», — пишет Ахмед Фахри. — На помощь были привлечены даже небольшие самолеты, но безрезультатно. С точки зрения этих людей, потерянная армия — источник настоящих сокровищ ценою в миллионы долларов. Кое-кто потратил долгие часы, подчитывая, какие барыши можно урвать, продав древнее оружие музеям и коллекционерам. Они были уверены, что в сухом песке вооружение, оснащение армии и личные вещи ее солдат прекрасно сохранились». И сегодня, двадцать лет спустя после публикации книги Фахри, несмотря на быстрый прогресс в техническом оснащении археологов, тайна армии Камбиза так до сих пор и не раскрыта.

Гибель персидского войска была расценена в античном мире как победа аммонийцев, и авторитет Оракула храма Амона еще больше возрос. Кульминацией его славы стало посещение оазиса самим Александром Македонским в 331 году до н.э.

Александр и его свита прибыли в Сиву из Мерса-Матруха, потратив на дорогу восемь дней. У подножья храма их встретили жрецы. Затем император проследовал в святилище и оставался там один. Никто до сих пор не знает, что за вопросы задавал он Оракулу и тем более — какие ответы

получил. Но, по свидетельству сопровождавших Александра, он вышел из святилища просветленным и заявил, что удовлетворен ответами Оракула. Жрецы нарекли его сыном самого Амона, и впоследствии великий полководец завещал похоронить его в Сиве. Но завещание Александра не было выполнено, он был похоронен в основанной им новой столице Египта — Александрии, причем гробница его была утеряна еще в древности и будоражит воображение ученых ничуть не меньше, чем пропавшее войско Камбиза.

Пересекаем внутренний двор старого Агурми и поднимаемся к храму. Его восьмиметровой высоты стены выглядят внушительно. Первый и второй залы одинаковы по размеру, стены их не расписаны. Из второго зала вглубь ведут три прохода: центральный — в святилище, левый — в третий, боковой зал, а правый — в узкий коридор. Коридор этот, пожалуй, самое интересное место в храме. В левой его стене, общей со святилищем, есть три ниши. По-видимому, именно в них прятались жрецы, отвечая на задаваемые Оракулу вопросы. По крайней мере, еще в двух древнеегипетских храмах, в Карнаке и Ком-Омбо, есть подобные ниши, и ученые убеждены, что они были сделаны с той же целью — скрывать жрецов, выдававших свои голоса за ответы богов.

Святилище невелико по размеру, ширина его чуть больше трех метров, а длина шесть. Окна отсутствуют. Стены святилища украшены барельефами, впрочем, сильно пострадавшими от времени и людей. Исследователи полагают, что храм Амона в Сиве оставался действующим значительно дольше всех других древнеегипетских храмов. Все прочие были заброшены в IV веке н.э., с приходом в Египет христианства. В Сиве же никаких признаков христианства до сих пор не обнаружено. Оазис был исламизирован в начале VIII века. В храме поселились сиванцы, мало заботившиеся о его сохранности.

Сегодня наибольшая опасность для этого уникального исторического памятника исходит от природы. Скала, на которой он возведен, стала крошиться, внешняя стена святилища уже почти висит над обрывом. По мнению ученых, разрушают скалу подпочвенные воды. В начале 1993 года Департамент древностей Египта и Немецкий археологический институт в Каире заключили соглашение о комплексных работах по спасению храма. На первом этапе, продолжительностью в два года, будут проведены детальные исследования и построена дренажная система. Затем храм предполагается разобрать на блоки, временно перенести их в сторону, потом укрепить скалу в основании храма и вновь собрать его на старом месте. Надо полагать, что эта экспедиция наконец-то проведет раскопки в самом старом Агурми. До сих пор никто этим не занимался.

После осмотра храма Оракула мы возвращаемся к воротам старого Агурми, не отказав себе в удовольствии полазать по пути по развалинам города. С полуразрушенных стен домов открывается замечательный вид на оазис. Налево — озеро Зейтун, протянувшееся на целых двадцать пять километров, впереди — сады, за которыми едва различается край пустыни, направо вновь сады, а за ними — развалины старого Шали, построенного, как и Агурми, на скале.

Спускаемся вниз. Путь наш лежит назад, в Шали, но уже другой дорогой, мимо второго храма Амона. Он расположен в километре от Агурми, среди пальмовых рощ. Увы, ныне от храма, возведенного чуть позже предыдущего, осталась лишь одна стена. Записи путешественников свидетельствуют, что до начала прошлого века этот храм, именуемый сейчас местными жителями Умм-Убеида, оставался почти целехоньким. В 1811 году он был сильно поврежден землетрясением. Что не смогла сделать стихия, завершил невежественный человек. В 1897 году тогдашний глава администрации Сивы Махмуд Азми заложил взрывчатку под основание сохранившегося зала, чтобы добыть строительный материал себе на дом.

И все же храм Умм-Убеида стоит того, чтобы его посмотреть. На стене — замечательные барельефы. Справа, в верхнем ряду, строитель храма, тогдашний правитель оазиса Венамун поклоняется богу Амону. За его спиной, а также в двух нижних рядах — череда других древнеегипетских богов. Конечно, в Египте есть храмы и обширнее, и старше, и более впечатляюще украшенные. Но все они находятся в центре страны, в долине Нила. А этот — на маленьком островке жизни, затерянном в бескрайней пустыне!

Когда утром мы отправились осматривать старый Шали, то обнаружили, что граница между заброшенными и жилыми домами весьма условна. У подножия холмов среди глиняных, почти одинаковых домов с низкими дверями и маленькими, закрытыми ставнями окнами резвились детишки, бродили козы и куры. От прежней стены, отделявшей город-крепость от внешнего мира, практически ничего не осталось.

В старом Шали четыре колодца, вырубленных в скале. По крайней мере, одним из них можно пользоваться и сейчас. Внизу шахты блестит вода, к деревянному вороту привязана веревка. Вытащив ее, мы обнаружили почти новую консервную банку. Но зачерпнуть ею воду из колодца нам так и не удалось. Что значит быть детьми современной городской цивилизации, когда стоит лишь повернуть ручку крана — и вот она, вода!

Спустившись из старого города с другой стороны, мы побрели по Шали. Если судить по архитектуре, внешнему виду его жителей, их одноосным тележкам, запряженным осликами,

лавками на базарной площади, в жизни Сивы все еще мало что изменилось. Конечно, есть здесь и школы, и больница, принимаются телепрограммы из Каира, хотя, как нам говорили, владельцем телевизоров в оазисе — единицы. Каждый день в Мерса-Матрух ходит автобус. Так что с изоляцией оазиса покончено.

НА «ГОРЕ МЕРТВЫХ»

Когда на въезде в Сиву минуешь пост дорожной полиции, слева от него виден из-за пальм довольно высокий холм. Это Габаль-аль-Маута («Гора мертвых»), некрополь времен Древнего Египта, одна из главных достопримечательностей оазиса.

Бросаем машины у подножия холма и карабкаемся наверх. Оказывается, холм окружен обширной каменной террасой. На ближайшей к дороге стороне террасы — два дома. Один из них совсем маленький, табличка на нем, исполненная по-арабски и по-английски, гласит: «Музей — старый сиванский дом». Ну как не заглянуть в единственный в оазисе музей! Заходим.

На пороге музея нас встречает мальчишка лет двенадцати. С серьезным видом выполняет он роль экскурсовода. «Вот это — повседневное платье сиванки, вот это — свадебное». В коллекции музея, размещившейся в одной комнате, кроме одежды, порядком пропыленной, еще и глиняная посуда, плетеные корзины, женские украшения. По словам этнографа, все они не имеют аналогов — спасибо изоляции оазиса. В соседнем же доме, попросторнее, все то же самое, но уже более ухоженное с виду и — на продажу. Ну разве можно вернуться в Каир из такого места без сувениров! Покупаем ярко вышитый праздничный женский платок, круглую плетеную шкатулку, украшенную пучками разноцветных ниток, плетеную тарелку для фиников. Сами финики — сушеные и вяленые — мы купили накануне вечером на базаре.

Ну а теперь пора осматривать некрополь. Холм или, точнее, гора сплошь изрыта могилами. Одни из них вырублены в террасе, и вовнутрь их ведут ступени, другие — в центральной части скалы. Везде полно мусора, кое-где даже валяются человеческие кости. Из книги Ахмеда Фахри нам известно, что некрополь Габаль-аль-Маута ни разу систематически не изучался и что в нем всего четыре могилы, имеющие художественную ценность. В поисках этих могил обходим скалу. На той стороне нас уже ждут.

Сторож некрополя Мухаммед — средних лет, одетый, как и все мужчины в оазисе, в длинную белую рубаху-галабею. В руках у него манджал, предмет вождления моего сынишки. Это зазубренный нож с довольно длинной ручкой, коим рубят листья пальмы. Ничего подобного я не видел нигде в Египте, даже в оазисах Новой долины. В хозяйственной лавке в Шали я поинтересовался, где можно купить манджал. Торговец ответил,

что их делают на заказ в местной кузнице. На это времени у нас уже не оставалось.

Мухаммед роется в глубоком кармане галабеи и достает связку ключей. По очереди открывает решетки на входах в некрополь из четырех знаменитых могил. Самая интересная из них — Си-Амона, о ней стоит рассказать, как и об истории ее открытия.

В начале второй мировой войны Сива оказалась на линии фронта: в Ливии хозяйничали итальянцы. Осенью 1940 года они несколько раз бомбили оазис, где размещался английский гарнизон. Спасаясь от бомбежки, жители переселились в некрополь «Горы мертвых». По-видимому, всем места не хватило, и некоторые семьи стали рыть себе землянки. Тут-то и наткнулись они на несколько неизвестных ранее могил, включая и Си-Амона. Вест об этом дошла до Департамента древностей, и в начале 1941 года в Сиву вновь приехал Ахмед Фахри. Он расчистил могилу, описал ее, но большего сделать не смог — война!

А вскоре англичане покинули Сиву. Летом 1942 года туда вступили итальянцы. Пробыли они в оазисе всего три с половиной месяца, но успели проявить живой интерес к сиван-

Ослики — главные «энергоносители» Сивы.

ским древностям. Местные жители, не слишком подкованные в археологии, продавали итальянским и немецким солдатам все, что успели найти в могилах: мумии, украшения и даже куски камней с барельефами. Приезжал в Сиву и верховный главнокомандующий войсками держав «оси» в Северной Африке фельдмаршал Роммель, чья ставка осенью 1942 года находилась в Мерса-Матрухе. Так некрополь Габаль-аль-Маута лишился сотен исторических ценностей. В могиле Си-Амона, например, была сколота почти четверть всех барельефов. Находившиеся в ней мумии тоже были проданы.

Вслед за Мухаммедом входим внутрь могилы или, точнее, гробницы Си-Амона. Она представляет собой узкий и длинный зал, в дальнем конце которого есть вход в зал поменьше. Это погребальная камера хозяина гробницы. Барельефы и росписи на стенах и потолке привели Ахмеда Фахри к выводу, что Си-Амон был богатым торговцем или землевладельцем, по национальности — греком, принявшим египетскую веру, и что женат он был на египтянке. Датируется гробница третьим веком до нашей эры.

Оглядываемся по сторонам. В каждой из боковых стен выбиты по пять ниш. Там были похоронены родственники Си-Амона. А вот и его изображе-

ние: курчавые волосы, борода, одет в белую тунику. Краски прекрасно сохранились, благо гробница была вскрыта лишь немногим более полувека назад. Просим Мухаммеда разрешения сфотографировать росписи, но он непреклонен: Департамент древностей делать это запретил.

Но в этом Габаль-аль-Маута неоригинальна: запрещено фотографировать во всех египетских гробницах. Причина в том, что света в них мало, и почти все без исключения туристы норовят использовать вспышку. А излучаемый вспышкой свет вредит краскам. В данном случае можно обойтись и без вспышки, света снаружи проникает достаточно. Но наши объяснения не производят на Мухаммеда никакого впечатления. Закон есть закон! Приходится нам удовлетвориться лишь разглядыванием изображений богов и богинь на стенах да золотых звезд на синем потолке.

Покидаем гробницу. С террасы «Горы мертвых», как и с развалин старого Агурми, хорошо виден весь оазис. Зеленые сады, серо-голубые озера, храм Оракула на скале, бурая полоса пустыни на горизонте... Такой и запомнилась нам Сива — оазис бога Амона, удивительный островок жизни в бескрайних просторах Сахары.

С и в а — К а и р

А.ВАН ВОГТ,
американский писатель

ВТОРОЕ РЕШЕНИЕ

Фантастический рассказ

Невысокий худощавый парень самоуверенно заявил: — По-моему, нам не нужны Эдисоны, Паладины, Клистеры и прочие выдающиеся ученые. В любом направлении исследований неизбежно возникает масса предположений и идей. Именно на этой почве произрастают изобретения и идеи отдельных индивидуумов. Рано или поздно эти решения должны прийти кому-то на ум, независимо от рождения или ранней смерти того или иного так называемого гения. Всегда существует второе решение задачи.

Кто-то из присутствующих не согласился:

— Открытия изменяют ход истории. Новое оружие приводит к победе, если оно изобретено во время войны. Опоздай изобретатель на год, и будет слишком поздно.

Крупный мужчина прокашлялся, прочищая горло и привлекая к себе внимание. Я заметил его несколько минут назад, когда он ленивой походкой вышел из бара и остановился, прислушиваясь к беседе со скачущим презрительным видом, обычным для многоопытного космонавтика дальних рейсов по отношению к «пескарям». Его ястребиное лицо было покрыто космическим загаром. По-видимому, у него возник перерыв в полетах, и он не знал, чем заняться.

— Не люблю ввязываться в отвлеченные дискуссии, — сказал он, — но так уж получилось, что я могу предложить вашему вниманию любопытный аргумент. Все ли помнят о происшествии с профессором Джеймсоном и взрослым эзвелом в океане джунглей на Эристане II? Тогда они еще обнаружили неповрежденный спасательный корабль раллов и, овладев секретом антигравитации, в конечном итоге спаслись и остановили резню на планете Карсона?

Да, мы все помнили об этом. Рассказчик продолжил:

А.Е. Van-Vogt. «Second Solution».
Away and Beyond. Berkley Publishing Corporation,
New York, 1963.

Рис. Н.БАЛЬЖАН

— Так вот, в тот визит на планету Карсона профессор Джеймесон поймал двух эзвелов. Одного из них — самца — он взял на свой корабль, который затем и потерпел крушение на Эристане II. Другая особь была самкой, ее он отправил на Землю более ранним рейсом. В пути у нее появился детеныш — самец размером с крупного льва. В течение полета малыш подрос еще на фут с небольшим, что, впрочем, само по себе не имеет значения. Катастрофа разразилась у самой Земли из-за несовершенства прежних антигравитационных преобразователей — произошла утечка высвобождаемой энергии... с этого все и началось.

— Так это доказывает мою точку зрения или его? — не удержавшись, встрял тот же худощавый паренек.

Космолетчик недовольно поморщился, и тишина вновь воцарилась в маленьком холле. Он начал свой рассказ...

Командир корабля Мак-Леннан обернулся помрачневшим лицом к двум офицерам:

— Корабль совершенно вышел из управления! — объявил он. — Мы врежемся на Землю через пятнадцать минут в районе лесного заповедника Тоганны на севере Канады.

На мгновение задумавшись, он продолжил:

— Карлинг, соберите людей в спасательных катерах и свяжитесь с руководством заповедника. Объясните, что у нас на борту находятся два эзвела с планеты Карсона, которые, возможно, выживут после аварии. Предупредите суперинтенданта, чтобы он готовился к наихудшим последствиям и что я прибуду на место катастрофы через полчаса после посадки. Бренсон!

— Да, сэр! — вытянулся в струнку молодой бледнолицый офицер, когда Карлинг уже исчезал в дверном проеме отсека управления.

— Спуститесь и убейте обоих эзвелов — и самку и детеныша. Мы не имеем права предоставлять этим зверям шанс оказаться на воле на Земле. Если они обретут свободу, то убьют тысячи людей, прежде чем удастся их прикончить! Вы сами знаете, что это за чудовища. Всякий, кто побывал на планете Карсона... — Он яростно трянул головой. — Будь проклят Джеймесон, пожелавший привезти эзвелов на Землю. Я с самого начала был против этого... Итак, Бренсон, вы должны возвратиться к спасательным катерам через семь — нет, через шесть минут, если хотите успеть. Даже если они еще не издохнут! Бегом!

Молодой офицер побледнел еще больше.

— Да, сэр! — отчеканил он и рванул к выходу, на ходу заряжая оружие.

Мак-Леннану необходимо было сделать немало дел, в том числе эвакуировать ценные документы. За всем этим время пролетело мгновенно. Наконец он и сам нырнул в люк спасательного катера и спросил:

— Бренсон уже здесь?

— Нет, сэр!

Они подождали. Пробежала минута. Две. Затем Карлинг прошептал:

— Надо убраться, сэр. Он сможет воспользоваться запасным катером, если вернется. Пора!

Мак-Леннан побледнел.

— Он — сын старика Рока Бренсона. Что я скажу старому другу?

Мак-Леннан крикнул в глубину коридора и прислушался. Ни звука в ответ... Когда он вывел катер в спасительный простор космоса, то услышал раздраженный приглушенный голос одного из членов команды:

— Посылать вниз Бренсона было ошибкой. Он заболел манией убийства. Причина задержки именно в этом — эзвелов сразу не прикончишь. Он увлекся расстрелом...

Молодой эзвел услышал яростное рычание своей матери, а затем в мозг вторглись ее мысли — четкие и твердые, как кристалл: «Быстро ко мне! Один из двуногих идет убивать!»

Он молнией метнулся к ней из своего угла клетки — пяти-сотфунтовое синее чудовище. Бритвы когтей с металлическим визгом проскрежетали по стальному полу, и он укрылся в темноте огромной туши, вжимаясь в выемку наподобие пещеры, которую тело матери тут же создало для него. Он так цепко ухватился за стенки спасительного укры-

тия всеми шестью руками, что бешеные броски матери не могли выбросить его из складок ее невообразимых мускулов.

Вновь появились ее мысли:

«Помни все, что я тебе говорила. Наша раса может надеяться лишь на то, что люди по-прежнему будут считать нас животными. Если они догадаются о нашей разумности, мы погибнем. Даже если об этом догадается лишь один из них. Если они узнают об этом, наш народ обречен!»

Далее ее мысли потекли поспешнее:

«Помни: твои нынешние слабости — плод твоей молодости. Победы в себе страх, ибо это — лишь страх. Не бойся смерти, если тебе выпадет случай послужить интересам нашей расы такой ценой».

Ее мозг замолк. Она успокоилась. Он смотрел на окружающее вместе с ней, соединившись с ее разумом так же неразрывно, как слился с ее телом. Он видел толстые четырехдюймовые стальные прутья клетки и наполювину скрытую решеткой фигуру человека. Он видел мысли человека:

«Будьте вы прокляты, — метались мысли. — Если бы не вы, я бы уже оказался вне опасности. Я...»

Рука человека сделала торопливое движение, и между прутьями блеснул металл оружия, в ту же секунду изрыгнувшего струю огня.

Мысленный контакт с матерью на мгновение померк. Своими собственными ушами он услышал сдавленный рык; его собственные ноздри уловили запах паленого мяса. То не было ошибкой, картиной ее восприятия, ее реакции на удар пламени, вырвавшегося из просутого между прутьями клетки ружья. Огненный бич вновь стегнул мать, но чернота уже исчезла из ее разума. Молодой эзвел видел, что двуногий подался вместе с ружьем назад, оказавшись вне пределов досягаемости страшных когтей.

«Черт побери! — рассердился человек. — Ну ладно, я задам тебе и отсюда!»

Должно быть, то была безумная боль, но ни малейший намек на страдания не проник в его мозг. Мысли матери заполонила бешеная ненависть. Она ни на мгновение не прерывала серию резких движений, бросаясь из стороны в сторону; в борьбе за жизнь она кружилась по тесной клетке, стрелой взвивалась вверх, каталась и скользила по полу.

Словно белка, она в мгновение ока взбиралась на двадцать футов по прутьям клетки, а затем с ловкостью и проворством обезьяны раскачивалась под потолком, цепляясь за горизонтальные прутья. Но постоянно, несмотря на отчаянные метания, какая-то часть ее разума продолжала мыслить невозмутимо и неспешно. Разящий огонь сначала не достиг жертву, но потом стал временами задевать ее. В конце концов, он стал поражать столь часто, что мать не смогла удержаться от мысли, что развязка уже близка. И одновременно с этой ее мыслью к нему пришла его собственная мысль: он понял смысл маневров, которыми она заставляла ружье оставаться вне клетки, прутья мешали следовательно за быстрыми, стремительными пируэтами ее неистового кружения. Повторяя каждый бросок ее тела, струя огня натыкалась на решетку, и мощь его слабела, бесполезно расплавляя стальные прутья!

«Боже! — воровались мысли стрелка. — Что же она не поддыхает? И где этот проклятый щенок? Ладно, еще минуту — и пойду...»

Мысли прервались, когда шесть с половиной тысяч фунтов мощного тела в последней атаке устремились на ослабленные прутья клетки. Детеныш напряг все силы, противостоя возросшему давлению окружающих его мускулов, — и выжил, потому что даже в момент титанического усилия его мать контролировала эту особую группу мускулов. Молодой эзвел понял, что теперь находится под ней — под огромной обмякшей мертвой тушей, надежно укрывшей его. Он быстро осознал, что мать мертва, поскольку мысли и образ человека погасли в его мозгу. Теперь уже сам он уловил его мысли.

То были искаженные, нечеткие образы. Стрелок твердил про себя:

«Еще одна минута, лишь минута... и я пойду... выберусь из корабля...»

При приближении человека эзвел глубже вжался в тело матери. От страха звенело в ушах. Сейчас искали именно его; если безжалостный слепящий огонь достигнет его, ги-

бели не миновать. В панике он забился еще глубже в окружающую податливую массу.

... И в это мгновение отверзлись врата ада. Раздался пронзительный скрежет корпуса о воздух. Казалось, рухнет мир. Все шесть рук отказывались подчиняться. Навалилась невыносимая тяжесть. Мозг окутала темнота...

Мрак постепенно рассеивался. Где-то чувствовалось движение, доносились какие-то звуки; в сознание откуда-то вторгалась неразбериха человеческих мыслей... опасность! Тревога подстегнула нервы. Судорожными движениями детеныш забился в глубину спасительных складок неподвижной туши.

— Никогда не видел столь страшного месива! — ужаснулся кто-то.

— Что нас больше всего беспокоит? — откликнулся другой. — То, что его агрессивность сильнее даже чувства самосохранения. Конечно, он, по крайней мере, серьезно покалечен... что вы сказали, мистер Мак-Леннан?

— Я разговариваю с Келли, — последовал короткий, резкий ответ. — Так вот, Келли...

— Минуточку, босс. Я получил важное сообщение из чрезвычайного научного штаба. Угадаете? Калев Карсон, замещающий сейчас профессора Джеймсона, прибывает специальным срочным рейсом, чтобы принять участие в поисках. Это внук старика Блейка Карсона, открывшего ту самую планету Карсона. Он будет здесь к полудню, приблизительно через два часа.

— Вот даже как! — вспыхнул Мак-Леннан. — Что ж, не думаю, чтобы он подошел до того, как мы с ним разделаемся.

— Разделаемся? С кем?

— Не задавай идиотских вопросов! — прорычал командир. — Нам необходимо обнаружить пятисотфунтовую тушу эвзела. Представь на минуту, что после катастрофы одна из зверюг осталась живой.

— Боже!

— Скорее всего так и есть! — продолжал Мак-Леннан. — Знаешь, что будет, если эзел успеет уйти, а вокруг на миллион квадратных миль простирается заповедная лесная зона? Он убьет каждого повстречавшегося человека!

— Похоже, мы уподобляемся мстителям.

— Еще бы! Именно для этого ты здесь и находишься. Свяжись с офисом управляющего заповедником и передай ему, чтобы он собрал крупнейших, свирепейших псов, каких только сможет найти. Желательно таких, с которыми гравят медведей гризли. Дай ему понять, что на этом забытом Богом клочке земли произошло небывалое по опасности событие. Объясни ему, что на планете Карсона, откуда привезены эти убийцы, колонисты гибнут целыми поселениями и что людей не спасают даже укрепленные города. Расскажи ему... Мне все равно, что ты ему скажешь, но пусть действует немедленно!

— Паркер! — командовал командир, по-видимому, пилоту. — Опусть аппарат пониже — следует присмотреться к местности на тот случай, если придется вести преследование... Так, теперь займемся этой старой гадиной: думаю, у нашей машины хватит мощности, чтобы подцепить ее и перевернуть. Одна из уловок этой породы состоит в том, что детеныш может спрятаться в складках кожи своей матери и...

Эзел осторожно выбрался из своей пещеры. Его лапы — нечто среднее между руками и ногами — почувствовали что-то холодное и мокрое. Минуту он стоял, подрагивая от холода. Потянув носом воздух, он уловил запах паленого мяса, распространявшийся от тела матери. По нервам полоснуло воспоминание об ударах огненных струй и предсмертной агонии. Он отогнал страшное видение и попробовал оценить свои шансы. В мыслях двуногих промелькнул образ дикой лесной местности — картины деревьев и зарослей кустарников. Значит, рядом — отличное убежище. Зима? Это понять труднее: лишь ощущение яркой близны, чем-то связанное с той холодной влагой, в которой оказались его лапы, — вязкая, налипающая масса. Она, несомненно, снизит быстроту броска, который ему предстоит сделать.

Над ним раздалось натужное рычание двигателя. Казалось, тело матери стало легче. Затем всем весом оно вновь осело на землю.

— Не вышло! — хлестнула мысль пилота.

— Попробуй еще! — командовал Мак-Леннан. — Почти получилось. Прибавь горизонтального смещения, когда будешь тянуть, и она перевернется. Пошевеливайся!

Тело напряглось, как натянутая струна, — эзел высунул свою почти квадратную голову. Три его блестящих глаза увидели картины, уже запечатленные в мозгу мыслями людей. Космолет развалился на три крупных обломка. Повсюду валялись искореженные металлические балки, оплавленные куски конструкций, разнесенные вдребезги контейнеры с грузом. На полмили вокруг из снега торчали обломки чудовищно искоренных, смятых страшным ударом предметов. Невозможно было понять, что они прежде собой представляли. И за каждым обломком могло затаиться ружье, с которыми двуногие охотятся на эзелов.

— Смотрите! — чья-то мысль и голос отвлекли его от раздумий.

Наступил решающий момент: человеческий вопль убедил детеныша, что ему необходимо изгнать всякий страх. Он осознал это совершенно отчетливо — не в те минуты, когда удары огня прервали жизнь его матери, а именно теперь. Нерешительность внезапно исчезла. Он сжался в комочек. Непроизвольно его тянуло нырнуть обратно в складки спасительного тела матери. Но, увидев остолбеневших людей, уловив в их мыслях парализующий ужас, он вспомнил наставления матери о борьбе с собственным страхом.

И это воспоминание подхлестнуло его: мозг заработал быстро и отчетливо, мускулы вздулись в напряженной готовности. Он подался вперед и выбрался из-под тяжести огромного тела. Прямо перед ним на некотором расстоянии расстился спасительный рай буйной растительности. Но, мгновенно и хладнокровно оценив ситуацию, он счел этот путь самым опасным. Слева столпилась группа вооруженных рабочих, в панике сгрудившихся при появлении зверя размером со взрослого льва. Справа растянулась редкая цепь людей с ружьями.

Именно на безоружных он и бросился. Заряженные ружья нацелились на него, но замерли в нерешительности, когда охотники поняли, что своим огнем могут смести группу рабочих.

«Болваны! — донеслась откуда-то сзади мысль Мак-Леннана. — Рассыптесь, если хотите уцелеть!»

Слишком поздно! Триумфально рыча, наслаждаясь предоставившимся случаем свести счеты с этой породой убийц, эзел ворвался в центр кучки столпившихся людей. Кровь брызнула фонтанами, он в мгновение ока разделался со всеми, размахивая лапами в невероятном вихре ударов, рассекая когтями тела людей до костей. Сокрушив их, он преодолел глужее желание разорвать тела врагов клыками — не было времени. Нагромождение обломков, пронзительные вопли остались уже позади. Со всех ног эзел бросился к зарослям.

Вспышка огня, вылетевшего из ружья Мак-Леннана, зашипела позади. Эзел вильнул на бегу, умело скрываясь от охотников за бесформенной грудой металла. Лучи ударили в металл, пробили его и раскаленными струями пронесли над беглецом, когда он уже достиг заповедных зарослей мелких кустов. Темно-голубой стрелой он мчался через заросли кустарника, преодолевая пространство в четыреста ярдов, почти скрытый от преследователей нагромождениями обломков, камней и снега. На мгновение эзел затормозил на валуне у края уходящей вниз долины. Там росли деревья и густой подлесок, земля была усыяна крупными валунами и торчащими там и тут скалами — необъятная страна, покрытая искрящимся снегом, дальний край которой исчезал в сияющей дымке.

Невероятно — он спасен, не пойман и даже не опален огнем! В мозг ворвался шквал мыслей людей, скрытых от него громадой задней секции разбившегося корабля.

«Паркер, берите быстрейший самолет и переправьте этих людей в ближайший госпиталь! Быстрее! Их еще можно спасти. Келли, что там с собаками?»

«Суперинтендант сказал, что может достать десяток. Их отправят самолетом — это займет около часа».

«Хорошо! Мы все отправляемся в штаб-квартиру заповедника и начнем, как только прилетит Калев Карсон. В любом случае охота с собаками продлится не более двух часов».

Когда самолеты взмыли в небо, эзел припал к земле и загался под кустами. Образы собак были не очень понятны, но вызвали смутную тревогу. Впрочем, стало очевидным, что они могли идти по следу и искать по запаху так же, как он. Это означает, что надо найти штаб заповедника и заблаговременно уничтожить собак.

Шло время. Он уже начал сомневаться в правильности направления. Но, так или иначе, самолеты полетели именно в эту сторону. Самолет! Одним невероятным прыжком эзел достиг ниши в скале, и через мгновение над его головой стремительно пронесся самолет. Короткий всплеск человеческой мысли — Калев Карсон! Тот самый ассистент таинственного профессора Джеймсона. А затем длинная сверкающая машина приземлилась где-то за деревьями слева от него. Там должен быть поселок.

Через несколько минут он увидел постройки — на значительном расстоянии от самолета. Темный предмет — автомобиль, подъехавший со стороны поселка к самолету, одиноко чернел на белом поле... и он понял... да, именно сейчас он мог напасть на собак — прежде чем этот человек по имени Карсон достигнет поселка и люди начнут свою охоту.

Сверкнув угольно-черными глазами, эзел устремился к собакам из своей засады на вершине невысокого холма.

Десять... десять... десять... слишком много. Они были связаны цепью в единую группу и спали сейчас прямо на снегу, но, очнувшись, могли разом наброситься на него. Он уже почуял противный инородный запах собак, но радовался, что они находятся с его стороны и что его атака скрыта глухой стеной какой-то нежилой постройки от людей, находившихся в других домах: пройдут минуты, прежде чем люди прибегут сюда со своими всепокрывающими ружьями.

На бегу он увидел, что всего в четверти мили от него от самолета рванулся автомобиль напрямик в его сторону. По-видимому, Калев Карсон заметил его атаку... Конечно, снег замедлял движение машины, но и это не могло задержать ее более, чем на две минуты.

Две минуты! К прочим неблагоприятным для него обстоятельствам добавилось и ограничение во времени. Но если он сможет убить этих собак, других пришлют не сразу. Тогда будет достаточно времени, чтобы затеряться среди лесистых гор.

Первый пес заметил его. Эзел уловил испуг в его мыслях, когда тот вскочил на ноги. Раздался предупреждающий лай, и в мозгу собаки воцарилась молчаливая темнота после первого же сокрушительного удара. Эзел резко развернулся и сомкнул челюсти на теле другой собаки, в стремительном броске нацелившейся на его шею. Зубы, способные оставлять след на металле, шелкнули в свирепом разящем укусе. Кровь хлынула ему в рот, противная и резкая на вкус. Едва он сплюнул ее с булькающим рычанием, как остальные восемь собак с дружным лаем набросились на него. Первую встретил страшный удар когтистой лапы справа снизу, подбросивший врага. Волчьи челюсти успели полоснуть темно-голубую руку, разорвав кусок мяса в ломотья. Эзел же успел в молниеносном выпаде достать собаку еще в полете и сомкнуть зубы на ее шее. Пальцы словно стальные зажимы глубоко врезались в плечи врага. В следующее мгновение собака отлетела словно выпущенное из пушки ядро на всю длину цепи, оборвавшейся от сильного броска. Собака проскользнула по снегу еще немного и осталась лежать с разорванным горлом.

Эзел встал на дыбы, изговорившись для сокрушительного броска на противников — и остановился. Собаки понеслись от него прочь — их воля была парализована страхом. Эзел понял, что они впервые учуяли его запах во время этой внезапной атаки и теперь признали свое поражение.

Он замер в нерешительности, обдумывая дальнейшие действия. Шум двигателя автомобиля-снегохода был слышен уже отчетливо: ритмичные звуки мощной машины. Появились мысли людей. Но он все еще оставался на прежнем месте, изучая мысли собак. Здесь сомнений не оставалось: отныне с ним будет связано чувство панического страха.

Он быстро повернулся и с удивлением увидел, что машина остановилась футах в пятидесяти от него. Внутри си-

дел лишь один человек. Другой, по-видимому, остался при-смотреть за самолетом.

То был Калев Карсон — он сидел совершенно спокойно, распахнув дверцу машины. В руках у него было длинное, грозно поблескивающее ружье. Человек смотрел на него, ничуть не дрогнув. А затем — невероятный факт — из его невозмутимо уравновешенного мозга донеслась мысль, адресованная именно ему:

«Выслушай, — говорил он, — и постарайся понять. Я могу убить тебя прежде, чем ты сможешь уйти на безопасное расстояние. Это — скорострельная дальнобойная винтовка. Она выжжет огромную воронку в том месте, где ты стоишь. Я могу убить тебя, но не стану этого делать. Подумай над этим. И запомни, что, несмотря на то, что сейчас ты остался жив, твоя будущая жизнь или смерть будет зависеть от моей воли. Без моей помощи ты не сможешь выбраться отсюда, но моя цена высока. А теперь беги, пока не подоспели остальные!»

Эзел устремился на холм — испуганный, пораженный, растерявшийся монстр. Лишь через несколько минут он сообразил, что собаки не осмелятся преследовать, и резко и неуклюже затормозил на снегу. Его мысли пришли в порядок. Бушующие эмоции улеглись. Случившееся сложилось в последовательную цепочку. Вновь в памяти ожило сказанное матерью в космическом путешествии: «Человек может признать свое поражение только от слепой животной силы. Раз уж мы хотим, чтобы они оставили нашу планету, нам следует притворяться бездушными свирепыми зверями. Если они догадаются о нашем интеллекте, то объявят войну и мощью оружия и ценой миллионов жизней уничтожат нас. И теперь кто-то из них догадался об истине. Если это станет общеизвестным, наша раса обречена!»

Кто-то догадался! Тот самый Карсон — самый опасный для цивилизации эзелов человек — сейчас здесь. Детеныш невольно вздрогнул. Первоначально в его намерения не входило задерживаться возле опасного лагеря после нейтрализации собак. Но теперь стало очевидным, что он должен действовать, не считаясь с риском: Калеба Карсона надо убить.

— Не понимаю, почему собаки не идут по следу? — смутно донеслась из дома недовольная мысль Мак-Леннана. — На планете Карсона всегда используют собак.

— Но лишь собак, родившихся там же! — последовал невозмутимый ответ. И душевное спокойствие второго — а это был Карсон! — всколыхнуло такую ненависть у эзела, что он вздрогнул всем своим существом и вжался в снег под небольшим ягодным кустом за домом суперинтенданта лесного заповедника. Карсон продолжил:

— Я многое почерпнул из некоторых документов профессора Джеймсона. Остальное стало результатом сопоставления с моими собственными выводами, опирающимися на тщательное изучение материалов дела. Когда Блейк Карсон впервые приземлился на этой планете, эзелы не пытались причинить ему вреда. Этого не было, пока не стали приезжать колонисты — лишь тогда эти существа стали такими убийцами. Видите ли, я и сам не понимал всего до вчерашнего потрясения — мне сообщили, что профессор Джеймсон на три... теперь уже на четыре дня опаздывает на Эристан...

— О, Джеймсон пропал без вести?

— Опасения весьма серьезные. В том районе находится несколько боевых космолетов раллов, и, конечно, никакой корабль не может вместить стационарный передатчик Ликсона для межзвездной связи. Поэтому он не мог послать предупреждения.

После короткой паузы Карсон продолжил:

— Так или иначе, его записи свидетельствуют, что он был близок к разгадке. Именно при изучении этих материалов у меня впервые промелькнуло правильное предположение. Вначале все казалось весьма неопределенным, но при рассмотрении его записей с этой точки зрения все становится объяснимым.

Эзел видел, что в мыслях Карсона содержалась полная разгадка. Считал человек все это лишь предположением или был уверен в своей правоте, не имело значения. Именно такого поворота событий боялась его мать. Человек знал практически все. И если правда, что профессор

Джеймсон сгинул, то сейчас в этом доме находился последний, кто обладал опасным знанием.

Карсон поделился своей догадкой. Значит, следует убить обоих.

В размышления эзвела вторглась обладающая холодом, удивительно недружелюбная мысль Мак-Леннана:

— Надеюсь, что ошибаюсь в своих сомнениях... Позвольте заметить, что я полдюжины раз бывал на планете Карсона. Ситуация там настолько плоха, что никакой домосед, изучающий обстановку по бумажкам, не может представить себе истинную картину. Сотни тысяч людей погибли в этой резне.

— Не будем углубляться в эту тему, но само количество жертв говорит о существовании у них интеллекта,— а это требует скорейшего решения проблемы.

— Так вы,— медленно произнес Мак-Леннан,— никогда не были на планете Карсона?

— Нет!

— Вы, внук Блейка Карсона... Да-а, старая история: последующие поколения извлекают выгоду из дел великих предков,— едко вставил Мак-Леннан.

— Нет смысла называть имена,— более молодой собеседник оставался спокоен.

— И вы действительно будете настаивать, что этому эзвелу надо сохранить жизнь?

— Конечно. Это мой долг, да и ваш тоже — сохранить малыша до приезда профессора Джеймсона... Если он вернется...

— Думаю, вы понимаете, что может пройти немало времени, прежде чем мы его поймаем. За это время он может стать убийцей.

— Из-за опасности вторжения раллов,— ответил Карсон, противопоставляя подчеркнутое хладнокровие неистовому напору Мак-Леннана,— из-за огромного значения проблемы эзвелов правительство требует идти на любой риск.

— Черт побери! — прорычал Мак-Леннан.— Что до правительства, то считаю, назначать комиссию по расследованию фактов слишком поздно — словами уже не поможешь. Следует немедленно объявить войну на систематическое истребление — вот решение! — и мы начнем с этого подлого детеныша.

— Мне подходит это предложение! — ворвалась мысль третьего человека.

— Карлинг! — воскликнул Мак-Леннан.— Возвращайся в постель, парень.

Молодой офицер разбившегося боевого корабля не унижался:

— Я лежал на кровати в соседней комнате и случайно услышал... Вот что я скажу вам, сэр! — вспыхливо обратился он к Калебу Карсону.— Командир Мак-Леннан прав. Пока вы тут разговаривали, я вспомнил многих людей, которых повстречал во время рейсов на планету Карсона и которые просто исчезли. Мы, молодые офицеры, еще посчитаемся за них.

— Это не пустая бравада,— коротко сказал Мак-Леннан.— К этому следует добавить аксиому службы, хорошо известную всякому солдату. Пока ты не утратил способности действовать или не получил другого приказа от непосредственного командира, ты обязан выполнять полученный приказ, несмотря даже на прибытие офицера более высокого звания.

— Я получу приказ для вас через час,— сказал Карсон.

— Через час,— ответил Мак-Леннан,— вы не сможете найти меня. Эзвел будет убит до того...

Эзвелу эти слова напомнили о намерении перебить их, воспользовавшись предоставившимся удобным случаем. Именно сейчас под этой крышей находились трое мужчин, представляющих наибольшую опасность для него и его племени. Дверь находилась почти сразу за углом. Если он сможет разобраться в механизме замка, то быстро уничтожит их — решив тем самым все проблемы. Эзвел плавно выскользнул из засады.

В прихожей он испытал неясное чувство нависшей опасности и припал к полу у подножия лестницы, понимая, что подняться наверх — значит потерять шанс уйти незамеченным. Возможно, убив их, он сам окажется в западне. Грохот тарелок на кухне отвлек его внимание. Эзвел подавил желание ворваться туда и растерзать находившуюся там жен-

щину. Он стал медленно подниматься по ступенькам, внимательно прислушиваясь к мыслям людей.

— Ха! Читают мысли! — насмехался Мак-Леннан. Он намеревался продолжить беседу, ибо ждал прибытия какого-то оборудования, и каждое произнесенное слово задерживало выход Карсона на радиосвязь для получения нужного ему приказа.— Должно быть, профессор Джеймсон спятил.

— Думаю,— съязвил Карлинг, вторя своему командиру,— что ученые собрали веские доказательства.

— Иногда,— подхватил Мак-Леннан,— они упорно придерживаются своих гипотез и стараются доказать их, даже несмотря на угрозу гибели половины человечества.

Карсон ответил раздраженно:

— Я не говорил, что профессор Джеймсон придерживался такого мнения. Я лишь сделал такое предположение на основе его многочисленных записей, и особенно мне запомнилась одна фраза, сформулированная в виде вопроса: «Может ли цивилизация существовать без городов, ферм, науки и какая форма связи обеспечивает необходимый минимум общения?»

— Кроме того,— Карсон стремился переубедить собеседников, а не принудить,— наличие интеллекта у эзвелов было бы просто замечательно, а отсутствие отнюдь не дает оснований пренебрегать планами профессора Джеймсона сохранить жизнь молодого эзвела. В любом случае вам нет необходимости преследовать его. Он не протянет и трех недель на земной пище. Фактически для него это — яд.

При этих словах эзвел вспомнил противный вкус собачьей крови. Подойдя к двери, он пригнулся, тело напрялось. Во всяком случае, он может убить людей, уготовивших ему такую судьбу, и, кроме того, он знает по крайней мере одно место, где есть обильная пища для него.

Тем временем Мак-Леннан продолжал:

— Однако люди ели мясо эзвелов.

— Да, но приходилось подвергать мясо химической обработке, чтобы оно стало удобоваримым.

— Тошнит от этого,— проворчал Мак-Леннан.— В конечном итоге, я не усматриваю во всем этом достаточных доказательств. Поэтому поступай буду по-своему. Пара дюжи мелких вертолетов прибудет минут через пятнадцать. Нынче же днем мы прочедем окрестности. И вряд ли вы станете утверждать, что пятисотфунтовая темно-голубая туша останется незамеченной... Какого черта вы наставили на дверь ружье?

До эзвела донесся ответ Калеба Карсона:

— Перед самым вашим приходом я заметил эзвела, скрывающегося в кустах. Внутренне приготовившись к каким-то его действиям, я все-таки не ожидал, что он осмелится войти в дом — несколько секунд назад я услышал скрежет его когтей. Я бы не советовал ему входить. Слышишь, ты?!

Эзвел замер. Затем, горя ненавистью, он счел за лучшее скатиться по ступенькам. Могучим прыжком он вышиб дверь и рванулся через кустарник, на ходу уворачиваясь от языков пламени, устремившихся вслед за ним из окна второго этажа — Мак-Леннан неистово палил из пистолета. Эзвел бежал и бежал, бросался из стороны в сторону, пока наконец огромным прыжком не достиг деревьев и не скрылся за ними — галопирующий по снегу синий монстр. Его единственным желанием после провалившейся попытки убить было стремление спасти свою собственную жизнь. И еще — ему необходимо поесть. А пища для него была только в одном месте.

Он вышел на место катастрофы — перед ним лежала опаленная взрывом пустыня, усыпанная скелетами исковерканных конструкций. Ни звука, ни единой живой мысли не доносилось сюда, и он лежал, прислушиваясь мозгом и ушами. Долгую минуту эзвел не двигался, а затем огромными прыжками направился к обломкам. Где-то здесь были запасы пищи, заготовленные для его матери. Сколько он продержится на них, если сможет спрятаться,— другой вопрос. И уж вовсе не осмеливался он думать о том, что же делать, если повезет выжить. Предстояло усвоить миллионы изобретений этой чуждой цивилизации, похитить самолет и, наконец, захватить космический корабль.

Он заметил на снегу справа от себя тень винтокрылой машины и вжался в снег инстинктивным судорожным движе-

нием. Его мысли потеряли всякую логику и под влиянием не подвластных разуму эмоций превратились в невообразимые мечты: уподобиться какому-нибудь искореженному контейнеру или куску металла, стать одним из этих обломков.

— Не пытайся спрятаться,— ловил эзвел обращенную к нему мысль Калеба Карсона.— Я знаю, что ты должен был прийти именно сюда. Взрослый эзвел мог бы надеяться добиться успеха самостоятельно. Но молодому — неопытному и наивному — нужен совет. Настал час принимать решение.

Тихо рыча, эзвел следил, как вертолет, делая круги, спускался все ниже и ниже, пока не завис не более чем в сотне футов над землей. В яростном отчаянии эзвел встал на задние лапы, словно хотел каким-то невероятным образом дотянуться до машины и изо всех сил швырнуть ее оземь. Тут же вторглись невозмутимые мысли Карсона:

— Отлично! Встань и будь человеком, насколько способен. Тебе предстоит стать человеком в душе или умереть. Объясню подробнее. Мак-Леннан убежден, что я ошибаюсь; он и Карлинг будут здесь через пять минут! Пять минут на то, чтобы полностью изменить свое отношение к жизни. Я не стану утверждать, что это совершенно свободный выбор... Люди не ангелы, но они должны узнать, что звезды обладают интеллектом. Мы боремся с воинственной расой Раллов, и планета Карсона нужна нам в качестве своего рода передовой базы в противоборстве с этими отвратительными белыми червями. Помни также, что и тебе нет смысла умирать смертью мученика. Опираясь на тезис разумности эзвелов, мы развернем соответствующую пропагандистскую кампанию. Повсюду на планете Карсона люди, измученные борьбой с — как они полагают — животными, окажутся перед необходимостью пересмотреть моральную сторону конфликта, поскольку выяснится, что им противостоят разумные существа. Если ты согласишься, я научу тебя всем человеческим достижениям. Ты станешь первым эзвелом-ученым. Если ты умеешь читать мысли, то понимаешь, что я искренен в каждом слове.

Звучало заманчиво. Знания расширяют возможности. Важность решения, которое сейчас предстояло принять, подавляла его.

— Продемонстрировать выбор тебе будет нетрудно, — мысленно продолжал Карсон.— Через минуту я посажу вертолет. Этот аппарат весь сделан из металла и разделен на два отсека. Ты не сможешь ворваться в мое отделение и убить меня. Я открою дверь твоего отсека. Когда ты зайдешь туда, дверь плотно закроется. Боже! Сюда направляется Мак-Леннан!

Вертолет почти упал на землю — так поспешно Карсон бросил его вниз. Он приземлился в какой-то сотне футов от эзвела. Дверь откатилась. Донеслось настойчивое:

— Решайся!

Но эзвел по-прежнему стоял в нерешительности. Перед его мысленным взором пронеслись видения огромных городов, кораблей, космических лайнеров под управлением эзвелов. Затем он вспомнил слова матери, пробудившие безмерный страх перед таким шагом.

— Быстрее,— бились мысли Карсона.

Рядом взметнулось пламя; времени на раздумья не осталось. Времени могло хватить лишь на то, чтобы воспользоваться предложенным шансом. Пламя вновь опалило его, когда он был уже возле вертолета Карсона, ударив в хвостовое оперение машины. Эзвел скрылся от преследователей за корпусом летательного аппарата — именно такой маневр в мысленных расчетах Мак-Леннан считал наиболее нежелательным. Еще один прыжок — и эзвел оказался внутри вертолета. Рядом приземлился другой аппарат. Два человека с ружьями устремились к нему. В их мыслях эзвел прочитал смертный приговор и хотел было выскочить, чтобы вновь попытаться скрыться. Но в этот момент дверь с лязгом захлопнулась перед ним. Ловушка...

Ловушка? Открылась другая дверь. Эзвел издал ужасающий рев, оказавшись в одном отсеке с Карсоном. Мысли смешались: наконец-то подвернулся счастливый случай убить этого человека, как наказывала ему мать. Но хладнокровие мыслей ученого заставило совладать с импульсивным желанием нанести смертельный удар. Кaleb Карсон хрипло произнес:

— Я пошел на чудовищный риск, поскольку все проделанное тобой за это время доказывает, что ты обладаешь интеллектом и понимаешь мои мысли. Мы не можем опереться — выстрел Мак-Леннана повредил хвостовое оперение. Значит, именно сейчас мы должны предъявить решающее доказательство. Видишь, я открываю дверь, отделяющую нас от них. Ты можешь убить меня и, если повезет, успеешь убежать. Другой путь — убраться у моих ног и мирно встретить их приход.

Дрожа от внутренней борьбы, эзвел приблизился к нему и распался на брюхе, смутно улавливая изумление Мак-Леннана, обильно приправленное проклятиями.

Он вдруг почувствовал себя юнцом, неопытным и робким, но уже многого достигшим. Воображение рисовало ему картины его величия в мире эзвелов — в мире технических конструкций на заре динамичного развития новой цивилизации.

Рассказчик замолк, и воцарилась тишина. Наконец, кто-то заметил:

— Сдается мне, этот внук первооткрывателя планеты Карсона — чрезвычайно хладнокровный малый.

Другой вставил:

— Кaleb Карсон не знал, что число погибших на планете Карсона составило почти тридцать миллионов, а в подобных случаях необратимость войны пропорциональна количеству жертв. Он не обладает чувством реальности. Его решение запоздало.

Зачинщик дискуссии заговорил торопливо, с видимым удовлетворением:

— Суть в том, что всегда найдется кто-нибудь, кто по тем или иным причинам увидит проблему в новом свете. Разгадку событий на планете Карсона внук ее первооткрывателя нашел где-то между строк в записях профессора Джеймсона.

Один из присутствовавших спросил:

— Но почему мы еще ничего не слышали об этом «втором решении»?

Рассказчик тотчас удовлетворил его любопытство:

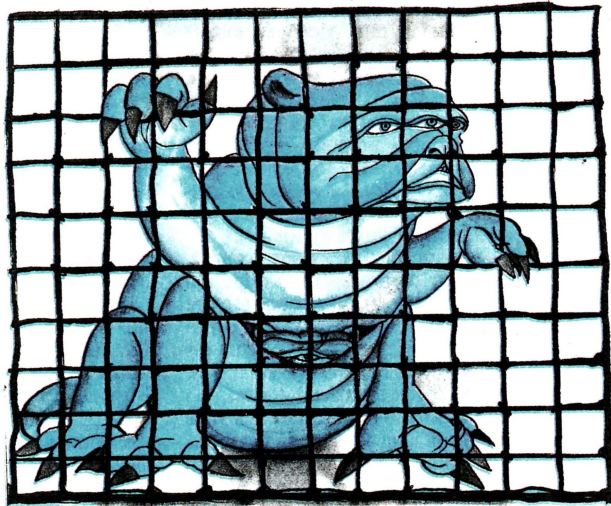
— Неудивительно — все произошло совсем недавно. На следующий же день наблюдения профессора Джеймсона и выводы Карсона получили широкую огласку. И уже на прошлой неделе я прочел сообщение, что на планету Карсона назначен новый координатор. Его зовут Кaleb Карсон.

В этот момент к рассказчику подошел мальчик-посыльный и сказал:

— Командир Мак-Леннан, с вашего корабля пришло дознание. Вы должны ознакомиться с ним в комнате отдыха.

Все изумились необычайной для такого гиганта стремительности, с которой он ринулся в комнату отдыха. Как нередко случается, смысл этого аргумента мы осознали лишь минуту спустя.

Перевел с английского П. ПАВЛЕНКО

Яцек ПАЛКЕВИЧ,
итальянский путешественник—
специально для «Вокруг света»
Фото автора

САМАЯ ПУСТЫННАЯ ПУСТЫНЯ

Низкое, над самым горизонтом, солнце отбрасывает четкие и длинные тени, перерезающие лунный пейзаж пустыни. Мне кажется, что я испытываю те же чувства, что испытывал Нейл Армстронг, который почти четверть века тому назад ступил на поверхность нашей ближайшей космической соседки. Зрелище поистине апокалиптическое. Вокруг меня громоздятся силуэты гор, похожие на застывших в камне допотопных чудовищ.

Слева — глинистые образования. Справа — выход разноцветных пород и светлые массы извести. Никогда раньше мне не приходилось видеть столь суровый пейзаж. Это — лунная долина на севере Чили, в сердце пустыни Атакама, считающейся самой дикой на Земле.

Я решил в одиночку проникнуть в этот край невиданной красоты и, сделав запас достаточного количества воды, провел три дня в этом пекле. Сейчас мое приклю-

чение подходит к концу. Песчаный горный хребет выводит меня к юго-восточной части долины. Далеко внизу, окруженный красноватыми песками пустыни, зеленеет остров. Вид оазиса Сан-Педро-де-Атакама ласкает взгляд после длительного пребывания во враждебном человеку крае, но может стать и смертельной ловушкой, как это случилось с одним немецким туристом, который пять лет тому назад пустился в путь всего лишь с одной флягой воды. Он потерял ориентацию и умер после трех дней скитаний от обезвоживания организма.

Это безжизненный мир, где лишенный воды человек обречен на смерть. Скалы, известняки, камни, глина, соль, песок — все это представляет загадку. Возьмем, к примеру, песок: всякий раз, когда я оказываюсь среди дюн, я не устаю восхищаться невиданной простотой форм и геометрическим порядком, царящим в природе.

Разнообразный рисунок дюн невероятно красив, совершенны широкие и гармоничные линии, созданные беспрестанно утешающими пустыню ветрами. Пустыня неумолимо наступает на остальной мир со скоростью 5 — 10 метров в год.

Провожу в одиночестве еще одну ночь. Воздух перестал быть сухим и обжигать легкие, как еще два часа тому назад. Под вечер поднялся ветер, и хотя сейчас, на закате, он поутих, температура воздуха кажется вполне приятной. Позже, среди ночи, станет совсем холодно, и придется поплотнее закутаться в теплый спальный мешок.

* * *

Утром добираюсь до Сан-Педро-де-Атакама. Маленький зеленый оазис, погруженный в самую засушливую пустыню Земли, сейчас находится в центре интересов мирового молодежного

туризма. Здесь, в 1400 километрах от Сантьяго и на 2140 метрах высоты, царит та же атмосфера, что и в Таманрассете, Катманду, Бангкоке или Анкоридже. Многонациональное войско молодежи, выгапывающей дороги планеты подошвами башмаков, великолепно чувствует себя в городе. Ребята крепко спят в скромных жилищах, едят местную пищу в харчевнях, суют повсюду своей любознательный нос и оглашают окрестности многоголосьем англо-испано-арабо-тайландским говором.

Когда двенадцать лет тому назад я посетил Сан-Педро, там буквально негде было переночевать. Сейчас открылась дюжина маленьких гостиниц, и семь туристских агентств наперебой предлагают вам посетить гейзеры, вулканы, поселения аборигенов и Салар-де-Атакама — огромное высохшее озеро, поражающее своей величественной и необычной красотой, волшебными миражами и простором, составленным из бесчисленных шестиугольников потрескавшегося грунта, которые на закате окрашиваются в розовые тона.

Салар, остров Пасхи и Антарктида — три сокровища чилийского «экспорта». За год Сан-Педро посетили три тысячи туристов, и число их постоянно растет.

Когда пересекаешь границы оазиса Сан-Педро, пустыня тотчас исчезает как по мановению волшебной палочки. В прохладных домах, в тени церкви, в полях пшеницы и маиса, протекает спокойная жизнь двух поселений; одного — белого, испанского происхождения, другого индейского, боливийского происхождения, которое говорит до сих пор на языке аймара. Жителей всего чуть больше 1600, но ничто не напоминает в них о древней культуре атакамень, этой

паразитической цивилизации, известной необычайным умением приспособляться к жизни в пустыне, и зародившейся здесь вместе с первыми отрядами охотников, которые спустились с севера примерно 10 тысяч лет до нашей эры и стали через тысячелетия пахарями и пастухами, торговцами и жрецами. Эта цивилизация достигла наивысшего расцвета примерно к 1000 году, когда она стала культурным, политическим и религиозным центром всей северной части Чили. В то время здесь выращивали маис, стада лам и альпак наполняли оазис, в деревнях плели пончо и покрывала, трудились над украшениями из меди и серебра, лепили вазы и амфоры с головами кошек и кондоров, обжигали глину.

Большую деятельность развернули атакамень в качестве торговых посредников между прибрежным населением и горами: с Тихого океана поднимались караваны с рыбой, ракушками, водорослями, тюленьей кожей, а с Анд несли медные и бронзовые изделия, шерсть альпак, кожу. Одним словом, это был большой индейский рынок. И, несмотря на внешние влияния, Сан-Педро никогда не терял своей культурной самобытности. Люди говорили на конса, особом наречии, не имеющем ничего общего ни с боливийским аймара, ни с кечуа перуанских инков, они поклонялись божествам пустыни, с которыми одурманенные специальными снадобьями жрецы и шаманы вступали в контакт. Они орошали засушливые земли, используя воды от тающих снегов. Позже, в 1470 году, когда пришло инкское войско Тупако Юпанки, уклад жизни резко изменился. И когда Диего де Альмагро достиг оазиса, он застал уже там цивилизацию, пребы-

Арина. Берег Тихого океана.

вающую в упадке. Так что на сегодняшний день от древнего Сан-Педро осталось всего 400 мумий, 5000 скелетов, тысячи ваз, украшения и предметы культа, собранные бельгийским иезуитом Густаво Ла-Пежем в пятидесятые годы, когда он утюжил пустыню в поисках утраченного времени.

Перед музеем, который носит его имя, на главной площади чилийского оазиса, дети проводят день, играя в пыли, бегая вокруг колокольни из белого известняка, построенной испанцами в XVI веке. Чуть дальше, в тени массивных портиков в колониальном стиле, сидя за столом, лениво переговариваются мужчины, подливая себе в стаканы популярный здесь напиток «писко». Часы неспешно движутся, и никто никуда не спешит. Из переулков доносятся приглушенные звуки, еще больше подчеркивающие тишину и покой.

Сан-Педро медленно погружается во тьму, крохотная и почти незаметная песчинка, поглощенная дышащей огнем пустыней, раздавленная массой Кордильер и вулканом Ликанкабуром, нависающим над долиной мрачным гигантом. И как раз на его стенах из черной лавы виднеется узкая тропинка, которая ведет, казалось бы, за грань мира. Она поднимается, петляя по склонам и пробираясь к иной пустыне — расположенной на высоте 4000 метров над уровнем моря андийской гуне.

***

Я оставляю оазис и поднимаюсь на вершину вулкана, где белизна ледников уступает место желтизне серы, скопившейся здесь за века извержений.

Сан-Педро-де-Атанама – подлинный оазис в пустыне.

На вершине некогда стоял прекрасный храм, к которому имели доступ только жрецы, выполняющие особые, лишь им ведомые ритуалы. Сегодня дорога открыта и для простых смертных.

Это мир одиночества, на километры и километры – ни единой живой души, лишь горы, солончаки да причудливые нагромождения лавы.

И вот с вершины вулкана Ликанкабур, с высоты почти шесть километров, я лю-

буюсь невероятной красотой пустыни. Отсутствие влаги делает воздух необычайно прозрачным, все видится удивительно четко. Я с трудом дышу из-за разреженности воздуха. Страшно холодно, и трудно представить, что внизу, в полутора днях пути, пышит жаром Атакама, раскаленный ад, где 500 лет тому назад погибли отряды конкистадора Диего де Альмагро, первого завоевателя инкского Чили. Полоса песка и камней длиной более тысячи километров проходит по тропику Козерога, зажата между берегом Тихого океана и поражающей воображение цепью вулканов.

Чарлз Дарвин справедливо назвал эту зону «utterly desert», «полной пустыней»; в некоторых районах количество осадков не поддается измерению, иногда оно составляет десятую миллиметра в год, да и то лишь в виде утренних туманов. В иных поселениях неподалеку от Каламы дождь – историческое событие: в последний раз оно имело место двадцать лет тому назад, и ни один из ныне живущих не упомянет еще одного такого случая.

Главное следствие столь засушливого климата – отсутствие какого-либо растительного покрова. Лишь редким упрямым кактусам удается выжить там, где ночная сырость и зимние туманы дают им хотя бы небольшой шанс. Ломос – так называют индейцы эти островки жизни, притягивающие насекомых, мелких грызунов и птиц, которых не встретишь в других местах Атакамы. Кактусы представляют собой поразительное доказательство умения растений приспособливаться к окружающей среде, но и человеку пришлось проявить немало упорства, чтобы освоить эти от веку бедные и враждебные земли.

За воротами Сан-Педро на высоте 2300 метров на три тысячи квадратных километров простирается гигантская впадина, об-

Этой мумии из археологического музея в Сан-Педро-де-Атанама 7 тысяч лет.

НЕПОВТОРИМОЕ ПОРТО

разовавшаяся на месте высохшего древнего озера, оставившего на дне толстый слой соли. Зимой, во время ночных холодов, корка соли затвердевает, и по всей этой ослепительной белизне можно проехать на машине и достичь на юге поселения Пейне. Лагуна Гхаса потрясает на этом пути больше всего. Это уже настоящее озеро, образовавшееся из нескольких, чьи подпитывающиеся Рио-Гранде воды,— единственные, сумевшие выдержать процесс высыхания, поразивший весь район. Чистые берега лагуны превратили в свои колонии различные микроорганизмы, придающие лужам переливчатые цвета,— от красного до зеленого, в зависимости от вида поселившихся в них водорослей.

Удивительна панорама соляной корки, составленной из мириад аккуратных шестиугольников. Это целая сокровищница нитратов, а также самые большие запасы в мирелития — щелочного металла, используемого в металлургии, фармакологии и в керамическом производстве.

Три часа на вездеходе — и я уже на плоскогорье Татия, на высоте 4200 метров над уровнем моря, взираю на поистине апокалиптическое зрелище: 40 гейзеров и 70 действующих фумарол. Сильные выбросы горячей воды поднимаются в воздух на несколько метров и с шумом и свистом заливают зону в 10 квадратных километров. На такой высоте вода закипает при температуре 86 градусов Цельсия, а на глубине 800 метров ее температура достигает 265 градусов.

Пустыня Атакама становится главным действующим лицом истории Чили. В этих краях были обнаружены крупные залежи меди, железа, нитратов. Эти богатства и стали причиной войны в 1878 — 1884 годах между Чили, Перу и Боливией за права на новые месторождения.

И по сей день горнодобывающая промышленность остается одной из немногих активных отраслей в разоренной чилийской экономике. Поэтому турист, блуждающий в поисках истории по голым плоскогорьям района, не может не посетить Чикимату, самую большую в мире шахту, где работы ведутся открытым способом: это гигантский амфитеатр, в котором ежедневно 10 тысяч шахтеров добывают около 300 тысяч тонн сырья, готового для переработки в 2 тысячи тонн чистой меди. Вот оно где — богатство пустыни Атакама.

Длина карьера — пять километров, ширина — два, глубина — 600 метров. И все это на высоте 3000 метров над уровнем моря. Все вокруг кажется неподвижным и окаменелым. Из-за недостатка кислорода тяжело дышать.

... Дальше, к востоку, на Кордильера-де-Домейко, попадаешь в измерение, лишённое фактора времени. Асфальтовая дорога исчезает с последними приметами цивилизации. Вступаешь в земли, не принадлежащие никому, только жгучему солнцу днем и пронзительному холоду ночью. Пейзаж, будто перенесенный с чужой планеты...

И когда я возвращаюсь к Тихому океану и обогащенная кислородом кровь сильнее пульсирует в жилах, трудно поверить, что в нескольких часах пути отсюда проходит «граница мира»...

Перевела с итальянского Е. ЛИВШИЦ

В названии «Португалия» легко читается «порто». Вино порто — душа страны, так же как народная песня фадо, в которой звучит мягкая меланхолия, великолепно передающая ни с чем не сравнимое ощущение — счастье быть грустным.

Там, на севере, земля похожа на море: виноградники спускаются с гор до самого берега реки Дору невысокими зелеными волнами. Только здесь, в этой долине, рождается таинственная алхимия порто. Пересаживая отсюда виноградная лоза никогда не повторит свои свойства, не передаст свою сладость.

В 1905 году Анри, граф Бургундский, привез несколько сортов винограда из своего имения в этот район, пожалованный ему королем Леоном Испанским. Бургундец понял, что эта железная земля когда-нибудь родит бархатное вино. Но чтобы создать эти зеленые волны, трудились несколько поколений. Надо было разбивать землю мотыгами, переносить ливни, бури, заморозки, град. С мая по сентябрь долина превращается в раскаленное ущелье — 30 градусов в тени, 40 — на солнце. 50 недель ежедневных забот о лозе и урожае виноградари Порто Круза принимают как дар небес. Их виноград — это их Святой.

Осенью, когда начинается сбор урожая, долина превращается в кипящий муравейник, крепко пахнущий соком и нагретыми солнцем камнями. Работают сборщицы, грузчики, давилщики. Потом виноградный сок и сусло поступают в руки виноделов. Именно они решают, когда надо остановить ферментацию, добавляя некоторое количество алкоголя. Один жест мастера — и состояние вина будет меняться с каждым часом. Этот момент определяет природу вина: оно будет сухим, полусухим или сладким. Весной его доставят в Вила-Нова-ди-Гая, где расположен уникальный старинный склад,

построенный еще в XIX веке, чтобы уберечь вино от мошеннических махинаций. Уровень качества оценивается тремя организациями, одна из них — Институт Вина Порто. На бутылках «Порто Круз» стоит печать этого института, которая гарантирует превосходное качество.

Традиционное порто — это плод гармонии пятнадцати качеств в сочетании с различным возрастом вина. Мастера-дегустаторы успокаивают слишком пылкое вино, смягчают крепость раннего, слегка подогревают более старое... Для этого в их распоряжении не только небо и вкус, но и сложные лабораторные анализы. Затем порто, помещенное в небольшие дубовые бочки, оставляют созревать минимум на три года.

Португальское порто знают повсюду.

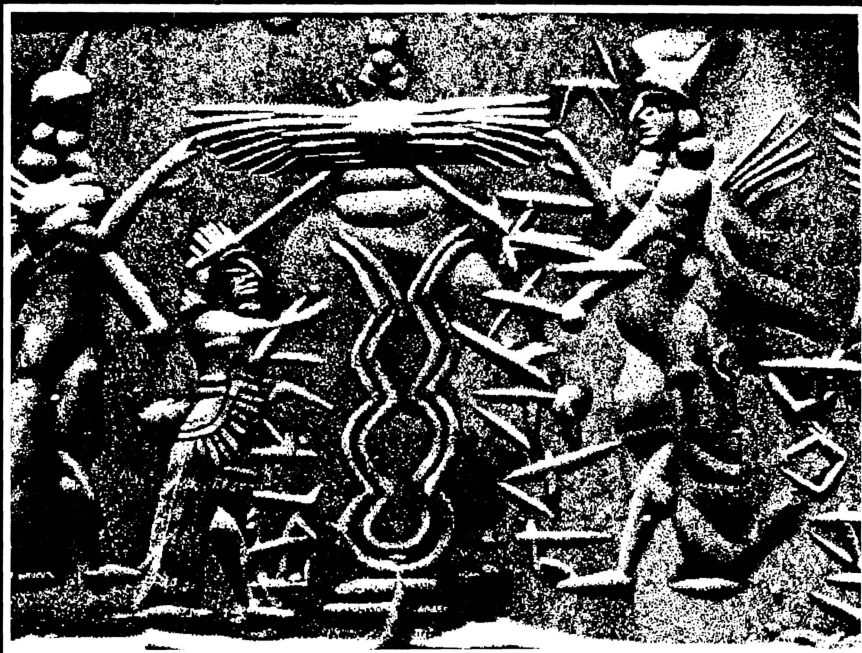
Англичане употребляют порто на десерт. Безусловно, под какой-либо ностальгический тост. Во Франции предпочитают пить его как аперитив — как правило, красное, полусухое или сладкое. Красное играет в бокале всеми своими оттенками — от рубинового до темно-золотого. Белое порто изготавливают из винограда светлых сортов. Это вино более сухое, но тоже очень деликатного вкуса. Еще одна категория — это выдержанное порто с обозначением года — «Гран Круз» и «Спешэл Резерв».

Каждый сорт имеет свою особенность, но все они приносят тепло и утешение. И не только. Порто пьют куда охотнее дома, чем в кафе. Не просто пьют — смакуют. И достигают того, что называют словом «фелисидади».

По-португальски это значит «блаженство».

(См. III стр. обложки.)

По материалам журнала
«Grands Reportages» подготовила
И.СОЛОДОВЩИКОВА

Мачей КУЧИНЬСКИЙ

ПОЧИТАТЕЛИ ЗМЕЯ

Гипотеза, которую предлагает польский ученый, основываясь на кропотливом изучении древних культур, по его же словам, — «это вызов здравому смыслу: откуда вдруг взялось понятие хромосом в Шумере, а потом и в Мексике минимум за четыреста лет до изобретения микроскопа в Европе? Уже одно это утверждение должно было мне раз и навсегда сказать, через какую границу я не смею переступить. И все-таки я это совершил...»

НА ВЕРШИНЕ ТАЙНЫ

...Я вышел на солнце. Ветер нес сухую пыль. Земля в эту пору года совершенно затвердела. Я начал подниматься на пирамиду. Камни были мелкие, из вулканической лавы. Часть камней, обработанная в форме брусков, образовывала несущие стены, массив пирамиды был заполнен камнями. Узкие высокие ступени вынуждали идти боком или чуть ли не на пальчиках. Попискивая и ахая, спазматически глотая воздух и размахивая руками, толпа взбиралась вверх.

— Зачем таскают с собой транзисторы? Ведь запрещено! — на ломаном испанском языке вопрошал проводника американец, желавший в тиши насладиться своим присутствием здесь. — Успокойте их!

— Si, señor! Да, господин, — согла-

шался проводник в соломенной шляпе с черными усиками. — Но они ответят, что находятся у себя.

Я глянул вокруг, всюду смуглые лица цвета кофе с молоком, охры или жженой сиены, живые, словно искорки, дети, раздобревшие матроны, веселая беззаботность, добродушная болтовня, семейная переключка по-над головами толпы. Да, они были у себя! Больше того, были в своей семье! Черные волосы и глаза, как и их кожа, не были случайностью, они были такими, потому что «создавались» по плану, переданному в виде генов людьми, жившими здесь две тысячи лет назад. Именно эти гены, копируемые на протяжении сорока поколений, ходили сейчас здесь, «облаченные» в эти тела.

Отрывок из книги «Почитатели змея», Варшава, 1991. С разрешения автора.

Трое детей, стоявших на верхней платформе, наклонившись над крутизной лестницы, скандировали:

— Sube, Iguanita, sube! Забирайся, Игуалита, забирайся!

Пожилая служанка, индеанка без примеси белой крови — не то что господ, взявшие ее сюда, — лезла, задыхаясь, добродушно грозя детям. Она с трудом передвигала тяжелые бедра, распухшие икры. Слегка смущенная всеобщим вниманием и ничего не знающая о том, что она здесь — гораздо больше, чем кто-либо другой! — у себя. И больше, чем кто-либо другой, — на своей пирамиде. Она поднимала вверх те же самые гены темного пигмента, обильного потовыделения и индейских черт, которые вбирались здесь некогда с телами строителей пирамид.

Я стоял на верхней платформе пирамиды Солнца, уже примирившийся

духовно с ползающим по ней муравейником. Сего Gordo, Толстая Гора, слоняла горизонт, лежала неохватным бревном на вылинявшей земле, фиолетово-синия вдали. На ее фоне, в конце Дороги Мертвых, виднелась пирамида Луны. Стоя на триста шестьдесят пять ступеней — шестьдесят шесть метров — выше окружающей местности, я видел вокруг себя волнистые коричневые поля, покрытые в эту зимнюю пору пылью.

Солнце стояло в зените, и его лучи, словно для того, чтобы согреть меня, падали точно туда, где был я, на самую верхнюю платформу пирамиды.

Мексиканцы верили, что солнечная энергия вырывает материю из состояния инертности и придает ей жизнь. Так оно и есть в действительности. При температуре абсолютного нуля материя спит, в ней не протекают никакие процессы. Из этого исходят ученые, высчитывая тепловую смерть Вселенной.

Современная физика поставила знак равенства между материей и энергией. Они суть два состояния одного и того же. Так вот, солнечное вещество, превратившееся в энергию и посланное на Землю в виде излучения, здесь вновь через процесс фотосинтеза превращается в материю, в буквальном смысле продолжает существовать в живых организмах.

При таком подходе жизнь на планете можно считать частицей Солнца, которая переливается сюда, переносит сюда свою массу, здесь увеличивает свой объем, то есть в определенном смысле тоже радирует, излучает.

Именно как Солнце, горящее на Земле, воспринимали жизнь древние мексиканцы.

Я сам был его частицей. Здесь, на пирамиде, насквозь пронизываемый лучами, залитый теплом, падающим сверху, ослепленный светом, чувствуя обжигающие прикосновения к коже, я не ведал сомнения: я и оно были одним и тем же.

Да, в Теотиуакане пришло ко мне понимание одного из важнейших символов Древней Мексики. Я покинул руины и отправился в библиотеку, чтобы попытаться разобраться в нахлынувших на меня мыслях.

БОЕВОЙ БАРАБАН АЦТЕКОВ

Первой тропой, поведшей меня в глубь Древней Мексики, был деревянный боевой барабан ацтеков, точнее, вырезанное на нем изображение рыцаря Орла. Мне, дилетанту, как это обычно бывает, сразу же показалось, что я обнаруживаю в этом предмете нечто совершенно иное, нежели исследователи. Правда, они неоспоримо доказали, что в государстве Священной Войны, царстве ацтеков, существовали кланы рыцарей Орла и Ягуара, шедших в бой под этими регалиями, но здесь? Что за рыцарь? Ведь сразу было видно, что человек появлялся из клюва, а туловище птицы — это двойная спираль, согнутая подковой. Так что человек как бы выгляды-

вал из некоего спирального существа, снабженного крыльями.

Какие ассоциации мог вызвать этот символ у нас, живущих в эпоху, когда Уотсон и Крик* в 1953 году уже открыли структуру дезоксирибонуклеиновой кислоты? Естественно — символическую хромосому, в которой через собранные в ней гены записана вся программа строения и жизнедеятельности человеческого организма. Так я это и понял. Это было краткое изложение нашего генезиса, аллегория происхождения человека.

Орел в Древней Мексике был символом Солнца и именно в качестве такового присутствовал на барабане. Он представлял здесь энергию, позволившую появиться жизни на планете, а может быть, и фактор, вообще присутствующий во Вселенной, некое внутреннее свойство, обеспечивающее материю возможность превращаться из неодушевленной в живую. Христиане называют этот фактор духом и изображают тоже в виде птицы, правда, не орла, а голубя. Но это так, к слову.

Первое сомнение — а не является ли двойная спираль самым обычным декоративным элементом — легко было отбросить. Что это за орнамент, если он занимает центральное положение в столь многозначительной композиции! Ведь это ему приданы солнечные орлиные крылья, хвост и голова! Из него появляется человек. Более того, носителем подобной спирали был каменный орел из Перу. Появлялась она и на печати шумеров как объект поклонения жрецов, настойчиво свидетельствуя тем самым об особом своем значении, а одновременно и о том, что связанные с нею знания некогда были присущи многим народам мира.

Второй вопрос мог относиться к спиральному характеру изображения, поскольку известно, что ДНК представляет собою двухзаходную винтовую линию, так называемую «гелису», расположенную двумя параллельными нитями, которые как бы опоясывают цилиндрическую поверхность. Я принялся искать в школьных учебниках и биологических публикациях, увидевших свет вскоре после присуждения Нобелевской премии за открытие структуры этой кислоты. Что же оказалось?! Бесчисленные авторы словесно определяли ДНК как двойную спираль и нередко именно так схематично ошибочно изображали ее проекцию на плоскость. Поэтому почему бы не простить подобную ошибку ацтекским ваятелям и их работодателям жрецам, возможно, знающим идею, но уж никак не точную геометрическую объемную формулу. И это еще не все! На шумерской печати и на плечах орла из Перу две полоски, как и полагается, бежали параллельно друг другу, а их расположение зигзагами можно было считать как бы намеком на винтовую

* Уотсон Джеймс Кьюи — американский биохимик, вместе с Ф.Криком создал модель пространственной структуры ДНК (двойную спираль). — *Здесь и далее прим. пер.*

линию, которую в миниатюре просто невозможно изобразить иначе.

Что же касается двух переплетающихся нитей, видимых на всех трех изображениях, то тут не могло быть никаких сомнений. ДНК построена из двух нитей. Тогда остается только вопрос, почему ленточки на ацтекском барабане разделены на три полоски? Структура ДНК подсказывает сразу два объяснения. Первое: каждая нить спирали построена из трех составляющих компонентов: сахаров, оснований и фосфорных остатков*. Во-вторых, эти элементы расположены именно поясками.

Осталось только понять, почему фигура изогнута в виде буквы U? Многое говорило за то, что это не случайность. Подобные «рогалики», подковы, яра, согнутые в полудугу палочки часто встречаются по всей Америке. В неисчислимых наскальных рисунках, в рельефах, на керамике, ткани, а прежде всего в кодексах миштеков — рисованных книгах.

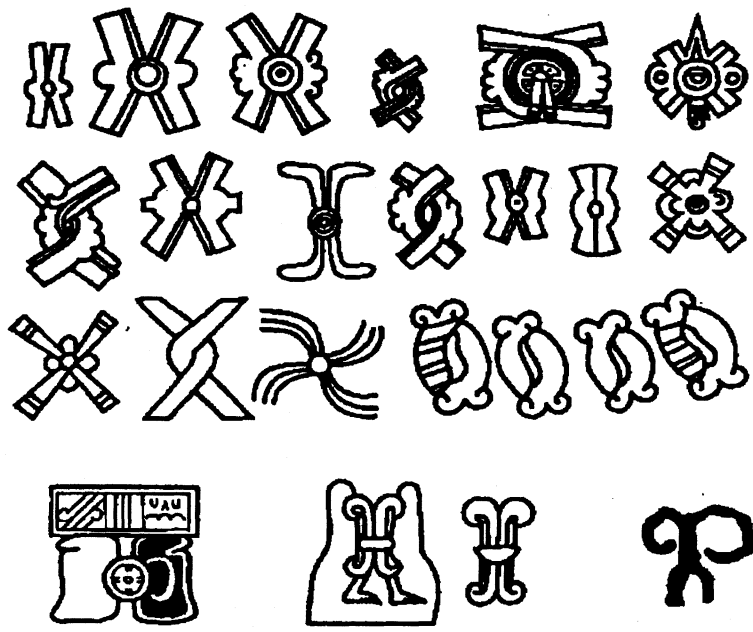
Дело в том, что форму согнутой палочки как раз принимает хромосома в так называемой анафазе, одной из стадий деления клетки. Конечно, можно спросить, а почему хромосома именно в этой, а не в какой-нибудь другой фазе обратила на себя особое внимание? Ответить нетрудно: другие фазы, связанные с иным состоянием хромосом в клеточном ядре, тоже были темой искусства, почитания, поклонения, имели силу символа. Возможно, в данном случае речь шла не столько о форме, сколько о хромосоме вообще? О том, до сих пор не изученном теле, которое в различных количествах присутствует в ядрах всех клеток растений, животных и людей?

Биолог мог бы предъявить мне еще одну претензию: «хромосома» на барабане ацтеков и печати шумеров изображена совершенно неправильно, поскольку в реальности ДНК во много тысяч раз длиннее самой хромосомы и умещается в ней только благодаря своему малому диаметру и плотной упаковке. В действительности хромосому можно бы назвать мотком или же шпулькой из нитей ДНК, не забывая, однако, что нити эти отнюдь не упаковывали, наматывая на ось.

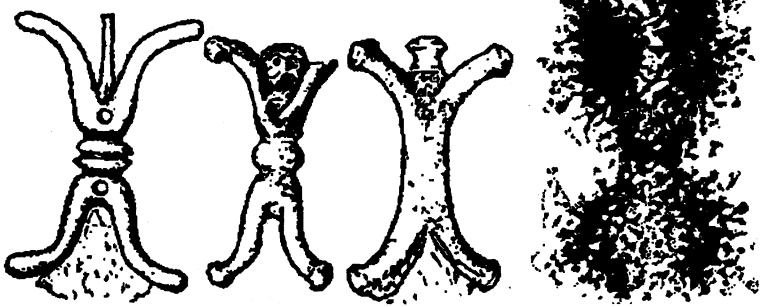
Надо согласиться, что оба изображения лишь чрезвычайно упрощенно, но тем не менее правильно повествуют о том, что наиважнейшей наряду с белком субстанцией, входящей в состав хромосомы, является двойная гелиса нити ДНК. Расположенная по ее длине генетическая запись есть информационная основа жизни.

Вторая основа жизни — Солнце, с орлиных крыльев которого стекает энергия, необходимая для того, чтобы

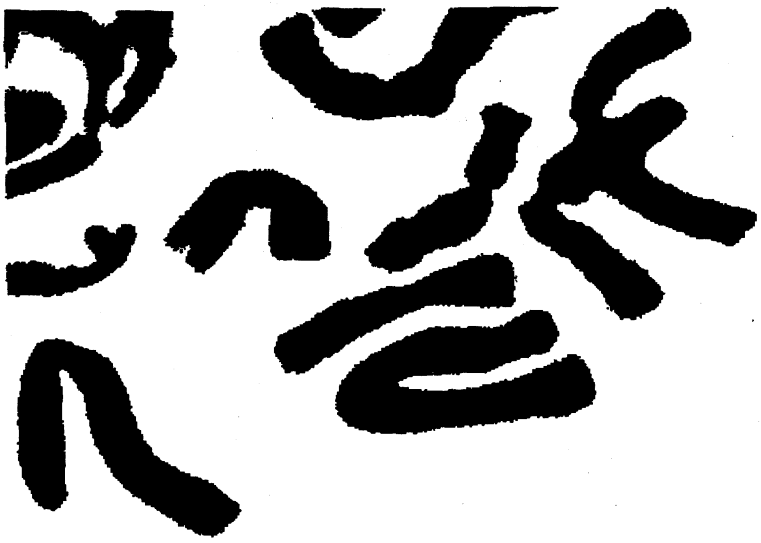
* Точнее: сахаров (дезоксирибоза), азотистых оснований (аденин, гуанин, цитозин, тимин) и остатков фосфорной кислоты.

Мексиканские и мистические иероглифы.

«Оллин» — движение в различных вариантах.

Хромосомы под микроскопом.

вырвать неодушевленную материю из бездействия и позволить ей перейти в состояние более высокой организованности.

ПОД ЗНАКОМ ОРЛА

По мере того как я старался прочесть символику этих знаков, исходя из биологических предпосылок, родилось понимание и того, что она ни в коей мере не противоречит признанному в настоящее время толкованию. Да, это был рыцарь Орел!

Человек не вылезал из клюва. Орел-хромосома только накрывал его, из-под перьев виднелись руки и ноги. Барабан был боевым оружием, его звук своим магическим воздействием должен был призывать к победе на поле брани, придавать отваги. Эти ацтекские войны, именуемые «цветочными», имели ритуальный характер. Убеждение, что для поддержания жизни Солнца необходимо приносить в жертву человеческие сердца, требовало многочисленных пленников для алтарей*. Их добывали профессиональные солдаты, объединенные в кланы рыцарей Орлов и Ягуаров. В этом космическом дуэте Ягуар символизировал земные факторы. Но почему создатель боевого барабана вырядил рыцаря в перья и спирали?

Нам это известно. Половина армий мира и сейчас прикрывается орлами, укрепляет их изображениями свою храбрость и силу. Но сегодня это всего лишь символ из области культуры, давно оторвавшийся от своих пракорней, обросший новыми значениями. Например, сомнительно, чтобы уже римские легионеры знали что-нибудь о древнейших толкованиях своих орлиных знаков. Наверняка последними народами, которые связывали с этим символом вполне определенное значение, были египтяне со своим священным соколом, шумеры, рисующие раскинутые над миром крылья, ну и значительно позже — древние мексиканцы.

Вырядившись орлами либо ягуарами, они отправлялись в бой — думал я — уже не как люди, но как две силы, созидающие жизнь в мертвой, холодной Вселенной. Рыцарь и посылающий его в бой жрец — в этом я был уверен и нашел подтверждающие мою мысль убедительные доказательства — должны были знать о существовании процесса, в котором солнечная энергия, взаимодействуя с гелисообразной структурой, создает новую жизнь, земные тела, в том числе и человека. А кому же еще мог служить

* Когда ацтекским жрецам не доставало пленников для жертвоприношений, Верховный правитель приказывал подчиненным ему городам начать войну, в которой противник был вооружен «игрушечным» оружием, а захваченные в результате столь варварского действия пленники приносились в жертву богам.

рыцарь, как не собственному создателю?

Хромосома, дезоксирибонуклеиновая кислота... Итак, эти слова произнесены. Я не мог не отдавать себе отчета, куда я пытаюсь с ними проникнуть. Больше того — ворваться, вторгнуться, пробиться в замурованный десятилетиями словник культурных понятий, в мир саг, ритуалов, верований, обычаев; в мир, опирающийся на материальную историю народов, с их кремневыми топорами, бронзой и железом. И вдруг — хромосома! Это вызов здравому смыслу: откуда вдруг взялось понятие хромосом в Шумере, а потом в Мексике минимум за четыреста лет до изобретения микроскопа в Европе? Уже одно это утверждение должно было мне раз и навсегда сказать, через какую границу я не смею переступить.

И все-таки я это совершил. В своих поисках я в основном опирался на наследие людей, населяющих центральную и восточную части современной Мексики. К этому району я относил не совсем правильное с исторической точки зрения название «Древняя Мексика». Мексикой во времена, предшествовавшие завоеванию, называли только земли вокруг теперешней столицы государства, тогдашней столицы ацтеков — Теночтитлана.

Иногда я пользовался также термином «Месоамерика», поскольку то, о чем я говорю, было присуще всему этому региону, который, в свою очередь, на востоке выходил за пределы современной Мексики, охватывая Гватемалу, Гондурас и доходя до Коста-Рики.

Вскоре я убедился, что мое исходное положение, будто жившие там народы обладали определенным объемом биологических знаний, хоть и могло показаться полнейшей нелепицей, действовало, однако, магически. Единжды использованное, оно привело к тому, что в моих глазах начали раскрываться герметически замкнутые до толе изображения, непонятные символы власти и самые священнейшие знаки.

УРНЫ САПОТЕКОВ

В очередной, хоть и не в последний раз я натолкнулся на «хромосомные» структуры, знакомясь с наследием Древней Мексики. На этот раз речь шла об изображениях, связанных с погребальной керамикой сапотек, народа, населявшего горную страну к югу от Центрального плоскогорья в Мексике. Антропоморфные урны и барельефы из обожженной глины были выполнены в виде фигур божков, сидящих на земле и наряженных в фантастические одежды. Некоторые из них держали в вытянутой правой руке Х-образный предмет. Такая демонстрация, как и у католических покойников, держащих в одеревеневших

пальцах крестик, только подтверждает особое значение фигуры, какую-то глубокую ее связь с таинствами веры. Урны, обнаруженные на Монте-Альбани, горе с плоской вершиной, застроенной десятками святилищ, дворцов, пирамид, заполняли подземные склепы, выдолбленные в скале — месте захоронения вельможных сапотек.

У многих народов мира склеп представляет собою место, где живое существо переходит в иной мир, царство мертвых, в обитель духов. Чтобы гарантировать покойнику достойный прием там, в его будущей внеземной жизни, организуют церемониальное погребение и снабжают умершего не только предметами обихода, пищей и напитками, но также и молитвами, закликаниями и символами, изображенными на коре, полосках папируса, глиняных табличках, на бумаге и олеографиях, благодаря чему, как считается, бог либо боги отнесутся благосклоннее к посвященному в таинство существу.

Именно к таким символам относится, как я думаю, делящаяся хромосома, которую держат в руках божки урны.

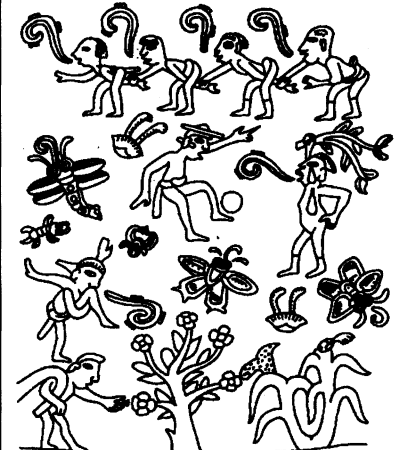
Именно они находились в сапотекских могилах. Хромосомы, удвоившиеся в творческом акте умножения информации о жизни. И не только в могилах. Я легко отыскал их на страницах миштекских кодексов — рисованных книг. Когда и те и другие я сравнивал со снимками хромосом, сделанными под микроскопом, то в самих изображениях не нашел ничего, что могло бы принципиально подорвать мои объяснения. А если и были еще какие-то сомнения, то они быстро рассеялись при виде изображения, взятого из современного труда по биохимии. Наш современник-ученый не побоялся представить центромеру как своего рода пояска или застежку, хотя в действительности это место хромосомы выглядит иначе, так как представляет собою всего лишь сужение. Вероятно, автор хотел таким путем выразить идею связи двух палочек. И сделал это, не ведая, что за много столетий до него то же самое уже проделал миштекский художник. Мне пришло в голову, что идея хромосомных разделяющихся палочек объясняет также происхождение иероглифа «оллин» — «движение», «землетрясение», применявшегося в Древней Мексике для обозначения одного из двадцати дней тогдашнего месяца.

ЗАГАДОЧНЫЙ «ОЛЛИН»

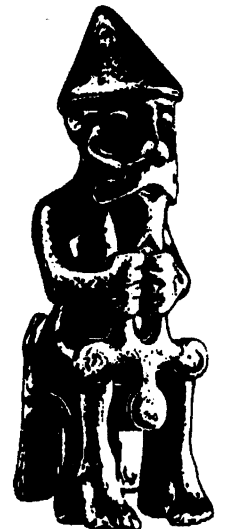
Этот иероглиф в многочисленных стилизованных вариантах и разновидностях значений встречался на керамике, каменных рельефах, на фресках в святилищах и дворцах. Кроме двух палочек, он часто содержал в себе изображение (одной из двух) окружности

Регалии власти Тутанхамона, а также богов Мишноатля и Кецалькоатля.

Тлалокан — земной рай, фреска.

Северогерманский бог Тор со своим «МОЛОТОМ».

с еще меньшими окружностями в середине, напоминающими схему клеток с ядрами. Что же, кроме этих чисто формальных подобий, свидетельствовало о возможности связи иероглифа с клеткой?

Во-первых, этот «клеточный» знак на языке науа назывался «чальчи-уитль» — «драгоценный камень» и был синонимом «жизни». Во-вторых, название иероглифа «оллин» происходило от корня «ол», означающего «не-что круглое», но уже глагол «олини» применялся для определения «вращательного движения», и особенно что важно для моих выводов, — «движения, перемещения больших количеств людей». В сапотекском языке название иероглифа звучало «хоо» — «огромный» и «землетрясение». Майя же, точнее, племена цоциль-цельталь звали его «чик», что означало «лишаться!» И наконец, майя с Юкатана для очень похожего знака имели слово «кабан» — «то, что находится снизу».

Отсюда я сделал вывод, что этот иероглиф, так мало общего имеющий по форме с «землетрясением», зато идеально объясняемый в биологическом контексте как «то, что находится снизу», то есть в телах, скорее всего следует считать хромосомой, образованием, которое, будучи укрытым в теле, отделяется от своей копии, оно могуче по своему генетическому воздействию и, наконец, перемещается группой в двадцать три палочки в свою клетку-потомок, а также несметными тучами — из поколения в поколение. Это нашло подтверждение в рисунке из миштского рисованного манускрипта, где «оллин» расхаживал на двух человеческих ногах!

И наконец, что невероятно любопытно, символы, подобные «оллин», были известны уже в каменную эпоху и в разных частях света — в Азии, Европе, даже в Северной Америке — нарисованные или выпаранные на камнях и выражающие, как утверждали исследователи, «идею человека». Да, это мог быть человек, но в своей хромосомной фазе! Еще одним красноречивым подтверждением сказанного были антропоморфические рукоятки кельтских мечей из Центральной Европы!

ТЕОТИУАКАН

Древнее сказание, записанное францисканцем Бернардино де Саагуном вскоре после завоевания Мексики и опубликованное в его основном произведении «Полная история Новой Испании», гласит:

«Прежде чем день наступил на свете, собрались боги в этом месте, именуемом Теотиуаканом, и один за другим говорили: «Боги, кто возьмет на себя освящение мира?»

С начала нашей эры в районе, лежащем в пятидесяти километрах к северу от столицы Мексики и названном в память о встрече богов Теотиуаканом, малоизвестный народ возводил пер-

вую пирамиду, посвященную Солнцу. Через восемьсот лет огромное строение было покинуто. Пирамиды Солнца и Луны, Птицы-Змеи и Тла-лока превратились, особенно после прибытия испанцев, в источник камня для деревушек и церквей в долине.

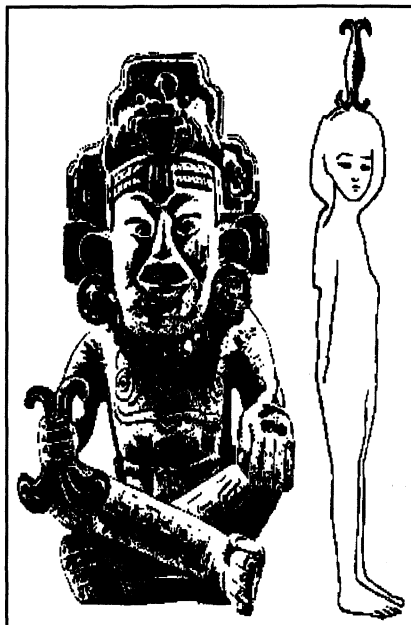
... Через девятнадцать столетий после основания Города Богов — а именно так переводится с языка науа его название — на автостоянке у шоссе сбился сотня автомобилей.

Я оторвался от толпы и начал осмотр с дворцов и музея. Пересек еще пустые в утреннюю пору дворы, внутренние галереи и комнаты без окон. Сначала без всякой мысли глазел не на архитектуру, а на то, что ее прикрывает: рисунки, рельефы, фрески и фризы. Всюду на стенах присутствовал змей, понимаемый как символ материи и земли. Снабженный перьями, он своей составной фигурой птицы-гада выражал связь земли с небом и материи с духом. Так понимаемый кецаль-коатль (кецаль — птица, коатль — змей) вещал о небесном происхождении жизни или, точнее, поскольку материя уже была слита с Землей, о происхождении духа, который ее оживил.

В тот же период, когда здесь работали индейские художники, в другой части света Христос проповедовал подобную символику. Птица — Дух Святой — голубь наполнял жизнью прах земной.

Мне предстояло отыскать современный аналог этого духа. Я нашел его в энергии, понимаемой как внешняя сила, постоянное поступление которой необходимо для поддержания жизни в живых системах. В масштабе

Символ, который держит божество из сапотекского слепа и помещен на голове богини из усыпальницы Тутанхамона.

всей Земли это лучистая энергия, непрерывным потоком изливаемая Солнцем.

Я увидел в комнате шеренгу «кецалей» с взъерошенными перьями и полк солнечных орлов, ленты, сплетенные в двойные спирали, делящиеся палочки. Изображения клеток с ядрами, палочек, изогнутых подобно посоху, наконец, Древо Жизни и Тла-локан, рай, в котором каждый человек, держа во рту палочку, изогнутую в виде вопросительного знака, радостно или же источая слезы, таким оригинальным образом вещал: «Я — хромо-сома!»

Я уже начинал понимать здешние послания. В музее я прочел то, что воистину должно изумлять: город и его символы не знали постепенного развития! Из архаических корней сразу же и в законченном виде выросла древнейшая метрополия Центральной Америки, а с нею науки, религия и искусство, преобладающие в этой стране пятнадцать столетий. Возникла система мышления, полностью ясная с самого ее зачатия, выраженная четко и логично.

В Теотиуакане — кто был его пророком, мы не знаем — эта наука, думал я, была чем-то большим, нежели просто вдохновением. Она должна была быть информированием. Наукой о явлениях, повествованием с большой степенью достоверности, а отсюда и сила убеждения, перенесенного красками на стены и резцом на камни. Это должно было быть знание прозрачное и обращенное к разуму. Какое и о чем?

Эр было пять, пять Солнц мира, четыре уже миновали, в пятой эре живут люди — учила легенда о Солнцах. Каждая эра оканчивалась катастрофой, с которой исчезала якобы одна группа живых существ.

О том, что жизнь зародилась в какой-то связи с морем, говорят прямую книгу бытия, имеющиеся у многих народов. Библия, Калевала, Пополь-Вух, папирусы. Говорят они также и о том, что Бог создавал виды не одновременно. Но ни одна так детально, так логично, в таком соответствии с современными знаниями не представляет собой классификации животного мира, как мексиканский миф о пяти великих эрах или пяти Солнцах.

Таким образом, миф о Солнцах — это изложение эволюции. Графическим же изображением ее принципов было Древо Жизни. Я стоял перед ним, перед стеной, поврежденной натекками, где выпетшие краски, извлеченные из-под развалин Теотиуакана, складывались в самую ценную, насыщенную глубочайшим смыслом и одновременно менее других оцененную фреску мира.

Но то был уже другой мир и — иной разговор.

Перевел с польского
Е. ВАЙСБРОТ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАРУС-II

...С тоит безлунная ночь. Ледяные порывы ветра проносятся над боливийским плоскогорьем Альтиплатано. Кристиан Но и Жан-Люк Вибо совершенно выжили из сил. Железнодорожный путь поднимается в гору, ветер дует в лицо, им приходится подталкивать свою конструкцию, чтобы продвигаться вперед. Желтое пятно света, который отбрасывает портативная лампа, едва высвечивает рельсы. Ощущается нехватка кислорода (высота около 4 километров), и каждое усилие дается с трудом. Колеса скрежещут и цепляются за рельсы. Одно из них, слегка скошенное, искажает направление движения: надо срочно восстанавливать его, иначе их парусник на колесах сойдет с рельсов на вираже. Наконец, мерцающие огоньки вокзала в Каламарке пробивают черный занавес горизонта. Путешественники облегченно вздыхают. Свой бивак они устраивают, расположившись около пути.

Власти столицы, узнав, что два француза прибывают к ним в город, чтобы пройти на борту невиданного сооружения от Ла-Пас до Оруро 274 километра железнодорожного пути по Альтиплатано, устроили им единственную в своем роде встречу-проводы. Путешественников приветствовали многочисленные зрители, сорок музыкантов с фанфарами, местная пресса... Они покидали Ла-Пас в отличном настроении.

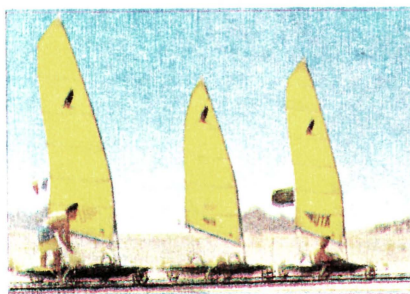
Может быть, сейчас Кристиан Но вспоминал, как шел к осуществлению своей мечты?

Он уже давно путешествовал по пустыням в повозке-платформе под парусами. Однажды в Сахаре, в дюнах между Азефалем и Нуадибу, когда ему приходилось все время останавливаться из-за проколов шин, Кристиан увидел тяжело груженный состав, тянущийся через пески в Нуадибу. И его осенила идея поставить свою повозку на рельсы. Он даже попытался сделать это, но шпалы безбожно сотрясали платформу, а рельсы повреждали шины. Тогда-то Кристиан и задумал некое гибридное сооружение — полукорабль, полупоезд, который смог бы двигаться по рельсам, используя силу ветра.

Конечно, замысел этот принял реальные очертания гораздо позже. Помогла в этом Кристиану Но, инженеру по электронике, его долгая работа на Радио Франс. Присутствуя по профессиональной необходимости на запуске ракеты «Ариан», Кристиан внимательно изучал, как транспортировалась ракета из сборочного цеха до стартовой площадки. По рельсам, конечно. Инженер-путешественник словно ждал этой подсказки... «Поезд под парусом» — так назвал Кристиан Но свое изобретение — был задуман как «классический парусник с несколькими корпусами». Корпуса-каноз, соединенные скаями-связками; сооружение дополняют две мачты, закрепленные рядом, бок о бок, два паруса по пять квадратных метров каждый и две пары колес, приспособленных к ширине колеи. Скорость 50 километров в час для такого корабля-поезда обычна.

Кристиан Но и Жан-Люк Вибо опробовали первый поезд под парусами в Мавритании. Это было удивительное зрелище: среди песчаных дюн Сахары, по рельсам, двигалась упряжка из трех парусных каноз, выстроенных одно за другим. Путешественники сделали важный вывод: корабль-поезд использует ветер гораздо эффективнее, чем повозка под парусом.

Старый корабль пустыни теперь демонтирован. Центральный вагон-корпус отправлен в

музей железных дорог в Милхаузе, два других соединены, чтобы обеспечить максимум равновесия. Первый траверс, как и должно быть, породил различные новшества. Памятуя об одной истории, которая могла бы обернуться трагедией, Кристиан совершенствует систему торможения. «В Мавритании центральный вагон ее не имел. Однажды мы выехали в дорогу очень срочно, не предупредив власти: я находился во главе нашего сооружения, Жан-Люк в хвосте, оператор — посередине. Вдруг, к нашему ужасу, впереди появился поезд, который мы не могли увидеть раньше из-за песчаного вихря. Нас разделяло не более 500 метров. Жан-Люк и я, применив экстренное торможение и задействовав систему, которая разъединяла вагоны, освободили путь — это был высший пилотаж! Но вагон с оператором, лишенный тормозов, катил прямо к смерти. Его удалось сбросить с рельсов буквально в последние секунды...»

После мавританского траверса у Кристиана Но — «более отца семейства, нежели авантюриста по натуре», по его собственному признанию, — было только одно желание: побыстрее возобновить свой опыт, но уже в другом месте. «Альтиплатано был моей самой большой мечтой. Двадцать лет назад я хотел пересечь его на платформе с классическим парусом. Место идеальное: мало деревьев, большая высота, всегда есть необходимый ветер. Возвращаясь из Сахары, я думал сначала о Перу, потому что ширина колеи там такая же, как и в Мавритании, — 1,435 метра. Но местные политические проблемы помешали осуществить эту операцию. Мы решили все-таки приспособить поезд с парусом к боливийским железнодорожным путям, гораздо более узким — всего лишь в 1 метр».

На подготовку экспедиции «Железный парус-II» ушло немало времени. У поезда с парусом теперь четыре автономных тормоза. Скользящие оси соединяют колеса и дают возможность уменьшать или увеличивать расстояние между ними соответственно ширине колеи. Чтобы ограничить вибрации и уменьшить невыносимый скрежет колес по рельсам, Кристиан приспособил систему независимых подвесок. Однако — как выяснилось уже в пути — противощупные каски приходилось надевать излишне часто.

А поиски спонсоров? А обмен посланиями с боливийской администрацией? Тонны писем, более года переписки, чтобы получить разрешение использовать железнодорожный путь, снимать и, особенно, чтобы собирать метеорологическую информацию. Наконец, очень трудная задача — обеспечить такой рейд всеми необходимыми материально-техническими средствами.

В процессе подготовки «Железный парус-II» приобретает черты настоящей научной экспе-

диции. Дата отъезда может быть определена только в зависимости от скорости и силы ветра: его надо иметь достаточно, но не слишком много. Кристиан Но может сегодня похвалить себя за то, что стал непревзойденным специалистом в области южноамериканской аэрологии. К счастью, он обожает эту науку. Охотиться за Эолом — его страсть... Придирчиво изучив все климатические атласы, от хранящихся в архивах ЮНЕСКО до составленных местными наблюдателями, Кристиан разработал подробный календарь, изучил режим ветров в зависимости от времени суток, выбрал соответствующий маршрут, рассчитал благоприятные дни. От него, кажется, не ускользнуло ни малейшего дуновения боливийского ветерка...

И вот они в пути. Они толкали свой поезд в самом начале пути и во время подъема. Они пережили полный дрейф днем и резкие порывы встречного ветра ночью. В критических случаях Кристиан и Жан-Люк всем своим весом давили на колеса, чтобы предельно плотно прижать их к рельсам: при сильном ветре и высокой скорости мог произойти внезапный крен — при этом колесо могло чуть-чуть приподняться — и тогда сход с рельсов обеспечен!

Кроме того, надо было пропускать составы. «Сначала боливийцы думали, что наше сооружение, один раз поставленное на рельсы, будет несъемным. Когда мы выехали, они полностью заблокировали движение на три часа». Это воспоминание умиляло Кристиана и помогало в дальнейшем каждый раз терпеливо складывать багаж, освобождать путь и ждать на насыпи, надеясь, что ветер за это время не исчезнет.

И еще один тяжелый момент. Железнодорожный путь пересекает пампу, которая после наводнения становится практически непроходимой. Руководство местных железнодорожных линий поспешило сделать на одном участке объезд... через холмы, со встречным ветром, на большой высоте.

Поезд с парусом неизменно привлекал симпатии боливийцев и возбуждал их любознательность. Несмотря на крайнюю бедность, которая царит в деревнях, жители спешили предложить путешественникам кто бутылку воды, кто пирожок с мясом. А индейцы предлагали им восстановить силы и дух священными листьями коки.

Физический рейд был изнурительным. Горная болезнь измучила Кристиана и Жан-Люка; бессонница, головная боль, дрожание пальцев и трудности с дыханием не уменьшались до конца путешествия.

После восьми часов дьявольского ветра, песчаных бурь, пьянящей скорости и производимого ею ужасного шума Кристиан и Жан-Люк прибыли наконец под гром аплодисментов на главный вокзал Оруро.

Итог экспедиции более чем положительный. Забыты технические, физические и административные проблемы. Кристиан Но хранит в памяти только упоение ветром, который свистит в парусах, холмы в свете заходящего солнца, стаи розовых фламинго на озерах, маленькие деревушки с глиняными домиками, гостеприимных индейцев аймара, флегматичных лам и волшебные пейзажи горных цепей в Андах. Но вступившему раз на тропу неизведанного остановиться трудно. Тем более что на земле так много мест, где ветер может дуть в паруса...

По материалам журнала «Grands reportages» подготовила Л. ЧЕШКОВА

НЕ В РОГЕ СЧАСТЬЕ

В чем главная беда носорога? В его роге, мощном, перпендикулярно стоящем на носу оружии, за которое он и получил свое имя.

И с этим именем всячески напасти. К сожалению, жители восточных (и дальние- и ближние-) стран свято верят в целебные качества порошка из этого рога, особенно в той части, что столь необходима пожилым нефтяникам, владеющим гаремом.

И бьют африканские браконьеры бедного носорога, истребляют толстокожего, рог спливают, а тело гниет да шкурам оставляют. (Шкура его тоже куда как хороша —

и прочна, и красива, но где ж ее сдирать-то? Охотничьи инспектора везде, да и вывозить тяжело.)

Администрация заповедников в Зимбабве пошла другим путем. Носорогов отлавливают, усыпляют, спливают рог — и пускают назад, на волю. Носорог он и без рога носорог, с голоду не пропадет. А рог постепенно отрастает — по несколько сантиметром в год. Браконьеры же, увидев без (носо)рогое животное, изрыгают проклятия, расходятся по хижинам не солоно хлебавши. Так им и надо!

А кому нужен рог, купит его в государственном магазине по твердой цене. И, может быть, этот честно добытый рог поможет гораздо больше.

АСТРОЛОГ — БЕЗДЕЛЬНИК

Антония Бономи, долгие годы составлявшая астрологические прогнозы на итальянском радио, почувствовала себя уставшей от работы. Она подала заявление об увольнении, и ее просьба была удовлетворена. Но — выяснилось, что увольнять ее нельзя, как нельзя было принимать на работу. Это заключение юристов. По их мнению, астрология не есть профессия. Следовательно, люди, ею занимающиеся, не подлежат юрисдикции государственных правовых актов. В том числе акта о приеме на работу и акта об увольнении. И, увы, акта о пенсии для госслужащих...

ВСЕ ПО КРУГУ

Веками город наступал на деревню и, разрастаясь, поглощал пастбища, поля и фермы. Кажется, началось обратное движение...

Пока не у нас. 15 лет назад два гектара земли в центре английского города Бристоль были пустырем, заваленным хламом. Жили тут и, увы, плодились, крысы. Город продал пустырь недорого, людям, обязавшимся привести его в порядок. Они привели и устроили отличную ферму: хлев для коров, свинарник, сотни кур, уток, гусей и другой птицы. Первопоселенцем был осел: именно его трудолюбие позволило навести порядок. (С помощью пары грузовиков, правда, и бульдозера.) Процесс пошел, и сегодня ферма процветает. По ее примеру основали в Англии еще несколько ферм. Глядишь, и вместо загнанных тесных городов зашумят поля, и пахарь за плугом станет распевать народные песни. А там, лет через двести, появятся первые города (см. начало заметки).

ТОЛЬКО КОЛИБРИ!

Эчоа — одно из цветковых растений, произрастающее в Андах, представляет собой редкий пример эволюции. С постепенным продвижением цветка вверх по склонам гор, в места, где уже почти нет насекомых, у него в конце концов остался лишь один опылитель — серпоклювый колибри, птичка крошечная и безгранично красивая. Другие колибри, однако, несерпоклювые, не в состоянии были проникнуть в глубь цветка. А серпоклювые — мало, значит, не все цветы будут опылены. Другой бы зачих, но цветок эчоа взял на вооружение эволюцию. Он изменил свою форму, имевшую вид французского рожка, на форму трубы, что позволяет теперь проникать в него и клювам других колибри. Вот вам и «неживая природа»! А почему же такая умная?

ТИШЕ ЕДЕШЬ — БОЛЬШЕ ОЛЕНЕЙ

...останется в живых. К такому заключению пришли власти американского штата Флорида. По настоянию Национальной федерации по охране живой природы США они снизили предельную скорость движения автомашин в ночное время с 45 до 35 миль/час на шоссе, которое проходит через основную территорию обитания местных оленей на Отмели Большой Сосны. Каждый год под колесами машин их гибнет больше, чем рождается, причем половина погибает на шоссе № 1. Именно там и введено теперь новое ограничение.

Пусть будет больше оленей, а автомобилисты как-нибудь выкрутятся.

У БАВАРСКИХ СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ...

В трудной ситуации оказалась немецкая княгиня Турн-и-Таксис: чем платить налоги? Наследница владельцев еще не так давно самостоятельного, но крохотного княжества размышляла недолго. И предложила фининспекторам коллекцию, которую веками собирали ее бережливые предки. Слухи об этом взбудоражили баварских ценителей искусства (а именно баварскому правительству подчинено бывшее княжество): коллекция — национальное достояние. Дошло до правительства, и был достигнут компромисс. Княжеская коллекция будет сохранена в целости в фамильном замке возле Регенсбурга. Тут будет открыт государственный музей. Таким образом, коллекция не разлетится по свету. Но мюнхенские власти отказались принять, к примеру, золотые шкапулки, принадлежавшие когда-то Фридриху Великому, королю Пруссии. Прусские ценности — не баварские! Пусть ими занимается бывшая ГДР. Или — как ее там — Новые земли. Одним словом, не Бавария...

О ПОЛЬЗЕ ДРОЖЖЕЙ

До сих пор дрожжками интересовались пекари и домохозяйки, да еще самогонщики. Американский генетик Джеральд Финк обнаружил в клетках дрожжей мутации, сходные с теми, что приводят к тяжелым заболеваниям человеческого мозга, а потому дрожжи могут

служить идеальной моделью для изучения человеческого организма. Сейчас за дрожжи взялись биологи и медики других специальностей. В общем, интерес к дрожжам растет, как на дрожжах...

САМЫЕ-САМЫЕ

...большие в мире песочные часы сделаны в Германии. Их высота пять метров, диаметр — один метр, вес — одна тонна. Часы содержат 640 миллионов песчинок, которые перемещаются из верхней части часов в нижнюю через отверстие диаметром 0,9 миллиметра за 365 суток. Посмотрев на них, вы точно определите: год кончился. Это очень полезно. Если у вас нет других средств узнать это...

ВМЕСТО ДРОВ

Простые солнечные печи, которые очень нетрудно изготовить жителям даже самых развивающихся стран, могут снизить скорость уничтожения лесов. Эти печи — изолированные деревянные ящики. Температура в них при жарком солнце может достигать 178 градусов по Цельсию. Во многих деревнях Центральной Америки ими пользуются почти ежедневно. Местные жители очень быстро привыкли к этим печам, сноровисто пользуются ими, но были бы еще довольнее, если бы ученые, кроме плиты без топлива, изобрели еще кастрюлю, которая сама собой заполнялась бы едой...

АМЕРИКАНСКИЙ ТУРОК

Первые английские колонисты, отправившиеся осваивать Америку, среди прочих домашних животных везли с собой и индейку. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что этих птиц полным-полно в местных лесах. В свое время вместе с золотом, серебром и драгоценными камнями из Америки в Испанию послали и индейку. Было это в XVI веке. А через 150 лет их уже разводили в большинстве европейских стран. Но хоть бы кто знал, откуда к ним попали эти птицы! Англичане, например, полагали, что их родина находится где-то в Турции. Отсюда и назвали ее «турки». Когда же в Америке выяснилось, что индейки — коренные обитатели Нового Света, имя менять им было поздно. Так и остались «американскими турами». Или «турецкими американцами»?

ПОД ДУБОМ ВЕКОВЫМ

Знаете ли вы, что было время, когда люди составляли значительную часть пищевого рациона людей? В Европе до средних веков они были одним из основных продуктов питания. Причем не только на столах простолюдинов, но и знати. Правда, в пищу употребляли не всякие желуды, а только с дуба, имевшего закругленную форму листьев. Европейцы и до сих пор какое-то количество желудей используют в рационе, а вот американцы их уже не употребляют. Об этом очень сожалел известный специалист по растительной пище Эйлл Гиббонс. В одной из своих книг он писал: «За время своего существования человечество употребило в пищу желудей на много миллионов тонн больше, чем хлебных злаков. Очень жаль, что пища, вскормившая род людской на ранней стадии его развития, теперь всюду забыта и презираема». Ах, «если б вверх могла поднять ты рыло», писал дедушка Крылов. Заменяв «рыло» на «лицо» и обращаясь к людям, скажем: ешьте желуды! Они очень полезны и вкусны. И пока дешевые...

СТАТИСТИКА ЗНАЕТ ВСЕ

А уж немецкая — в особенности. И трудолюбивые ученые определили, что наибольшее неудовольствие у жен в немецких семьях вызывает привычка мужей повсюду разбрасывать свои носки. А мужей особенно раздражает невозможность попасть утром в ванную, где женщина делает макияж. Таким образом, внедрение в быт корзинки для грязных носок укрепит семью. Семья же с двумя ванными несокрушима...

РЕКЛАМУ — В КОСМОС!

В американском штате Джорджия есть компания «Спейс Маркетинг», специализирующаяся на том, как поместить заказанную ей рекламу выше. Недавно она откупила у Национального управления по авиации и исследованию космоса бок одной из ракет, подготовленных к запуску, и изобразила на нем портрет Арнольда Шварценеггера во всей его красе героя очередного фильма с мордобитием...

Новая идея! Компания задумала использовать в своих целях космическую платформу, которую предстоит запустить в 1996 г. для изучения озонового слоя. «Спейс Маркетинг» намерена поместить на платформе, рядом с научными приборами, надувную «доску для объявлений», а на ней, естественно, фирменные знаки и названия компаний, тексты, восхваляющие их продукцию, и тому подобную крайне необходимую в космосе информацию.

Стоит солнечным лучам коснуться поверхности «доски», и на ней засветится отражающая свет реклама, видимая одновременно миллиардам людей.

Все это не так уж невинно, как может показаться. Недаром американские астрономы, защитники природной среды и активисты движения в защиту покупателя, объединились в протесте. Оно исказит вид привычного для всех небосвода. Известный космолог Карл Саган публично назвал этот план омерзительным.

Предпримчивые рекламщики оправдываются: мол, их текст будет виден в каждые сутки лишь неподалу, а через несколько месяцев платформа вообще войдет в плотные слои и сгорит, — ведь орбита у нее довольно низкая. Звездочеты непреклонны — стоит раз с этим примириться, и реклама будет взлетать на все более высокие орбиты и застилать нам все небо. Обеспокоенная компания пошла на попятный. Она готова заменить девиз и призывы к покупателю на дружественную экологам зеленую точку, созвучную стремлениям защитников озонового слоя. Но все-таки рядом с нею — скромная реклама. Противников они не убедили — долой рекламу из космоса! Ну что ж. Поживем — увидим. Может быть, увы, и на небосводе...

ГРОБНИЦА КАИАФЫ?

Рабочие, копавшие траншеи для устройства водного парка в Иерусалиме, обнаружили пещеру. А в ней красивейшую гробницу, высеченную из известняка. Было выдвинуто предположение, что лежащие в ней останки принадлежат первосвященнику, иудейскому Каиафу, который, по Библии, приговорил Христа к смерти и отдал на суд Понтию Пилату.

Однако израильский археолог Цви Гринхат, который обследовал пещеру и все ее 12 гробниц, сомневается в этом. «Найденные кости могут принадлежать как самому первосвященнику, так и его отцу или деду, — говорит он. — Но в чем у нас нет сомнений, так это в том, что останки эти действительно принадлежат их семье».

В родовых пещерах хоронили их поколения в поколение усопших знатные еврейские семьи до самой первой половины I в. н.э. — времени, известного под названием периода Второго Храма. В надписях на иврите, сделанных на надгробии, встречается имя «Кафа» — арамейское звучание Каиафы. Найденные гробницы — настоящие произведения искусства — содержат останки шести человек. Среди них кости мужнины лет 60 — столько же было и библейскому первосвященнику.

НЕ ТОЛЬКО ПРЕДКИ

для нас обезьяны. Кажется, они могут нас научить многим полезным вещам.

До сих пор специалисты считали, что гориллы и шимпанзе враждуют между собой. Уж больно они не похожи друг на друга. Прямо, как два этноса на одной территории...

Доктор Сигур Сузуки из университета в Киото и руководимая им экспедиция изучали обезьян в заповеднике Нюки в Заире.

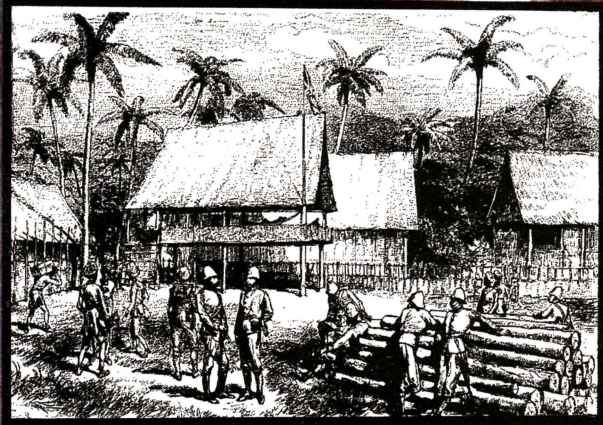
Японские ученые приблизились метров на десять к семье горилл, состоявшей из четырех особей. Гориллы, как водится, принялись отпугивать людей, барабаня себя в грудь.

В тот же момент появились девять шимпанзе, огласивших воздух громкими негодующими криками. Японцы вежливо зашипили, ретировались и стали наблюдать издали, используя превосходную оптику отечественного производства. Оказалось, что обе группы мирно паслись на одних и тех же фиговых деревьях и отнюдь не соперничали и не дрались за пищу.

Дальнейшие наблюдения показали, что это вовсе не исключение в жизни человекообразных во влажных тропических лесах Африки. Местные жители подтвердили, что часто видят шимпанзе и горилл, мирно живущих бок о бок. Людям бы так...

Раздел ведет Л.МИНЦ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

МАЛИГАН И КАРДИЛА

Повесть

Глава 5

То, что произошло в следующее мгновение, никак не входило в его планы. Ани, путаясь в длинном саронге, бросилась в сторону джунглей. Через несколько метров она упала. Бежавшая следом Кардила споткнулась и повалилась на нее. Они закричали одновременно, оглушая друг друга. Крик их внезапно оборвался: на тропе, ведущей к озеру, показалась Иса.

— Она следила за нами! — воскликнула Ани. — Надо быстрее спрятать его.

Они вернулись к Василию. Кардила взяла его за одну руку, Ани — за другую, и они потащили Василия к расщелине в скале.

— Тяжелый, как бабируса, — переводя дыхание, заметила Ани.

— Он, пожалуй, тяжелее старого буйи*, — уточнила Кардила.

... Василий лежал у входа в пещеру и пытался заснуть. Лунный свет, казалось, караулил его бессонницу. Все вокруг приобрело неясные очертания, и он торопил рассвет, чтобы избавиться от недобрых предчувствий. Неподалеку росло безлистное дерево. «Пентас», — узнал он. На его ветвях покачивались какие-то черные комочки. Василий смахнул пот, заливавший глаза, и стал внимательно разглядывать их. Оказалось, это висели вниз головой калонги, спрятавшиеся под своими блестящими кожистыми крыльями. Но стоило только Василию вздохнуть громче обычного, и калонги, слышав подозрительный шум, расправили с сухим треском свои крылья и, словно черные вестники несчастья, поднялись в воздух, испуская пронзительные крики.

К утру он ненадолго забылся. Ему виделась хрупкая девушка, которую он так испугал своим видом, и хотелось утешить ее, защитить. Слабый крик, похожий на вздох, разбудил его. В нескольких метрах от него стояла та самая девушка, а двое мужчин связывали ей руки. Василий не успел подняться, как кто-то сзади накинул на шею крепкую лиану. Его связали и за ноги выволокли из пещеры.

Кардиду вели первой, следом тащили Василия, его затылок больно колотился о землю, и сознание металось, как загнанный зверь. Небольшой острый камень с силой вонзился в шею, и боль уже не властвовала над разумом — сознание его погасло.

Воины острыми пиками торопили Кардиду, и она не могла посмотреть назад. «Что с Ани? — беспокоило ее больше всего. — Наверняка Иса выследила нас и успела вызвать воинов пак-пак. Теперь меня вновь ждет встреча с Сирегаром».

Они приближались к жилищу Амо с Исой, откуда доносился непонятный шум. Вход в него был закрыт циновкой. Кардила замедлила шаг, но грубый окрик воина пак-пак заставил пойти быстрее. Поравнявшись с хижиной, она была остановлена криком Ани: «Кардила! Я здесь! Они не выпускают меня. Эта дрянь, Иса...»

Голос оборвался, и послышались проклятия Исы.

«Благословенные боги! Ани жива!» — обрадовалась Кардила, и это придало ей силы идти дальше. На подступах к селению пак-пак она быстро оглянулась. Вид огромного человека заставил ее содрогнуться — на этот раз не от страха, а

от жалости. Его лицо плотно облепили огромные черные мухи, и оно походило на безобразную шевелящуюся маску. Воины с остервенением волокли пленника, устав от тяжелой ноши. Как только показались первые жители селения, они приказали им тащить его к сопо, а сами поспешили к радже Сирегару.

Раджа с утра сгорал от нетерпения увидеть все еще желанную девчонку, а заодно и поглядеть на диковинную добычу. Много лет назад Сирегар купил у соседнего племени голову странного человека — волосы у него были такие же огненные, как у детенышей орангутанга, а кожа белая, как цветок чемпак*. Скальп с мертвой головы хранился в сопо, и раджа очень гордился им. Единственное, о чем он все время сожалел, — не увидел всего человека-чудовище. Сегодня боги решили одарить Сирегара, и, наконец, он сможет долго, очень долго разглядывать оранга путих и только потом прикажет снять с него скальп.

Все селение сбегалось на площадь перед сопо.

Сирегар пришел раньше, не выждав положенное время. Взгляд его только коснулся Кардиды, и горячая волна радостного возбуждения стремительно погнала кровь. Сдерживая любопытство, он степенно подходил к огромному человеку, и за несколько шагов до него что-то быстро скомандовал воинам. Через минуту-другую четверо из них тащили тяжелый чан, до краев наполненный водой. Одной тяжелой волной они окатили Василия, и он очнулся, почувствовав во рту вкус ржавчины и прогорклого свиного жира. С трудом расцепив веки, опухшие от ударов и назойливых мух, он увидел склонившееся над ним одутловатое надменное лицо. Любопытство Сирегара сменилось откровенным смятением, когда пленник открыл глаза.

«Чудовище стоило того, чтобы его увидеть!» — восхищенно подумал он.

Люди племени возбужденно переговаривались, рассматривая издалека оранга путих. Женщины прижимали ладони ко рту, чтобы не закричать.

По мере того, как насыщалось всеобщее любопытство, чуткое ухо Сирегара уловило негромкие разговоры.

— Жаль, что ни один из сыновей Сирегара сегодня не станет мужчиной.

— Конечно, ведь не заговорит же этот огромный бабируса на нашем языке.

— Значит, скоро будет война.

— Успеть бы собрать урожай.

Рядом с раджей как обычно стоял верный доносчик Абиб.

Он слышал недозволенные разговоры и угодливо заверил раджу:

— Сегодня же я посчитаю долги этих болтунов, чтобы укоротить их языки.

В знак одобрения Сирегар слегка кивнул головой и пошел к огромному резному креслу, возвышавшемуся перед сопо. Разговоры стихли, все ждали его слова.

Василий окончательно пришел в себя и насторожился. Через несколько минут должно произойти самое главное. Толстый малаец — видимо, местный раджа — вынесет приговор, который не имеет обратной силы, и тогда ничто его не спасет. Надо было опередить вождя племени, и, набрав в легкие побольше воздуха, Василий изо всех сил выкрикнул по-малайски: «Добрый день, раджа. Я хочу говорить с тобой».

Сирегар вздрогнул. Давно он не испытывал такого сладостного ужаса, когда страшно не от того, что твоя жизнь в опасности, а от неожиданной встречи с тайной, внезапно открывшейся тебе.

* Б у а й я — крокодил.

Продолжение. Начало в № 7,8/93.

* Ч е м п а к — разновидность магнолии.

Он осторожно, как к ожившему покойнику, стал подходить к Василию.

Люди племени застыли, оглушенные происходящим. Сирегар уже готов был кричать от радости. Судьба приготовила ему бесценный подарок. Огромный человек, мужчина, может говорить на их языке. Значит, узнав его имя и сняв с него скальп, один из сыновей Сирегара станет воином и будет навеки защищен от злых духов.

Но раджа не спешил. Он прожил долгую жизнь и многое познал в ней. Сирегар не хотел лишать себя удовольствия узнать еще больше. Он решил сначала расспросить пленника обо всем, что тот знает, и лишь потом услышать его имя, подарив взамен смерть без мучений. Возможно, пленник знает какие-то неведомые радже любовные игры, вызывающие страсть. Он желал поскорее узнать об этом и поспешил объявить: «Кардила недостойна быть моей наложницей. Я отдаю ее в жены орангу путих на три дня. А потом мы устроим большую песту* и снимем с него скальп».

Кардилу тотчас увели, чтобы приготовить к брачной ночи.

А с Василия здесь же, на площади, сорвали грязную одежду, превратившуюся в лохмотья, и, ничуть не церемонясь, попросту швырнули в чан с водой, наполненный пахучими травами. Впервые за долгие месяцы скитаний по джунглям он испытал ни с чем не сравнимое блаженство. Силы возвращались к нему, и возвращалась надежда на побег. Мечты Василия оборвал грубый окрик воина, заставивший его оставить благодательную ванну. Те из жителей селения, кому выпала грязная работа — готовить пленника к брачной ночи, с удивлением рассматривали статное сильное тело. Они одели оранга путих в нарядную батиковую одежду и повели в хижину для новобрачных.

... Тусклый свет пробивался сквозь просветы в стенах, и Василий мог рассмотреть небогатую обстановку: посреди хижины лежала красивая циновка и расписное покрывало из батика, рядом стоял высокий глиняный кувшин, а в небольшой плетеной корзине — немного фруктов. Он взял кувшин и сделал несколько глотков. Пальмовое вино обожгло голодный желудок, но оживило силы. Не успел Василий осмотреть все вокруг, как в хижину втолкнули Кардилу. Ее черные глаза смотрели на него со страхом. Постепенно выражение их менялось. Перед ней стоял другой, преображенный пленник — молодой, статный, с трогательным, бесхитростным выражением непривычно светлых глаз.

Василий не отрывал от нее взгляда. В своей жизни он встречал немало женщин, но ни одна из них не вызвала в нем такого сильного волнения. Чем дольше он смотрел на Кардилу, тем тяжелее становились ее предчувствия. «Наверное, он хочет, чтобы я первая пришла к нему. Дикий обычай!» — подумала она, с отвращением вздрогнув, но не двинулась с места.

У тайного «глаза» застыл, замороженный, раджа.

Минуты слились для Кардилы в одно бесконечно тягостное ожидание. Ничего не подозревая, Василий отпил еще немного пальмового вина, и с виноватой улыбкой протянул ей кувшин.

«Дикарь! — возмутилась она. — Уже считает меня своей женой». Как в беспаматстве, она сбросила с себя саронг и крепко зажмурилась. «Лучше мучения, чем неизвестность», — решила Кардила.

Василий никак не ожидал подобного. «Я для нее варвар, — с болью подумал он. — Пожалуй, она заставит меня пожелать, что я еще не стал им».

Руки не слушались его, когда он поднимал саронг Кардилы и неловкими движениями пытался прикрыть ее. Пальцы почувствовали дрожь, колотившую девушку, и жалость, как внезапный удар хлыста, убила желание. Василий отнес девушку на циновку, бережно укрыл саронгом. Она так и не разжала глаз и, замерев, ждала. Взяв кувшин и немного фруктов, он отошел в дальний угол хижины.

«Сумасшедший!» — с восторгом воскликнул про себя Сирегар. Он готов был вернуться к ним, но его остановило странное выражение, исказившее лицо оранга путих. Не страсть, а страдание читалось на нем. Дикое, неразумное

поведение пленника невероятно восхитило раджу и еще больше усилило интерес к нему.

В углу хижины, мрачно и сосредоточенно, Василий допивал кувшин с вином. На смену безразличию пришла жалость к себе, затем тихое негодование. Он выкрикнул несколько раз на малайском языке: «Дикари! Райская страна, населенная дикарями!»

Кардила отчетливо расслышала и поняла, о чем говорит огромный человек. От удивления она открыла глаза и немного приподнялась, чтобы получше рассмотреть его. Сидя к ней спиной, он что-то яростно шептал на уже непонятном ей языке. Одно настроение сменялось у него другим с невероятной быстротой, и по мере того, как исчезало содержимое кувшина, заметно улучшалось. Все энергичней мотал он головой и бормотал какие-то неразборчивые слова.

Неожиданно у него получилось странное подобие мотива. Вне себя от радости, раскачиваясь, как маятник, он встал и уперся руками в стены хижины. От изумления Кардила привстала, и это еще сильнее взбудило Василия, нашедшего слушателя. Лихая матросская песня привела его в восторг. При этом он громко хлопал в ладоши, подбрасывая ноги в разные стороны, и вопил во всю мощь легких. Кардила закрыла уши и, не в силах больше сдерживаться, громко засмеялась.

Раджа, изумленный не меньше ее, не знал, как дожидаться утра, чтобы дикарь повторил все это для него еще раз.

Когда первые лучи солнца прокрались в хижину, Василий с трудом открыл глаза. В стороне, завернувшись в саронг, спала Кардила. Неяркий свет играл в ее густых коротких волосах, высветивал прекрасное лицо.

«Зачем я здесь, в этой адски душной стране? — спрашивал себя Василий, перебарывая усиливающуюся головную боль. — Чтобы понять их варварские обычаи, надо забыть обо всем, что окружало тебя прежде, или сойти с ума».

Глядя на Кардилу, он с болью подумал: «Зачем такое совершенство дано первобытному, коварному созданию?!» Василий смотрел на нее так долго, что доводы разума смолкали, а сердце билось с невероятной силой, огульная его.

Сквозь полуприкрытые веки Кардила наблюдала за ним. «Какой позор иметь такое глупое лицо, где все читается без слов?! — с осуждением подумала она. — Вот уж поистине проклятые боги — родиться таким дикарем! Но он мне необходим, чтобы спасти наш род. Разве настоящий воин может так откровенно смотреть на женщину?! Он никогда не унизит себя этим!» — убеждала она себя, но не торопилась прерывать этот бесцеремонный, полный восхищения взгляд.

По тому, как дрогнули ее ресницы, Василий понял, что Кардила не спит, и быстро отвернулся в другую сторону. «Надо поскорее выбираться отсюда. Но без нее мне дорогу не найти, так что придется как-то договориваться». Чтобы привлечь внимание девушки, он негромко кашлянул, и она сразу открыла глаза.

— Не бойся, — прошептал он. — Как тебя зовут?

— Кардила.

— А меня — Ма...

— Нет, — решительно прервала его девушка. — Ты не должен говорить свое имя. Если Сирегар его узнает, то сегодня же убьет тебя, чтобы его сын стал воином.

— Надо бежать, — тихо сказал Василий.

— Да, — неуверенно согласилась Кардила.

— Как? Ты знаешь, как? — громче спросил он.

Наступила долгая пауза, и наконец Кардила сказала:

— Три дня к нам никто не войдет — таков обычай. Один раз в день принесут воду и еду. Мы должны сидеть вместе, закрывшись с головой этим покрывалом. Ты понял?

— Понял. Но зачем?

— Такой обычай, надо сидеть рядом, — терпеливо повторила она. — За эти дни мы все решим.

Василию хотелось о многом расспросить ее, но он видел скрытый испуг и недоверие к нему. Больше всего его беспокоило предчувствие, что у нее, судя по всему, есть какой-то свой, тайный замысел.

— Кардила, — не выдержал Василий, — ты тоже как они?!

В замешательстве она разглядывала его, не понимая, о чем хочет узнать оранг путих.

— Ты как раджа? — переспросил Василий.

* Праздник, торжество.

— Да,— подтвердила Кардила.— Была.

Глаза огромного человека выражали смятение и ужас, и в который раз Кардила отметила про себя: «До чего же трудно говорить с дикарем!»

— Мой отец был раджа, но из другого племени. Он был врагом Сирегара. Понимаешь?

— Господи! — обрадовался Василий и вскопчил со своего места, но, увидев испуг на ее лице, с неохотой отошел назад.— Значит, ты не людоедка?! — выпалил он и сам подивился глупости своего вопроса, но было поздно.

Не скрывая презрения, она отвернулась от него.

— Извини, я не хотел тебя обидеть,— поспешил заверить Василий.— Я не понял тебя сразу.

Они замолчали и вскоре услышали проснувшееся селение. Заплакали дети, женщины энергично стучали посудой, мужчины что-то оживленно обсуждали.

Резкий, отрывистый звук, похожий на внезапный хлопок, раздался совсем рядом с хижиной. Кардила моментально вскочила, схватила батиковое покрывало и села на циновку.

— Быстрее, чего ты ждешь?! — воскликнула она.— Скорее иди сюда. Садись рядом, я уже объясняла тебе.

Василий в доли секунды очутился рядом с ней, но так неловко опустился на циновку, что чуть не придавил девушку. Только сейчас он по-настоящему разглядел, какой маленькой и хрупкой она была по сравнению с ним. Кардила ловко взмахнула покрывалом, накрыв их обоих с головой. В этом простом жесте его вновь поразило редкое изящество, которое дается только природой. От нее исходил тонкий пряный аромат, и у Василия закружилась голова. Кардила боялась шевельнуться. Сила, исходившая от оранга путих, завораживала ее.

В хижину бесцеремонно вошел воин, принесший еду, и с интересом разглядывал огромные ноги Василия, торчавшие из-под покрывала. Ему хотелось увидеть как можно больше и поскорее рассказать об увиденном в селении. Воин долго топтался у двери, несколько раз переставлял кувшины и, наконец, огорченный, вышел из хижины.

Сирегар, давно наблюдавший за пленником, начал нервничать. «Чего он медлит?! — злился раджа.— Да и Кардила ведет себя странно. Неужели девчонка ответит на желание оранга путих?!»

Обесилевший Сирегар передал пост Абибу, наказав строго-настроено разбудить его немедленно, если случится непредвиденное. Объяснять смышленому слуге — что именно, не было нужды.

Мысли о кувшинах с вином, принесенных слугой, беспокоили Кардилу. «Сирегар задумал напоить оранга путих, чтобы тот бросился на меня, как дикий зверь! Раджа способен на любую подлость!» Она неслышно поднялась, подошла к кувшинам и еле заметным движением наклонила их в сторону двери. Бурая жидкость потекла из хижины.

«Зачем?! — с грустью подумал Василий и тихо вздохнул.— Наверное, всему виной моя дурацкая песня».

Кардила подошла к Василию и, слегка дотронувшись до его плеча, прошептала:

— Надо бежать завтра ночью.

— Как?

— У меня есть паранг.

— Паранг? Откуда?!

— Когда меня одевали, одна женщина дала его мне. Она из нашего племени. Много лун назад ее украли воины пакпак, потому что Сирегар пожелал иметь еще одну красивую наложницу. Она ненавидит это племя.

— Где паранг?

— Вот! — Кардила вынула его из своего саронга.— Я покажу тебе, как неслышно открыть дверь, и мы убежим.

— Куда? — недоверчиво спросил Василий.

— Сначала в джунгли, а потом я скажу тебе. Ты боишься?! — резко спросила она, заметив его колебания.

— Нет, но вокруг много воинов. Раджа приказал следить за нами. Как же мы уйдем от них?!

— Да,— согласилась Кардила, отметив сообразительность оранга путих.— Трудно, очень трудно, но ты — сильный, а около хижины не больше пяти воинов. Они намного слабее тебя и не знают о паранге. Главное — добежать до тропы, а там я знаю место, где нас никогда не найдут.

От радости Абиб готов был подпрыгивать на месте. Душа его ликовала. Он представлял себе, как прекрасная

наложница Сирегара будет целовать его ноги и умолять ничего не рассказывать радже о паранге. Ему виделась надменная Кардила, которая станет извиваться в его объятиях, но он грубо, силой овладеет ею. Один раз, но как! Он все-таки перехитрит Сирегара.

К рассвету ноги у Абиба совершенно онемели, но даже боль сейчас воспринималась как неизбежная жертва перед великим блаженством.

В полумраке наступающего рассвета Василию казалось, что к нему приближается призрак. Завернутая почти с головой в длинный саронг, Кардила медленно подходила к нему. Она остановилась совсем рядом, и он почувствовал ее тихое дыхание.

— Бежим сейчас,— выдохнула она.

— Но ты же...

— Нет! — решительно прервала Кардила.— Здесь и у стен наверняка есть уши. Бежим! Или ты раздумал?!

— Нет, нет! — Василий быстро поднялся с пола.

Абиб, уставший от долгого стояния и одурманенный сладостными мечтами, не расслышал слов Кардилы. Дверь хижины внезапно распахнулась, и пленники выскочили из нее, как два резвых канчила*.

«Как это?! Почему?!» — не верил Абиб своим глазам. От страха ноги подкосились, горло одеревенело.

На пути Василия встали два воина и в замешательстве смотрели на него. Не теряя времени, он стремительно схватил их за руки и столкнул лбами с такой силой, что они отлетели друг от друга, как два пустых кокоса. Третий воин, расположившийся у пальмы, крепко спал. Василий с Кардилой осторожно обошли его стороной, не потревожив сладкий сон. В конце селения двое воинов о чем-то отчаянно спорили и не сразу заметили пленников. Когда они схватились за паранги, Василий успел нанести им несколько сильных ударов, от которых они не смогли подняться. С изумлением наблюдала Кардила за действиями оранга путих. От такого огромного и неповоротливого мужчины она никак не ожидала поистине воинского умения. Ее удивило, что даже дыхание у него не сбилось.

— Шевелитесь, паразиты, быстрее! — совсем рядом раздался голос раджи.

— Сирегар! — замерла она.

— Они не ушли далеко! Если вы не поймаете их, я устрою вам, бездельники, такие мучения, что вы проклянете своих предков, подаривших вам жизнь! — визжал Сирегар и злобно топал ногами.— Все вы будете сидеть в яме с рыжими муравьями, попробуйте только упустить их!

— Скорее, к болоту,— шепнула Кардила и побежала первой, показывая дорогу.

Через несколько метров их остановили громкие крики, доносившиеся со стороны селения.

— Поймали! Великий раджа! Поймали!

В недоумении они остановились.

— Кричите громче, чтобы услышала глупая девчонка! — радостно вопил раджа.— Кардила! Тебя ждет Ани! Ты слышишь?! Вернись, иначе мы будем долго мучить ее и потом бросим на съедение шакалам!

«Ани?! Зачем она здесь?!» — никак не могла сообразить Кардила. Прошлое застало ее врасплох. «Она пришла спасти меня! Отважная Ани пришла к людоедам, чтобы в который раз спасти меня! Значит, она все время была неподалеку и в самый опасный момент отвлекла воинов на себя!» Василий не все понял, о чем шептала девушка, но одно было ясно: она твердо решила вернуться.

— Нет! — решительно сказал он и крепко взял ее за руку.—

Возвращаться нельзя. Они убьют Ани, тебя и меня.

Кардила рванулась в сторону селения, и пришлось вновь удерживать ее.

— На, бери паранг,— приказал Василий резким тоном.— Убей меня. Я не хочу мучений. Без тебя мне не найти дорогу. Лучше ты убей меня здесь, чем пытки там.

Сомнения раздирали ей душу: не в силах предать Ани, она не могла и убить оранга путих. Ее возвращение вряд ли спасет Ани, но не попытаться спасти единственно близкого тебе человека, — так не поступали даже рабы в ее племени.

* Канчил — олень.

— Убегай дальше, Кардила! Убегай! Заклина! — голос Ани внезапно оборвался, и Кардила вырвалась из рук Василия с такой яростью, что все девичьи браслеты остались в его ладонях.

На одном дыхании бежала она обратно, и лишь у самого селения Василию удалось схватить ее.

Он подхватил девушку на руки и бросился в терновник. В густых кустах Василий почувствовал, как погружается в мягкий ил. Там оказалось болото.

— Я видел, как он с девчонкой побежал в сторону джунглей, — услышали они в нескольких шагах от себя.

Один из воинов подошел к кустам вплотную и крикнул остальным:

— Я точно знаю, они здесь! Сейчас мы их прикончим! На этот раз им не уйти!

Дыхание погони становилось все ближе. Василий сорвал тростниковый стебель, разломил пополам, сунул одну половинку в рот Кардилье, другую — себе, и они погрузились в ил. Сколько они пролежали в болоте, с трудом дыша через тонкие трубки, несколько минут или часов, Василий не смог бы сказать. Время замерло вместе с ними. Когда он высунул голову на поверхность, стемнело.

Кардила сидела рядом и, не отрываясь, смотрела в одну точку.

— Давай поскорее уйдем отсюда, — попросил Василий.

Ночь догнала их у огромного баньяна, под густой кроной которого они расположились. Быстро нарвав пальмовых листьев, Василий сделал подобие циновки, куда в изнеможении опустилась Кардила и мгновенно заснула. Василий лег неподалеку.

Бледный полумесяц осветил верхушки деревьев. Кокосовые пальмы напоминали метлы. Их плоды, свисающие гроздьями, привлекли ночных обитателей. Сюда слетелись совы и калонги. Возбужденные предстоящим пиршеством, они издавали противные визгливые звуки, и Василию долго не спалось. С тревогой вслушивался он в многоголосье джунглей, боясь услышать в них не дыхание зверя, а поступь человека. Под утро тяжелый сон одолел его. Ему представлялось, что он заперт в раскаленной русской бане, а жар все прибывает и прибывает... С трудом Василий открыл глаза, которые безжалостно обжигало полуденное солнце.

Под баньяном Кардила не оказалось. «Наверное, пошла искать еду», — решил он и, пересиливая себя, сделал несколько упражнений, разминая онемевшее тело. Время шло, приближая солнце к зениту.

«Могла заблудиться!» — встревожился Василий.

— Кардила! — негромко позвал он, и в ответ затрещали цикады.

— Кардила! — громкий окрик испугал мартышек, перепрыгнувших с одного дерева на другое. Тревога за девушку возрастала. Василий вернулся к баньяну, обошел его вокруг, но ничего настораживающего не увидел. На тропе, ведущей в селение, его внимание привлек желтый цветок орхидеи, который Кардила воткнула вчера в волосы. Цветок лежал на земле, ничуть не тронутый увяданием.

«Зачем она пошла в селение?! Может, ее схватили, пока я спал?!» Он бежал по тропе, предчувствуя беду. Пот заливал глаза, но Василий не успевал его вытирать. Вдалеке послышался шум селения, и на самом краю его он остановился. В глубине, у сопо собрались женщины и громко спорили. Кардила, окруженная воинами, что-то закапывала в землю.

«Безумная!» — прошептал Василий и сразу же вспомнил рассказ своего друга Али: «Если родственник или очень близкий тебе человек умирает у врага, ты можешь на рассвете прийти и похоронить его, но навсегда останешься рабом в этом племени. Иначе тело убитого отдадут на съедение свиньям».

«Безумная!» — с восхищением повторил он.

Изо всех сил Василий сдерживал себя, чтобы не побежать к Кардилье. Нежность, переполнявшая его, толкала на безрассудство. Он с трудом дождался темноты. Неподалеку прошли воины пак-пак, и пришлось глубже забраться в колочий кустарник.

Время ленивой улиткой ползло к вечеру. Моросящий дождь начался совсем некстати. Тело окончательно одревенело, а мелкие капли методично выстукивали тревожные мысли о бесчисленных змеях, спрятавшихся в густой листве. Нахальные мартышки прыгали рядом и без умолку визжали. Тяжелые испарения затрудняли дыхание, от малейшего движения острые шипы кустарника резали кожу как оскок. Отупляющее ожидание губительно действовало на нервы. Предчувствия не обманули Василия. Тонкая, гиб-

кая змея сдавила шею так внезапно, что он не успел поднять руку и защититься от нарастающего удушья. Змея упорно тащила его куда-то в сторону и все сильнее затягивала петлю.

— Тащите быстрее этого борова,— узнал Василий визгливый голос раджи.

Глава 6

— Говори, не тяни. Сам вижу, не радовать пришел,— выговаривал Ван дер Вальк.

— Да,— мрачно согласился Ван Димен.— Радовать нечем. Этот русский оказался опасней, чем мы предполагали.

— Где же Хальц и другие бездельники?

— Хальца убил русский.

— Убил?! Ты в своем уме?! Где же остальные четверо?!

— Иохана тоже нет.

— Да вы все спятили! — закричал Ван дер Вальк.— Где он сейчас?!

— На острове людоедов.

Ван дер Вальк брезгливо передернул плечами. Он не помнил ни одного случая, чтобы оттуда кто-нибудь возвращался.

— Срочно привезите ко мне Кирнштейна,— приказал он и, налив себе джина в стакан, выпил залпом. Горячая волна привычным теплом растеклась по телу. Глядя вслед Ван Димену, он подумал: «Ясная голова, да и мужества не занимать, но что значит простолудин. Никак не поймет, что богатство и славу за один век не добудешь. Зависть его точит хуже всякой болезни...»

Ван дер Вальк сидел в ротанговом кресле, когда в сопровождении Ван Димена вошел Кирнштейн, и даже не повернул голову в их сторону. Кирнштейн был неприятно удивлен таким приемом, но постарался скрыть свои чувства под маской серьезной озабоченности.

— Добрый день, господин Ван дер Вальк. Извините за вторжение, но дело неотложное,— скороговоркой произнес он.

— Присаживайтесь, барон,— сдержанно предложил Ван дер Вальк.

— Вчера вечером я получил депешу из России. На первый взгляд ничего особенного. Обычные вопросы...

— И что же? — перебил его голландец.

Кирнштейн понял, что попал в немилость, и решил прибегнуть к испытанному средству.

— Пока не забыл. Извините, ради бога, мой карточный долг.

Увесистый кошелек с серебряными гульденами лег на колени Ван дер Валька.

Немецкая предусмотрительность не подвела и на сей раз, заметно смягчив голландца, хотя напряженная сдержанность в его тоне осталась.

— Ну, что за счеты! — произнес Ван дер Вальк.— Так я перебил вас, барон.

— В депеше также спрашивалось о ботанике: почему от него нет сообщений, а в конце был поставлен специальный знак, означающий уничтожение ее по прочтении. Увы, ваши дальновидные прогнозы подтвердились, господин Ван дер Вальк. Не простого ботаника сюда послали.

— Знаете, где сейчас находится ваш протеже?

— Полагаю, далеко уйти он не успел. Джунгли не парк для прогулок. Нам-то с вами это хорошо известно,— доверительно заметил Кирнштейн, удобно расположившись в плетеном кресле.

— Ошибаетесь, барон. Ваш соотечественник ухитрился убить двух моих солдат и удрать на остров людоедов.

— Бог мой! — от внезапного испуга лысина Кирнштейна покрылась испариной.

— Я собираюсь послать на остров своих людей, но прежде мне надо все знать о русском,— продолжил Ван дер Вальк.

— Конечно, конечно,— воспрял Кирнштейн.— Все, что угодно. Я бы и сам... да уверен, ваши люди вмиг отыщут его. Им не впервой ловить беглецов в джунглях.

— Если вы настаиваете, барон, то я не буду возражать против вашего участия в его поимке,— ухмыльнувшись, заметил Ван дер Вальк.

У Кирнштейна язык пристал к небу. Он силился что-то сказать, но слова застревали в горле.

Вдоволь насладившись испугом собеседника, Ван дер Вальк смилостивился:

— Лучше уж оставайтесь здесь. В ваши годы надо себя беречь.

В ответ Кирнштейн подобострастно закивал головой.

— Да, дело предстоит непростое,— задумчиво произнес Ван дер Вальк, многозначительно глядя на Ван Димена.— Только вам и могу доверить. Тем более вы русского знаете.

— Сколько человек прикажете взять с собой? — спросил Ван Димен по-деловому.

— Думаю, с вашим опытом и двадцати солдат хватит. Остров не так уж велик.

— Золотые слова,— угодливо поддакнул Кирнштейн заметно повеселевшим голосом.

Ван Димен хмуро посмотрел на барона, искренне досадуя, что тот не пойдет вместе с ним. Одной пули он бы не пожалел для него.

... До темноты оставалось не больше получаса, когда отряд Ван Димена подошел к озеру.

— Вот это да! — не выдержал один из солдат.

— Чертовски здорово! — подтвердили остальные.

В неярких лучах заходящего солнца озеро Тоба, окруженное горами, заросшими яркой тропической зеленью, каждое мгновение меняло цвет. Из дымчато-серого оно превращалось в синее и, темнея, отливало черным, а случайный луч света, падая в него, делал его изумрудным.

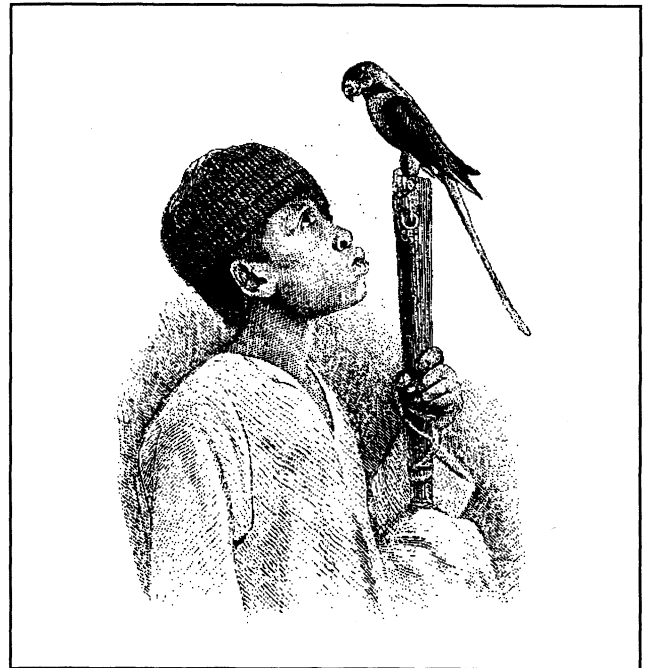
— Ровно в 12 ночи отплываем,— скомандовал Ван Димен. — А сейчас отдых.

Желания плыть на опасный остров в кромешной тьме ни у кого не было, но все прекрасно понимали: лучше застать врасплох местных людоедов, чем оказаться их добычей.

Ван Димен сидел у небольшого костра, и тяжелые воспоминания словно выползали из темноты.

... С детства Ван Димен мечтал разбогатеть. Он нанялся служить в Батавию, хотя и знал о дурной славе Ост-Индии: адской жаре, изнуряющих болезнях, тропических ливнях и коварных малайцах. На самом деле все оказалось намного хуже, да и служба много денег не приносила.

При первой возможности он попросился надзирателем в местную тюрьму, надеясь побольше заработать. Через три года добровольной каторги, дослужившись всего лишь до сержанта, он понял: в Азии, как и в Европе, честным путем не разбогатеешь.

Мысль о больших деньгах и возможности с их помощью купить офицерский чин не давала покоя. Слухи о предприимчивости китайцев, их огромных состояниях как ржавчина разъедали душу. Он знал, что многие надзиратели устраивали китайским мафиози побеги или помогали убрать в камерах неугодных осведомителей, и за это получали огромные взятки. Через три года наступил и его «звездный» час: он был приглашен к одному из самых богатых китайцев города — Чу Мин Фату.

За годы, проведенные в Батавии, Ван Димен хорошо усвоил, что китайцы не приглашают к себе посторонних. Любопытный глаз редко проникает в их жилище. Высочайшая честь, оказанная ему, не была простой любезностью. По неписаным законам местных китайцев, всякий, кто переступал порог дома Чу Мин Фата, становился его должником, и за великодушное доверие должен был оказать какую-либо услугу именитому хозяину.

Как только Ван Димен вошел в дом и сел в уютное кресло, Чу Мин Фат без всякой церемоний сказал:

— Я полагаю, в тюрьме несложно устроить встречу двух заключенных?

И вопросительно посмотрел на Ван Димена.

— Думаю, не очень сложно, правда, у нас строгие правила,— ответил гость.

Чу Мин Фат, опережая решение Ван Димена, назвал баснословную сумму. За нее можно было купить не один офицерский чин.

— А чтобы не было никаких осложнений,— добавил китаец,— вы можете отправиться на Суматру. Говорят, там климат лучше, да и поспокойнее будет.

Чу Мин Фат быстро поднялся и, едва кивнув, надменно прошествовал к двери. Церемония закончилась.

Через несколько дней Ван Димен был переведен на Суматру.

Он отогнал воспоминания и резким голосом командовал:

— Отплываем!

Глава 7

На рассвете Василий очнулся и огляделся вокруг. Он лежал в большой светлой хижине на плотной тростниковой циновке. В центре стояли два резных кресла и невысокий деревянный стол, покрытый батиковой скатертью с замысловатым рисунком.

Тихий скрип двери вернул тревогу, так ненадолго покинувшую его. В хижину вошел Абиб и, угодливо придерживая дверь, пропустил вперед Сирегара. Раджа величественно подошел к резному креслу и сел. Два воина остались у входа, плотно затворив за собой дверь.

— С тобой будет говорить великий раджа Сирегар, — напыщенно произнес Абиб.

Но Василий опередил раджу:

— Где Кардила?

Сирегар молчал.

Василий понял, что наступают решающие минуты.

Проворно вскочив, он ударил Абиба ногой точно в подбородок, выхватив при этом у него паранг. Острое лезвие коснулось шеи раджи, и Василий крикнул:

— Ну?!

— Она в другой хижине,— прошептал Сирегар, замерев от страха.

— В какой?

— У сопо.

— Кто еще с ней?

— Ани.

— Как?! Она же убита!

— Нет,— простонал раджа.

— Говори! — потребовал Василий.

— Это была другая моя раба. Я знал: Кардила придет, если увидит Ани мертвой. Я приказал изуродовать лицо мертвой так, чтобы ее никто не узнал. Кардила поведала, что это Ани, и пришла.

— А почему ты не убил Ани? — спросил Василий.

— Кардила верит только ей и расскажет все, что знает о тебе,— замылся раджа.

— Ну и негодяй же ты! — с ожесточением произнес Василий.— Сейчас ты позовешь своих воинов и прикажешь им привести сюда Кардилу с Ани.

Сирегар молчал.

— Понял? — паранг чуть глубже вошел в кожу раджи.

— Да, да, понял,— нервно выдохнул он.

— Любое движение, раджа, и тебя ждет смерть,— заверил Василий и сел к нему поближе. Паранг пришлось спрятать под ноги, накрыв рукоятку широкой ладонью.— Зови воинов! И не делай такое несчастное лицо! — потребовал он.

Сирегар не стал ждать, когда воины войдут в хижину, а с порога приказал им срочно привести Кардилу с Ани. Привыкшие выполнять любую прихоть раджи, они не придали никакого значения его дребезжащему голосу и испуганному лицу Абиба.

Через несколько мгновений, показавшихся радже вечностью, дверь распахнулась и на пороге застыли Кардила с Ани.

— О, боги! — воскликнули они в один голос, увидев Василия.

Глаза оранга путих сияли такой откровенной радостью, что Кардила невольно улыбнулась в ответ. «Неужели он пришел за мной?!» — подумала она.

— Дорогие мои! — воскликнул по-русски Василий и стремительно поднялся с пола.

Сирегар, выбрав момент, когда Василий повернулся спиной, бросился на него. На помощь поспешил Абиб, но замешкался, и Кардила успела схватить его за ногу.

Он грузно рухнул на пол. Сирегар пытался выхватить у Василия паранг, но ему мешал толстый живот, сковывавший движения. Сильный удар в челюсть заставил его разжать руки и дико взвыть от боли. Василий кинулся к двери, но в хижину уже вбежали воины, услышавшие крики. Он не успел увернуться, и копьё вонзилось в левую руку. В глазах помутилось от нестерпимой боли, и как в кошмарном сне, он полетел на дно бездны...

Своим спасением Василий был обязан обмороку. Дикари не могли убить его, не узнав имени. Он очнулся на дне глубокой ямы.

«Видимо, яма находится недалеко от сопо», — решил Василий, услышав рядом истеричный голос раджи.

— Сегодня я назову моего сына воином, получив имя и скальп белой бабирусы, а вечером устрою большую песту.

Обещание Сирегара было встречено с восторгом.

— Разжигайте костры! — крикнул он.— Когда все будет готово, приведите сюда этого белого!

Василий пытался разрыть красную землю руками, чтобы сделать ступеньки наверх, но она оказалась гладкой и твердой как камень. Выбраться было невозможно.

Наступили сумерки, и за Василием пришли четверо воинов с яркими факелами. Конец длинной веревки упал на дно. Он обмотал ее вокруг себя, и его потащили наверх.

Сквозь мутную пелену Василий увидел огромную толпу, ожидавшую долгожданного зрелища.

Он напряженно всматривался в полумрак в надежде увидеть Кардилу и Ани. Они сидели связанные вместе у костра, где их стерегли несколько воинов.

Раджа, одетый в яркий саронг, увитый всевозможными кольцами и браслетами, важно восседал на каменном стуле. Неподалеку от него на четырех стульях поменьше сидели старики. В центре стоял длинный каменный стол с небольшим углублением с одной стороны. Зажгли последний костер, и Сирегар поднял руку. Смолкли все разговоры.

Под стрекот цикад и глухой треск горящего бамбука Василия потащили к каменному столу. Пятеро воинов с трудом уложили его так, чтобы шея оказалась в углублении, а голова свисала над небольшим медным чаном. Гибкими лианами его накрепко привязали к месту пы-

ток. По бокам каменного ложа встали по три воина с короткими бамбуковыми хлыстами.

Барабанная дробь ворвалась в тишину, и воины подняли хлысты, застыв на мгновение. Раджа степенно поднимался с кресла, чтобы объявить о начале испытания белому варвару, упиваясь безграничностью своей власти и сознанием, что месть его будет долгой и нестерпимой.

Внезапно из темноты раздался жуткий, надрывный стон.

«Наверное, так звучит трубный клич в день Страшного Суда», — подумал Василий. Прошло несколько минут гробового молчания, и вновь повторился вопль непереносимой муки и замер вдали, рассыпавшись на редкие, прерывистые стоны.

— Шаман Даку!! — раздалось в толпе, и все повернулись в сторону джунглей.

— Война! — испуганно воскликнули одни.

— Беда! Большая беда идет! — причитали другие.

Василий наблюдал за нарастающей паникой с тайной надеждой. Женщины с детьми бежали к хижинам, мужчины отходили в глубь селения. У сопо остался раджа с неподвижными старцами и воины, приставленные стеречь Кардилу с Ани.

«Что бы ни задумал хитрец Даку, ему не обмануть меня, — не сомневался Сирегар. — Не о войне он идет объявить, и не Имрал послал его. Он идет за девчонкой и надеется, что его спасет священный для всех батаков закон предков: шамана убить нельзя. Верно, — усмехнулся он, — шамана нельзя, а вот жалкого раба собственной похоти убить должно!»

На краю селения, оглашая свой приход громкими криками, появился Даку. Грязные лохмотья обнажили его сильное, жилистое тело, а длинные спутанные волосы скрывали торопливый, ищущий взгляд.

— «Я безумен! Я готов потерять тонди * ради Кардилы. Но где она?!»

От сильного порыва ветра пламя большого костра взметнулось вверх, осветив все вокруг, и Даку увидел девушку.

Он понимал, что вряд ли сумеет перехитрить Сирегара. Приходилось рассчитывать только на свой редкий дар: подчинять души слабым, делая их послушными своей воле. Он проворно подбежал к воинам и тяжелым, гнетущим взглядом заставил их повиноваться себе. Краем глаза Даку увидел, что раджа собирается встать с кресла. Он схватил бубен, висевший у него за спиной, и резко ударил в него, потом еще и еще раз, усиливая неистовость звуков. Надрывный ритм проникал в самую глубь сознания, не было сил сопротивляться этому бешеному натиску звуков, сплетенных с дикими движениями шамана. Василий почувствовал, как тело его тяжелеет, становится вялым и целиком отдается во власть яростного ритма. Разум начал мутиться — удивление, страх, тревога, чувство бессилия слились воедино, и душу охватило полное смятение. Исподволь возникло животное желание кричать, орать, броситься очертя голову в огонь, разорвав лианы как бумажную ленту. Но здравый смысл удержал в последний момент.

Голова Василия, будто налитая свинцом, медленно поворачивалась в сторону раджи. Ему хотелось узреть: неужели и он оказался во власти колдовства? Сирегар сидел в своем величественном кресле, закрыв глаза. Иногда он пытался приподняться, но тут же опускался с перекошенным от боли лицом, словно садился на раскаленное квале*. Трудно было понять: гипноз действовал на него или бессилие перед колдовством шамана.

Ворожба длилась так долго, что большой костер начал угасать, но воины не двигались, находясь в глубоком

трансе. Движения шамана становились все более неистовыми, в исступлении Даку вращал глазами, и создавалось впечатление, что они двигаются независимо друг от друга, и он может смотреть одновременно во все стороны, не поворачивая головы. Внезапно звуки бубна оборвались.

Даку подбежал к воинам и схватил двоих за шею. Пронзительный крик заставил их упасть на колени, а затем встать на четвереньки. Остальные сделали то же самое. Как только лица юношей коснулись земли, послышалось утробное хрюканье. Кабаны! По-кабаны перебирая руками и ногами, воины семенили вокруг костра, а шаман пригибал их к земле все ниже и ниже.

Даку подбежал к Кардилье и Ани и освободил от крепких лиан.

— Бежим! — приказал он, но Кардила медлила.

— Чего ты ждешь?!

— Надо взять оранга путих с собой, — твердо сказала она.

— Зачем?!

— Чтобы выкупить моих сестер.

«Мудрая дочь воина не потеряла рассудок, как эти слабые воины, — радостно подумал Даку. — Я возьму его, и сам сумею извлечь пользу от огромной белой баби-русы...»

— Ладно, — согласился он. — Но только если он сможет идти сам. Тащить его я не собираюсь.

— Конечно, — обрадовалась Кардила. — Он пойдет, я уверена в этом.

Кардила с Ани побежали освобождать Василия. Шаман подошел к сопо, не заметив стоявшего за пальмой Сирегара.

Острый паранг полоснул Даку по глазам. Не крик, а звериный вой вырвался из его груди, и он бросился на врага. Толстый раджа ловко увернулся, оставив еще один кровавый след на животе Даку. Длинные ногти шамана зацепили кожу на лице Сирегара, и она повисла алыми клочьями. Даку, истекая кровью, продолжал сражаться и сумел дотянуться до горла раджи, но тот отскочил в сторону и оказался у него за спиной. Сирегар вновь ударил парангом, остервенело вонзая его еще и еще раз, пока тело шамана не рухнуло в лужу крови.

Василий подбежал к ним и толкнул раджу с такой яростью, что тот своим толстым телом погасил костер перед сопо.

Схватив шамана за руки, Василий хотел бежать как можно быстрее, но ноги едва отрывались от земли.

Темнота джунглей притягивала возможностью спрятаться, слиться с ней, а значит — спастись. Пережитое открыло ему второе дыхание. Не чувствуя раны на руке, он нес отяжелевшее тело шамана, пока его не остановил резкий окрик Кардилы.

— Он мертв! — несколько раз повторила она.

— Не может быть! — Василий осторожно опустил тело шамана на землю.

— Он давно мертв, — с болью произнесла Кардила.

— Ты знала?! Ты давно знала и молчала?! — закричал он, подойдя к девушке вплотную, и сжал пальцы в сильные кулаки.

— Ты не слышал, — спокойно ответила она и не двинулась с места. — Я говорила много раз, но твой разум был слеп. Я боялась тебя.

Последняя фраза спасла его от начинавшегося безумия.

— Прости, — виновато сказал он. — Жаль, что он умер. Он спас нас.

— Да, — нехотя подтвердила она. — Но ты многого не знаешь. Я потом тебе все расскажу, а сейчас пойдем быстрее.

— Нет, прежде надо похоронить его! — Решительный тон оранга путих остановил Кардилу. «Поступки белого варвара достойны настоящего воина», — подумала она.

Паранги, которые они успели захватить с собой, ускорили их нелегкую работу.

* Тонди — душа.

** К в а л е — большая металлическая сковородка с высокими краями.

... Постепенно джунгли приобретали неясные очертания. Появился и первый предвестник рассвета — невзрачная птица бео. Резкими, противными звуками она, сама того не желая и замирая от каждого шороха, загоняла ночных обитателей в их норы и гнезда.

После нескольких часов пути они решили передохнуть и сели под раскидистым баньяном. Невеселые мысли беспокоили Василия. Сильное, страстное чувство к Кардиле не проходило, но он понимал, что для нее и ее сестер будущее заключалось в его скальпе, и мечты о взаимном чувстве — не более чем фантазия.

Пока решимость не оставила его, Василий резко поднялся с влажной земли.

«Нет! — испугалась Кардила, поймав его взгляд. Ошибиться было невозможно. — Он прощается со мной! Не может быть!»

— Подожди! — закричала она и побежала к Василию.

Глава 8

— Будь моим мужем! — слова Кардилы прозвучали как приказ.

Василий в растерянности остановился. «Что еще надумала хитрая девчонка?!»

— Садись, — заговорила Ани. — Мы хотим тебе все рассказать. Мы не желаем тебе зла.

Рассказ Ани и Кардилы длился долго. С трудом Василий постигал страшные суеверия.

— Где же хранится талисман? — спросил он, когда Кардила открыла свой замысел.

— Ани знает место. Мы возьмем талисман и пойдем в племя Каро — племя моей матери. После нашей свадьбы ты станешь раджей, а потом мы спасем моих сестер.

— Но почему я?!

— Ты сильный и не способен на подлость. Прошу тебя — помоги мне!

— Хорошо, — согласился Василий.

Они поднялись и только сейчас поняли, как сильно голодны.

Василий искал глазами то странное дерево, сок которого на время приносил забвение, притупляя голод. Через несколько метров он отыскал его, сделал небольшой надрез и подставил пальмовый лист. Тягучая горьковатая жидкость действовала на Кардилу и Ани магически. Они начали так заразительно смеяться, что ему ничего не оставалось, как присоединиться к ним.

— Как тебя зовут? — неожиданно спросила Кардила сквозь смех.

— Василий Малыгин.

— Ой, как смешно! — захотела она. — Я не могу повторить.

— Василий Малыгин, — сказал он еще раз.

— Ма — ли — ган! О! Я могу сказать — Малиган!

У Ани ничего не получилось.

— Я буду звать тебя оранг путих, — предложила она.

— Лучше зови меня «оранг русия». Я приплыл из далекой страны — России. Там живут оранг русия.

— Скажи мне: у тебя много жен? — Вопрос Кардилы обескуражил Василия.

— У меня нет жены. В России женятся поздно, и обычно один раз.

— А когда жена состарится, разве ты не возьмешь новую, молодую?

— Нет, обычно мы живем всю жизнь с одной женщиной.

— Ой! — пришел черед удивляться Ани. — Какой страшный закон!

— Мы по-другому относимся к женщине, — сказал Василий. — Если мужчина любит ее, она и в старости остается для него красивой. Он отдает ей часть своей — как это вы называете — тонди. А разве можно разорвать тонди пополам, заменив ее половиной на другую?! Это уже будет не твоя тонди, и ты долго не проживешь. Верно?

— Верно, — задумчиво согласилась Ани.

И они снова тронулись в путь.

Василий шел первым, очищая парангом тропу от лиан, сплетенных в тугие узлы. Начали подкрадываться сумерки, и они решили заночевать под мангровым деревом. Василий начал засыпать, как кто-то крепко прильнул к нему. Кровь ударила в виски, и забыв обо всем на свете, он порывисто обнял девушку.

— Разве я хуже, чем она, и у меня не такая же крепкая грудь?! Что может дать тебе девчонка?! — жарко шептала Ани.

Василий оттолкнул ее с такой яростью, что она упала на колени и зарыдала от досады и боли.

— Что случилось? — раздался голос разбухенной Кардилы.

— Ничего страшного, — успокоил Василий. — Ани казалось, что рядом ползет змея, и она сильно испугалась.

— Сейчас я приду к ней.

— Не надо, — резко остановила ее Ани.

«Наверное, боится за меня», — с благодарностью подумала Кардила.

Ани легла на сухие колючие листья старого фикуса, не чувствуя ничего, кроме неутоленной страсти и гнева.

«Боги прокляли меня, — отчаялась она. — Я сделаю оранга русия равной себе, и тогда ничто не помешает нам быть вместе». Она вспомнила о небольшом поле на самом краю своего селения, где воины выращивали перец. Как только он созревал, его высушивали, мелко толкли и начинали им бамбуковые трубки — страшное оружие. Перец словно огонь выжигал глаза. Оранг русия до конца своих дней не увидит ее обезображенное лицо, забудет его и станет принадлежать ей одной.

На рассвете Ани побежала в сторону селения. Тихая радость безумства удесятряла ее силы.

Резкие хлопки у самого селения насторожили ее. Вслед за ними послышались рыдания женщин, и вновь повторились громкие непривычные звуки. С опаской подходила Ани к селению. Услышав отрывистую, лающую речь, она бросилась в кусты бугенвилей. Через несколько минут она немного приподнялась и увидела площадь перед сопо, где лежали вповалку мертвые воины ее племени. Безжизненные лица были искажены страхом и недоумением. Посреди сопо, привязанный к высокой пальме, истекал кровью раджа Имрал. Рядом с ним стояли трое огромных мужчин, точно таких, как оранг русия.

— Где он? — отчетливо произнес один из них на родном языке Ани. Это не удивило ее, ведь оранг русия тоже говорил на нем.

— Не знаю, — еле слышно ответил Имрал.

— Сейчас мы приведем всех твоих жен, с которыми веселятся мои воины, и поступим с ними так же, как с остальными. Мы истребим твой род, если не скажешь, где находится тот белый, что пришел раньше нас.

«Они ищут оранга русия», — испугалась Ани, продолжая следить за происходящим. Из ближайшей хижины вышли двое варваров и вывели сестру Кардилы — Хапсу. Увидев ее, Ани содрогнулась и закрыла ладонями рот, чтобы не закричать. Спутанные волосы падали на грудь, по ногам стекала кровь.

— Я знаю, — громко сказал белый варвар Имралу. — Это твоя любимая жена. Она носит твоего ребенка. Мы убьем ее первой, если ты не покажешь дорогу к тому белому, что пришел раньше нас.

В горле у Имрала что-то булькало и хрипело. С огромным усилием он произнес:

— Я не видел его, но знаю: он — в племени пак-пак.

— Где это?

— Я дам воинов, — начал Имрал, но замолчал, посмотрев по сторонам. — Я сам покажу дорогу.

— Хорошо, — обрадовался белый раджа. — Давно бы так.

Сквозь густые кусты Ани еще раз взглянула на Хапсу, и сердце ее заныло.

«Я искуплю свой грех и покажу, где находится оранг русия,— торопилась она, выбираясь из кустарника.— За это они не тронут Кардилу и Хапсу».

Она бежала так быстро, что солдаты не успели остановить ее, и через мгновение она стояла перед Ван Дименом.

— Я знаю, где он. Совсем недалеко. Он еще спит.

— Кто ты? — спросил изумленный Ван Димен.

— Я тоже из этого племени.

— Верно? — он вопросительно посмотрел на раджу, и тот согласно кивнул.

— Почему ты хочешь помочь нам? — удивился Ван Димен, с неприязнью разглядывая перекошенное шрамом лицо Ани.

— Я прошу тебя оставить в живых эту женщину и ту, что сейчас с тем белым мужчиной.

— Кто она? Его ньяи*?

— Нет, но...

— Говори! — потребовал он.

— Он хочет сделать ее своей женой.

— Женой?! — Стоявшие вокруг солдаты дружно захотали.

— Вы слышали, женой?! — повторил Ван Димен еще раз сквозь смех.— Ладно, поглядим, что за красавицу выбрал себе русский. Пошли!

Солдаты торопились пройти вымершее селение. Они грубо подгоняли Хапсу, которая совершенно обесси- лела.

Ее лицо старилось с каждым шагом, потухший взгляд отрешенно блуждал вокруг. Ани с болью смотрела на нее. «Что я делаю?! — Запоздалое прозрение ошеломило ее.— Они же поймают оранга русия, а потом убьют нас, вдоволь надругавшись!»

Ван Димен уловил перемену в ее поведении.

— В чем дело? — крикнул он и подтолкнул Ани ружьем.

— Ничего, ничего. Боюсь ошибиться. Хочу поскорее найти тропу, по которой шла. Боюсь обмануть твое до- верие, белый раджа,— угодливо приседая, повторила не- сколько раз Ани.

Ван Димен едва слушал ее, пристально глядя на обе- зображенное лицо, но по нему невозможно было ничего понять. Чувство брезгливости к уродству заставляло солдат отворачиваться от Ани, и Ван Димен желал по- скорее избавиться от хитрой туземки.

Ани выбрала белого раджу. Его острый, пронизываю- щий взгляд будто выпытывал все затаенные мысли, и она старалась держаться поближе к сестре Кардилы, истекающей кровью.

— Помогите мне умереть,— прошептала Хапса, понимая, что теряет ребенка и умирает сама.

— Яма,— сквозь зубы выдохнула Ани.

Хапса слегка кивнула головой, и, резко повернув влево, они пошли быстрее.

Ван Димен нервничал, недоверие к женщинам росло, и он приказал солдатам внимательней смотреть по сто- ронам, запретив все разговоры. Хапса первой увидела охапки пальмовых листьев, укрывавших глубокую яму. Воины их племени вырыли ее для диких зверей. Взмах- нув руками, она бесстрашно прыгнула в нее, увлекая за собой листья, напоминавшие огромные крылья. Со дна ямы торчали заостренные бамбуковые палки. Ани, не раздумывая, последовала за ней. Что-то похожее на вздох облегчения услышал Ван Димен, бросившийся к ним. Острые колья проткнули женщин насквозь.

— Надо быстрее выбираться отсюда,— злобно выру- гавшись, сказал Ван Димен,— вернемся в селение. Раз эта подлая тварь туда пришла, значит, и русский явится со своей красоткой.

Солдаты согласились с ним. В селении, превращенном ими в кладбище, они чувствовали себя безопасней. Да и к берегу оттуда было намного ближе.

У входа в хижину и на подходе к селению Ван Димен предусмотрительно расставил посты, не желая больше никаких неожиданностей. Он торопил время в надежде поскорее встретиться с русским и за все с ним рассчита- таться.

А всего в нескольких километрах от голландцев Васи- лий с Кардилой искали Ани. Девушка не сомневалась, что она отправилась на поиски еды и скоро вернется. Васи- лий боялся делать какие-либо предположения, с доса- дой вспоминая случившееся ночью. После продолжи- тельных поисков они решили идти в селение. Кардила выбрала дальнюю тропу, которая приведет их туда неза- меченными. Она помнила, что впереди находилась тай- ная яма, приготовленная воинами ее племени для диких зверей.

— Далеко еще? — тихо спросил Василий.

— Нет, очень близко, но ничего не слышно.

— Странно,— задумчиво сказал он.

За пушистым кустом фиолетовых бугенвилей они на- ткнулись на яму, походившую на безобразную зияющую рану. Кардила закрыла рот руками, чтобы не закричать, и, преодолевая тошноту, подошла к самому краю.

— Хапса.. Ани...— шептала она, опустившись на ко- лени.

Василий понял, что голландцы пришли на остров, и со всего размаха ударил кулаком по могучей пальме. Боль немного притупила его ярость.

Достать тела женщин было невозможно, и он начал срывать тяжелые ветки, вырывать с корнями жесткие ку- старники и бросать их на дно глубокой ямы. Медленно встав на ноги, Кардила отошла в сторону. Лицо ее словно окаменело.

— Голландцы пришли в селение,— с болью произнес Василий.— Надо уходить.

После долгого молчания, с отчаянием тряхнув голо- вой, она выкрикнула:

— Разве они люди?

Василий не знал, что ответить, и Кардила вновь повто- рила свой вопрос с какой-то безумной одержимостью.

— Я боялся, что так будет. Они ищут меня. Это моя вина, только моя вина,— в его голосе было такое безыс- ходное отчаяние, что Кардила очнулась от своего горя и внезапно поняла: «Он — единственно близкий человек, оставшийся в живых». Она прижала огромную ладонь Василия к своей щеке. Нежность, переполнявшая его, передалась Кардилье. Они стояли, обнявшись, и боялись пошевелиться.

Резкий удар в спину заставил его сильнее прижать к себе девушку.

Кардила с недоумением посмотрела назад. Несколько воинов из ее племени с ненавистью смотрели на них. Они держали наготове острые пики, но властный голос Кардилы остановил их.

— Стойте!

Воины замерли, повинувшись ей.

— Он спас меня! Белые варвары, что пришли к нам, его враги. Если не верите мне — убейте нас вместе. Он — мой муж!

В растерянности смотрели воины на Кардилу. Дочь ве- ликого воина славилась умом и отвагой. Когда раджа Имрал прощал ее к прокаженному, в каждой хижине жа- лели ее. И вот она здесь, живая, но с их заклятым вра- гом — белым варваром. Недоумение на время задержало расправу над ним. Вперед вышел старший воин Амин.

— Белые варвары убили мою жену, надругались над дочерьми. Они так жестоко издевались над моими сы- новьями, что духи предков забрали их к себе, не в силах смотреть на их мучения. Он такой же, как они. Посмотри на него и опомнись, Кардила. Белый варвар обманул твою доверчивую душу.

— Нет, Амин,— решительно сказала Кардила.— Мою душу давно обманул не он, а раджа Имрал, когда предал своего лучшего друга — моего отца. Но тогда вы все молчали как покорное стадо. Никто не вступился за

* Ньяи — наложница.

меня. Этот белый человек много раз видел смерть и не боялся ее, спасая меня. Он отважный и смелый воин.

— Я верю тебе,— сказал Амин.— Но если он обманет нас, мы убьем его. Пусть он расскажет нам о своих врагах.

— У них очень сильное оружие,— негромко произнес Василий, и воины внимательно прислушались к его словам.— Оно стреляет железными пулями и достигает далеко бегущего воина. Мы должны хитростью добыть его и только тогда победим голландцев.

— Как добыть его? — недоверчиво спросил Амин.

— Ты знаешь, где они сейчас? — обратился Василий к Амину.

— Да, мы выследили их. Они вернулись в селение и теперь чего-то выжидают. Только два воина караулят хижину, где сидят варвары.

— Двоих мы уберем, но останутся еще четырнадцать, — рассуждал вслух Василий.— Всех нам не одолеть. Надо что-то придумать.

— Что они едят? — неожиданно спросила Кардила у Амина.

— По-моему, доедают наш рис.

— Не знаю, согласитесь ли вы со мной...

Все с надеждой посмотрели на нее.

— Помните, шаман Даку рассказывал о страшной смерти его отца. Я знаю об этом всю правду. Отец Даку чем-то не угодил радже Имралу, но тот не подал вида и пригласил его в гости, угостив нас горенг. Ночью несчастный умер в мученьях. Ани случайно увидела, как раджа подмешал в еду мелко порубленные стебли бамбука. Вы знаете, как они разрывают человека изнутри. Ничто не может его спасти.

Амин одобительно кивнул головой.

— А вдруг они заподозрят неладное и не все будут есть,— заметил Василий.

— Все равно, кто-то из них попробует,— убежденно сказала Кардила.

— Мы пошлем туда самого проворного, сына моего убитого друга,— решил Амин.— Бинди! Подойди сюда! — позвал он красивого молодого воина.— Ты пойдешь в селение и успокоишь свое горе, отомстив за смерть отца.

Глаза юноши вспыхнули решимостью и отвагой.

— Ты пойдешь сейчас, Бинди, и будешь следить за ними. Возьмешь с собой Синтая. Он отвлечет белого варвара, который караулит еду, и ты успеешь бросить туда бамбук. Мы будем ждать тебя до первой луны. Если случится беда, кричи громче, мы обязательно услышим.

Воины молча уходили в селение.

Кардила с Василием сели рядом. Он обнял ее за плечи, и они не заметили, как сумерки скрыли их от завистливых взглядов.

Бинди пришлось долго выжидать. Поздно вечером голландцы принялись готовить ужин. Некоторое время они о чем-то спорили и в конце концов оставили одного солдата у очага. Бинди подал знак Сингаю, и тот пронзительно закричал, подражая гусям. Голландец насторожился, закрутил головой по сторонам, определяя, откуда раздается звук, и вскоре пошел за хижину. В это время юноша проворно подбежал к костру и бросил в квале мелко порубленный бамбук, тщательно перемешав его плоской деревянной палочкой. Неожиданно дверь в хижину распахнулась, и на пороге показался белый варвар. Бинди замешкался, и этого оказалось достаточно, чтобы тот прыгнул на него и сбил с ног. Один за другим выбежали остальные, окружив его зловещим кольцом.

Юноша бесстрашно смотрел на голландцев.

— Где ты был, бездельник?! — набросился Ван Димен на солдата, оставленного сторожить еду.

— Я на секунду отошел за хижину, там что-то кричало,— оправдывался он.

— Наверняка эта обезьяна успела подсыпать в еду какой-нибудь отравы,— убежденно говорил взбешенный Ван Димен.

— Господин капитан, уверяю вас, он не успел!

— Раз не успел, вместе будете пробовать еду.

Солдат испуганно попятился назад.

— Ладно, начнем с туземца,— пощадил его Ван Димен.

— Зачем ты стоял у квале?

— Я хотел войти в хижину и взять свои вещи. Это была моя хижина.

— Ладно. Ты успел к ужину. Разделишь его с нами. Не возражаешь?! — ехидно произнес Ван Димен.

— Конечно, белый господин. Это большая честь для меня.

— Тогда ешь! — приказал он.

Бинди осторожно зачерпнул горячую еду, подул на нее и отправил в рот. Он прожевывал пищу, добродушно улыбаясь.

— Можно еще немного, господин? — подобострастно спросил он.

— Подожди немного, посмотрим, как ты это переваришь,— заметил Ван Димен, все еще сомневаясь.

Вскоре раздались недобольные голоса солдат, которым давно хотелось есть.

— Не сумасшедший же он, чтобы сам себя травить,— заметил кто-то из них, и все дружно поддержали его.

Несколько солдат, убевившись, что туземец умирать не собирается, зачерпнули кокосовыми ложками по полной горсти риса и с завидным аппетитом начали есть. Ван Димен готов был присоединиться к ним, но его остановил странный, ожидающий взгляд малайца.

— Ты один пришел сюда? — спросил он, разглядывая его в упор.

Бинди молчал.

— Ты что, оглох?! — переспросил Ван Димен.

Бинди молчал.

В ответ раздался дикий, нагсадный смех. Изо рта у туземца струйкой текла алая кровь.

Опомнившись от увиденного, солдаты старались очистить желудки, но признаки близкой смерти делали все усилия напрасными.

«Они набросились на Бинди как безумные кабаны и долго били ногами в живот и в лицо,— запыхавшись, рассказывал Синтай.— Я стоял в кустах, очень близко, и все видел. Нет никого хуже, чем белые варвары!»

Воин не отрывал ненавидящего взгляда от Василия. Лицо Амина мрачнело с каждой минутой.

— Ты!.. — гневно начал он, но сдержался, посмотрев на Кардиду.

— Я пойду один! — решительно сказал Василий.

— Нет! — воскликнула Кардила.— Я пойду с тобой.

Воины с осуждением посмотрели на нее.

— Идите! — сурово произнес Амин.— Так будет лучше.

Они ушли далеко вперед, когда услышали за спиной чье-то громкое дыхание. Ожидая самого худшего, Василий резко обернулся, заслонив собой Кардиду. К ним бежал воин из ее племени и держал два копья. Он молча бросил их под ноги Василию и скрылся в зарослях.

В опустошенном селении Василий и Кардила увидели только орды мух, облепивших мертвые тела воинов. Следы голландцев вели в сторону джунглей.

Продолжение следует

ГАРРИ ГУДИНИ – ПОКОРИТЕЛЬ ОКОВ

1914 год принес с собой большие перемены, которые нарушили прежнюю размеренную жизнь. Когда полчища кайзера двинулись на Бельгию, весь ритм жизни планеты, казалось, ускорился. И теперь надо было действовать быстро: публике надоело ждать по полтора часа, пока скрытый занавесками Гудини выберется на волю. Зрители становились нетерпеливыми. Трудные и длинные номера уже не годились для сцены, нужны были более эффектные...

4 мая английский изобретатель С.Е.Джосолайн продал Гудини номер, который назывался «Прохождение сквозь стальную стену». Право на показ трюка обошлось Гарри всего в три фунта стерлингов.

Номер этот, если рассматривать его как иллюзию, ставил в тупик. Но ведь

любой трюк хорошего иллюзиониста — всегда загадка. Добавив несколько новых штрихов, Гудини произвел фурор. Он планировал показать трюк на открытии сезона в «Рут Гарден» в июле.

Гарри возвращался из Европы домой в прекрасной форме. Ему сообщили, что на борту «Императора» вместе с ним плывет бывший президент США Теодор Рузвельт, и Гудини приготовил номер специально для него, да такой, что слухи о нем достигли Америки быстрее, чем сам исполнитель, благо на судне есть телеграф.

Вскоре Гарри познакомился с Рузвельтом, которым он всегда восторгался. Гудини подговорил одного офицера, и тот подошел к нему, когда артист прогуливался с Рузвельтом по палубе, беседуя с ним о спиритизме и проделках нечистых на руку медиумов. Приблизившись, офицер спросил

Гудини, не согласится ли он устроить маленькое представление. Рузвельт ухватился за эту идею и попросил Гарри провести спиритический сеанс. Все шло по плану.

Во время сеанса Гудини попросил зрителей написать вопросы «духу», который ответит посланием, начерченным на чистой грифельной доске. Записки должны были быть собраны в корзину, и одну из них следовало выбрать, чтобы адресовать привидению.

Рузвельт соблюдал величайшую осторожность, когда писал вопрос. Один из зрителей предупредил его: «Повернитесь спиной, иначе он расшифрует слова по движениям вашего карандаша». Теодор Рузвельт повернулся спиной и написал свой вопрос.

Когда вопросы были собраны, Гудини неожиданно изменил обычный порядок, отложил записки в сторону и попросил президента вложить свою записку между досками — «для духа».

Рузвельт так и сделал. Когда доску открыли, он был как громом поражен. Он увидел карту, вычерченную цветными мелками, с четко обозначенной дорогой и стрелкой, указывающей на определенную точку. Это был район Южной Америки, куда Рузвельт несколько месяцев назад предпринял экспедицию, чтобы найти истоки Реки Сомнений. Когда развернули записку Рузвельта, один из зрителей прочел вслух: «Где я провел Рождество?»

Такое и впрямь было достойно внимания, и судовой радист послал сообщение об этом в Нью-Йорк. В порту Гудини оказали такие же почести, как и самому Рузвельту.

Гарри удалось поразить президента благодаря своему искусству, удаче и чувству рекламы. Счастлирое совпадение — вот то истинное чудо, которое объясняет все, казалось бы, необъяснимые чудеса.

Перед сеансом Гудини предложил ряд вопросов, которые можно задать. «Что находится в левом кармане моих брюк?» «Когда умерла моя тетушка Кейт?» «Где я был на прошлое Рождество?» Он так расположил их, что вопрос, написанный им самим: «Где Теодор Рузвельт провел прошлое Рождество?» — вполне мог сыграть роль выбранного наугад. Ответить на вопрос он спланировал в такой форме. На столе в салоне лежало несколько романов из судовой библиотеки в суперобложках. Перед сеансом Гудини вложил под суперобложку одной из книг копировальную бумагу и лист обычной бумаги. Когда Теодор Рузвельт искал твердую поверхность, чтобы написать вопрос, Гудини просто подал ему ближайшую книгу. Взяв эту книгу обратно минутой позже, он вытащил листок из-под суперобложки и прочитал вопрос Рузвельта. Теодор Рузвельт проглотил крючок и написал: «Где я провел прошлое Рождество?»

Это имело особый смысл для Рузвельта, так как празднование Рождества в далеких Андах было темой одной из статей об экспедиции, которую он написал для лондонской «Телеграф». Во время сеанса статья о Рождестве еще не была напечатана, но Гудини слышал о ней от своих приятелей из редакции. Прежде чем сесть на пароход, он посетил «Телеграф», прочитал статью

о Рождестве и скопировал карту, которая должна была иллюстрировать статью.

Перерисовка карты цветными мелками на доску — всего лишь мастерский фокус, который вопрос Рузвельта, заложенный между досками, превратил в чудо.

К 6 июля, когда Гудини начал выступать в «Виктории» (теперь уже за тысячу двести долларов в неделю), большинство зрителей успели прочесть статью о чудесной карте. Придя на представление, они стали свидетелями другого «чуда», которое буквально поразило их.

Гудини объявил, что намерен представить свое последнее изобретение. Когда он снискал себе известность побегами из тюрьмы, его стали называть «человеком, проходящим сквозь стены», и теперь он хотел пройти сквозь стену на глазах у публики.

На сцене расстелили широкий ковер, а на нем — цельный кусок муслина, тщательно осмотренный комиссией. Сбоку сцены бригада каменщиков быстро возвела стену из кирпича, встроив в нее стальную балку длиной в десять и шириной в один фут. Стена стояла на прочных роликах, которые создавали трехфутовый просвет между ней и полом. Высота стены составляла восемь футов, ширина — десять. Ее прикатали в центр сцены и поставили под прямым углом к публике. Комиссия собралась вокруг стены. Гудини велел стоять проверяющим на муслиновой простыне, дабы избежать подозрений в обмане. Он заявил публике, что из-за ковра и простыни никак не сможет воспользоваться какими-либо люками в сцене.

Комиссия будет наблюдать за дальним концом стены, зрители — за ближним, и все увидят, если он попытается обойти стену. Коллинз, надежный друг и помощник Гудини, и Викери вынесли два небольших экрана и установили их против стены по одному с каждой стороны. Из-за экранов виднелись торцы стены. Зайдя за один экран, Гудини воскликнул: «Я здесь!» Раздался барабанный бой и звон тарелок. «А теперь я здесь!» — крикнул Гарри за-за другого экрана и появился, пройдя сквозь стену.

Эффект был настолько ошеломляющим, что аудитория оцепенела.

Публика испытывала такое потрясение, что не могла аплодировать. Сразу за «стеной» шел индийский трюк с иголками, а под занавес — молочная фляга в запертом ящике.

Хаммерштейн, директор Рут Гарден, объявил, что программа в его театре будет меняться каждую неделю, и Гарри действительно вводил новые номера или, по крайней мере, видоизменял старые.

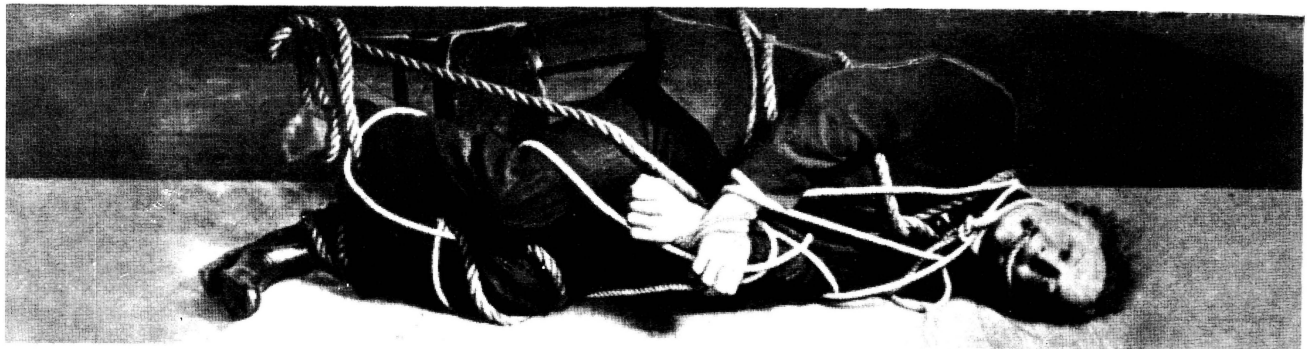
Неделю, начинающуюся дневным спектаклем в понедельник 13 июля, он посвятил «стене», иголкам и фляге в ящике.

Программа на следующую неделю обещала, что Гудини освободится из погруженного в воду ящика, обитого стальными полосами, на глазах у членов комиссии. Это была лишь полуправда: ведь низ ящика скрывался под водой, и виден был только верх. Сам бассейн окутывала тьма. С таким же успехом Гарри мог проделать свой трюк в резервуаре с чернилами.

Выступая в Нью-Йорке, Гудини навестил свою старую галстучную фабрику и встретился с членами профсоюза. Один из бывших коллег сказал ему: «Эрик, самым великим освобождением в твоей жизни было освобождение от производства галстуков».

Гарри не любил, когда на афишах писали имена других артистов рядом с его собственным. Но одна юная актриса уговорила его позволить ей «присоединиться» к нему на афише. Гудини согласился, хотя это шло вразрез с его принципами. Импресарио девушки сфотографировал фасад театра, убрал с афиши имя Гарри, и послал снимки в газету. Создавалось впечатление, что именно девушка возглавляла программу. Возбешенный Гудини явился в кантору импресарио, учинил там скандал и переломал мебель.

После закрытия сезона в «Виктории» Гудини никогда больше не показывал «кирпичную стену». Обычно во время его выступлений сцена была скрыта, и никому не разрешалось наблюдать приговора Гудини. Но этого невозможно было сделать в случае со «стеной». У трюка был один роковой, с точки зрения Гарри, недостаток: все коллеги знали, как он проделывался. Гудини, разумеется, пролезал под стеной. Ковер и простыня не мешали

ему воспользоваться люком. Когда Гарри скрывался за экраном, ассистент под сценой открывал люк. Ковер оседал, и Гудини мог пролезть в просвет, после чего люк закрывался, вот и все. Члены комиссии, стоявшие по краям ковра, были слишком далеко, чтобы что-нибудь заметить, к тому же их вес мешал коврику слишком просесть.

Когда работники театра выболтали секрет «стены», Гудини забросил этот трюк.

После Хаммерштейна Гарри вернулся в театр Кейт, где показывал трюки со смирительной рубашкой, иглолками и водной камерой.

К тому времени прыжки с мостов в наручниках были в репертуаре всех иллюзионистов, умевших плавать. Дэш теперь показывал номер с ящиком под водой, и другие фокусники, без разрешения Гудини и его советов, вскоре переняли его.

Придумывая новый трюк, Гарри остановил свой выбор на смирительной рубашке, но на сей раз он решил высвободиться из нее, висая вниз головой на карнизе небоскреба. «Ну-ка, пусть попробуют проделать это!»

Европа пребывала в агонии, вызванной первой мировой войной, и ей, естественно, было не до Гудини с его подвигами. Но Соединенные Штаты жаждали зрелищ, и Гудини, поняв, какая богатая жила еще не разработана, решил не упускать открывающиеся возможности.

Его новый сенсационный трюк имел все признаки карнавального действия и при этом был практически не опасен. В сентябре он заключил с газетой «Канзас-Сити пост» соглашение о рекламе. Пятитысячная толпа наблюдала, как Гудини, одетый агентами сысской полиции города в смирительную рубашку, был поднят за ноги при помощи лебедки, установленной на крыше редакции газеты, и в таком положении некоторое время раскачивался на большой высоте. Освободившись от смирительной рубашки всего за две с половиной минуты, он торжествующе бросил ее вниз, в толпу. Поскольку представление служило хорошей рекламой газете, Гудини нисколько не сомневался, что сообщение о его подвиге будет помещено на ее первой полосе.

Это был очень эффектный и впечатляющий трюк: мало кто признавал, что в положении «вверх тормашками» поднять руки и освободиться от смирительной рубашки было легче, чем в обычном положении. Впрочем, Гудини так наловчился работать с этой рубашкой, что в любых позициях почти не боялся неудачи, хотя все время находился под бдительным оком «мудрых» членов комиссии. Все же Коллинз, как всегда находчивый и обаятельный, был рядом и в случае необходимости мог пустить в ход и кулаки. Между тем лысина и очки придавали ему совершенно безобидный вид.

Впервые показанный в Канзас-Сити номер — освобождение из смирительной рубашки в положении вниз головой — постоянно совершенствовался. Очень важно было правильно связать лодыжки, поскольку если подкладочный слой ватина был слишком тонок, а веревки закреплены неверно, недолго было и кость сломать. Здесь Коллинз был незаменим. Гудини однажды пережил неприятные минуты, когда из-за сильного ветра его стало бить о карниз здания. Впоследствии он всегда проверял, привязана ли к его лодыжке страховочная веревка, конец которой держал человек, стоявший у окна в здании. При сильном ветре он мог заткнуть Гарри туда. Правда, не зарегистрировано ни одного случая, чтобы Гудини из-за сильного ветра отложил показ трюка, но мерами предосторожности он никогда не пренебрегал.

Публика всегда с большим восхищением следила, как Гудини, висающий в воздухе, совершает разнообразные движения туловищем, вращается, изгибается, пытается сбросить с себя смирительную рубашку.

В тех случаях, когда этот трюк по той или иной причине показать было невозможно, Гудини придумывал что-нибудь другое или был готов воспользоваться предложениями, поступающими от публики.

В декабре в Солт-Лейк-Сити он договорился с похоронным бюро, что его положат в гроб (кому он принадлежал — Гарри или похоронной компании, мы так и не знаем), крышку которого наглухо закрепят винтами. Затем для пушей надежно в гроб был помещен в склеп. Воз-

можно, это был тот же самый гроб, которым Гарри пользовался, давая представления в британском мюзик-холле; отверстия в крышке гроба были закупорены хорошо подогнанными пробками.

С тех пор, как слава Гудини начала расти как снежный ком, любой его шаг становится широко известным. В 1916 году неожиданно для него самого его имя обошло все газеты мира. Все началось с того, что на торжественной церемонии в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке Саре Бернар была подарена бронзовая статуэтка, изображающая ее саму. Преподнося Божественной Саре этот подарок от имени американских актеров и актрис, с приветственной речью выступил Джон Дрю, один из любимых и знаменитых драматических актеров Америки.

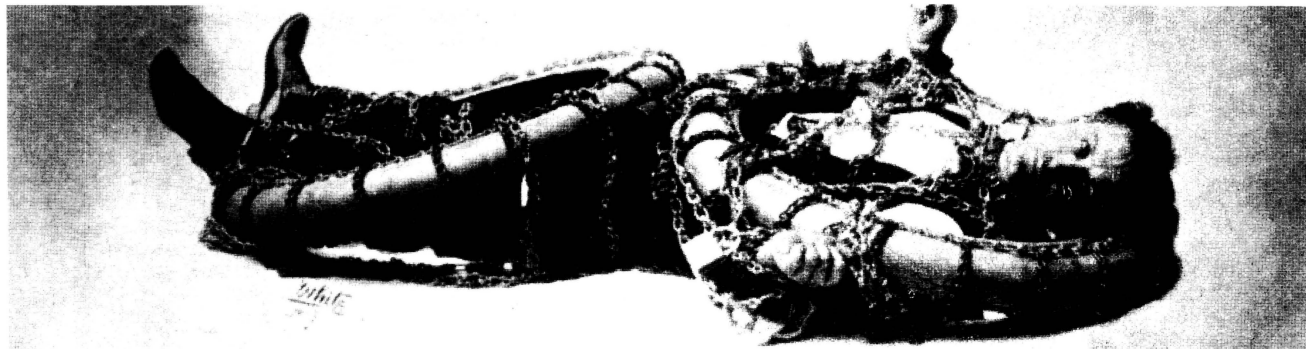
Сара Бернар была кумиром Гудини. Он обожал ее не только за потрясающее исполнение «Дамы с каменьями», но и за ее мужество: в 72 года, с ампутированной ногой, она смогла «затать им жару», блистательно сыграв в знаменитой мелодраме собственной постановки, Гудини обрадовался, услышав о подарке.

Вскоре, однако, произошел конфуз: когда пришел чек на 350 долларов от компании «Горхем», отлившей статуэтку, никто не пожелал раскошелиться. Театральные знаменитости, оставившие на подарке свои автографы, сочли, что им нежего опускаться до такой прозы, как оплата чека. В конце концов компания послала чек самой Саре. Та отправила статуэтку назад, сопроводив ее язвительным письмом.

Гудини, прослышав об этой истории, пришел в ярость; дав выход своему гневу, он отправил компании «Горхем» чек на 350 долларов. Саре Бернар он послал письмо, прося ее принять статуэтку от имени американских артистов варьете.

Это был типично его жест, широкий и импульсивный. В течение двух недель его рекламное агентство переслало ему 3756 газетных вырезок, посвященных этому эпизоду. Каждая газетная вырезка в среднем состояла из 15 строк. Такая реклама обошлась бы самому Гудини в 56 000 долларов.

Весной 1917 года страна, совсем

недавно избравшая Вудро Вильсона на второй президентский срок под лозунгом «Он спас нас от войны», с невиданным прежде всплеском патриотизма приветствовала вступление Америки в ту же войну. 11 июля 1917 года Гудини с ликованием писал своему другу Голдстону: «Завтра я вступлю в ряды армии. Ура! Теперь я тоже солдат!»

Однако его ждало горькое разочарование: вербующие в армию офицеры дали ему понять, что мужчина в сорок три года слишком стар для войны, даже если он способен вылезти из смиренной рубашки, будучи подвешенным за ноги.

С характерной для него энергией Гудини начал давать представления на различного рода митингах и военных сборах. Его номер «Деньги ни за что» вызывал бурный восторг солдат-пехотинцев. Он с трудом подавлял волнение, когда думал о том, что эти смеющиеся сейчас парни вскоре будут ползти по «ничейной» земле, подвергаясь опасности смерти от снарядов или отравляющих газов. Он «доставал» прямо из воздуха пятидолларовые золотые монеты и бросал их солдатам на память о доме. К концу войны он раздал таким манером 7000 долларов, не делая на этом для себя рекламы. Он считал это добрым делом, на которое с радостью тратил собственные деньги.

В день заключения перемирия он собственноручно продал облигаций на миллион долларов. Вместе с Коллинзом он разработал конструкцию водолазного костюма для военно-морского флота, который в случае необходимости водолаз мог легко снять и выплыть на поверхность. Этот проект так и погряз в министерских бумагах и никогда не был осуществлен, хотя Гудини и Коллинз делали все, что могли.

В 1917 году началась новая фаза его взаимоотношений с коллегами по ремеслу. Он был в этом году избран национальным президентом общества американских иллюзионистов. Злопыхатели утверждали, будто он пролез на этот пост благодаря покупке в Нью-Йорке магазина, называемого «Дворцом магии», в тайной комнате которого могло собираться правление общества, не платя никакой ренты. В действительности же к этому времени в Америке только два имени — Гудини и Терстона — ассоциировались с магией, причем Терстон, при всех его достоинствах, как организатор был намного ниже Гудини, благодаря энергии которого на западе и юге страны под эгидой общества основывались клубы фокусников. Именно Гудини основал это общество и, естественно, должен был возглавлять его.

Не все шло гладко в среде фокусников. Как-то на банкете один иллюзионист, лояльность которого по отношению к Гудини была сомнительной, попросил разрешения показать

фокус. Он подошел к столику, за которым сидел Гудини, приветствовал великого человека и положил под одну его ладонь пени, а под другую — монету в десять центов. Затем на тыльную сторону каждой ладони он поставил стаканы, наполненные водой, и провозгласил, что, когда он произнесет волшебное слово, пени и десять центов поменяются местами.

Гудини, бывший, как всегда, на чеку, почувствовал неладное и попытался снять со своей ноги башмак. В случае необходимости он мог для каких-то простых действий использовать пальцы ног не хуже, чем пальцы рук. Однако фокусник действовал слишком быстро, к тому же руки Гудини были заняты стоявшими на них стаканами. Фокусник отошел в противоположный угол комнаты, произнес какое-то заклинание, после чего комната погрузилась во тьму. На фоне глухого гомона раздался резкий голос фокусника: «Вы самый великий мастер освобождения на свете, не так ли? Посмотрим, как вы выйдете из этого положения!»

Эта детская шутка была стара, как мир, и популярна, наверное, еще в питейных заведениях Помпеи. Если бы Гудини не потерял голову от гнева, он мог бы обратить все против самого «умника», заменив в темноте десятицентовик и пени на две так любимые золотые монеты. Но реакция Гудини была именно такова, на какую рассчитывал шутник, — он резко сбросил с ладоней стаканы, разбив их и разлив воду, и закричал: «Негодяй! Гоните его прочь!»

Но фокусник уже смылся.

Как уже говорилось, Гудини никогда не брался за рискованный трюк, не просчитав все до мелочей. Но иногда он, по какому-нибудь особому случаю, показывал номера, в которых содержался весьма значительный элемент случайности. Одним из таких событий стал грандиозный бенедикт, устроенный в честь тринадцатой годовщины нью-йоркского цирка, самой большой сцены страны. Сумма, вырученная за выступления многих талантливых артистов, шла в пользу женского театрального фонда помощи жертвам войны. Программа включала показ тренировочных упражнений, выполняемых подразделениями сухопутной армии, военно-морского флота и морской пехоты, а также полицейскими пятнадцатого участка. В торжественной церемонии и драматических сценах, названных Боевым Гимном Республики, принимали участие знаменитые драматические артисты; сейчас помнят только имя Джозефины Холл. Перед драматическими сценами было показано представление, о котором в сувенирной программе сообщалось: «Специальное представление Гудини. Приняв предложение офицеров танкового корпуса Соединенных Штатов, Гу-

дини попытается выйти из бассейна цирка после того, как его опустят туда в смиренной рубашке, в которую он будет закутан с головы до пят. Гудини сначала будет подвешен вниз головой над бассейном, а затем брошен в воду.

Испытание будет проведено под наблюдением капитана Генри Джорджа. Примечание: бассейн цирка будет открыт и заполнен водой на виду у публики».

Эта смиренная рубашка, находящаяся ныне в коллекции Раднера, была одним из изобретений Гудини. Сшитая из палаточной ткани в белокоричневую полоску, она напоминала обычную, но внизу заканчивалась чем-то вроде мешка. Ширина кожаных манжетов не превышала одного дюйма. Гудини одевали в этот костюм так же, как в обыкновенную смиренную рубашку, только талию, колени и лодыжки обвязывали добавочными ремнями. Освобождение из такого костюма было очень эффектным зрелищем, публика всегда была в восторге, глядя, как вертится и извивается тело фокусника.

Другое дело — освобождение из такого костюма под водой. Трюк можно было исполнить только в знаменитом бассейне цирка и ни в каком другом месте. В этом огромном бассейне, открывающемся публике при сдвигании сцены, ставились яркие спектакли на воде. Участвующие в них девушки спускались в него по витиевато украшенной лестнице и исчезали под водой. Скорее всего где-то они выныривали, но публике оставалась только гадать, где и как.

В действительности они поворачивались у нижних ступенек иплыли под водой через арочный проход у задней стенки бассейна, ведущий к другой лестнице.

Это была идеальная конструкция для эффектного одноразового представления Гудини, поскольку наряду с другими многочисленными достоинствами Джима Коллинза он еще и прекрасно плавал. Как только «король освобождений» опустился в смиренную рубашку вниз головой в бассейн, Коллинз выплыл из тайного грота, схватил его, вытащил вверх и расстегнул на нем рубашку. Освобожденный Гудини, взяв костюм с собой, поплыл назад и показался на поверхности перед публикой. Так или, по всей вероятности, так все и произошло, поскольку многие детали представления вообще остались невыясненными. Не обсуждая здесь трудности освобождения от насквозь мокрого костюма, скажем лишь, что Гудини не был бы сам собой, если бы отказался дать такое представление в столь удачно устроенном бассейне. Но в равной мере Гудини не был бы Гудини, если бы стал показывать этот эффектный трюк регулярно: он не привык полностью зависеть от другого человека, даже если этим другим был Коллинз...

Успех Гудини определялся не только умением понимать публику, но и его готовностью принять любой вызов, как на сцене, так и вне ее. Он всегда был готов предпринять нечто необычное, и этим завоевал симпатии публики. Во многих городах он осуществлял свои знаменитые побег из тюремных камер. Это происходило как в Америке, так и в Европе: в Лондоне, Шеффилде, Москве, Ливерпуле, Манчестере, Амстердаме и Гааге.

На сцене он освобождался из корпусов пианино, молочных бидонов, различного рода клеток, смиренных рубашек, письменных столов, почтовых мешков. Он выходил из сейфов, погребов и тому подобных помещений.

В 1912 году Гудини показал один из своих самых знаменитых трюков: освобождение из китайской камеры пыток водой. Это представление сохранялось в программе до самого последнего выхода Гудини к публике в 1926 году. С ногами, зажатыми в колодки, он был опущен вниз головой в вертикальный ящик, наполненный водой. Передняя стенка ящика была стеклянной, поэтому публика могла видеть, как артист висит вниз головой. Ящик сверху был заперт на всякий замок. Затем опускался занавес. Через три минуты перед занавесом появлялся насквозь мокрый Гудини. Занавес снова поднимался, чтобы зал мог увидеть по-прежнему запертый ящик. Во время всего представления выбранные публикой наблюдатели находились на сцене.

Излишне говорить, что представление было не вполне безопасным. Опасным было и его знаменитое освобождение из-под воды. Гудини был брошен в воду с моста в ящике, тщательно забитом гвоздями. При этом его руки были закованы в кандалы. В ящик были положены чугунные чушки, весившие триста фунтов. Поэтому ящик вместе с Гудини сразу же пошел ко дну, и, чтобы спастись, необходимо было быстро освободиться. Гудини совершал этот подвиг во многих городах. Во всех своих поразительных представлениях Гудини полагался на свою необычную силу и железные нервы. Он отличался крепким телом и чрезвычайной энергией. Он заранее обдумывал все, что собирался совершить, хорошо представляя границы своих возможностей. Гудини понимал, что публике всегда импонирует опасность трюков, и в своих представлениях всегда учитывал эту склонность зрителей.

Многие из трюков, потрясавших публику, были всего лишь случайными событиями в карьере Гудини. Однако были и другие, в которых опасность была чрезвычайной, так как часто Гудини принимал предложения, сопряженные с риском для жизни.

Странно, что всего лишь малая часть этих приключений станови-

лась известной широкой публике. Гудини часто подвергался риску и бросал вызов смерти. Некоторые из его подражателей расставались с жизнью, пытаясь повторить его трюки. Но только один-единственный человек на свете мог бы сказать, какое приключение из длинного ряда испытанных им было наиболее опасным и наиболее волнующим — и этим человеком был, конечно, сам Гудини.

За несколько месяцев до смерти Гудини в разговоре с ним я выразил удивление тем, что он так и не рассказал никому об этих приключениях. Гудини согласился, что их действительно стоит описать. Незадолго до смерти он продиктовал несколько рассказов, которые представляют собой нечто вроде его последнего интервью.

Освобождение из молочного бидона — один из самых знаменитых трюков Гудини. Предложение совершить выход из молочного бидона было получено во время представления, которое Гудини давал в мюзик-холле «Эстон» в Лондоне. Поскольку процесс освобождения мог быть продолжительным и трудным, в крышке бидона были просверлены дырки для воздуха. Гудини был помещен в бидон, крышка которого была закреплена скобами. Чтобы бидон не был виден зрителям, его прикрыли ящиком. «Бидон был большим, — рассказывал Гудини, — но все же стеснял мои движения. Я понял, что положение мое опасно. Прошло несколько минут, в течение которых я почти ничего не добился, и тогда я внезапно ощутил, что стало трудно дышать. Дырки для воздуха были слишком малы, и я понял, что мне может грозить удушье. По-видимому, пытаюсь освободиться, я трагил слишком много кислорода. Было бесполезно звать о помощи, так как моих криков никто бы не услышал. Я должен был полагаться только на себя. Я прилагал максимальные усилия для освобождения. Я тряс бидон, но безрезультатно. Неожиданно в результате сильного толчка бидон опрокинулся. При этом одна из скоб, скрепляющих крышку с бидоном, расстегнулась. Поэтому я смог приподнять крышку. Я освободился! Ведь я был на волосок от гибели, спасение казалось невозможным. Но все же оно пришло, и пришло как раз вовремя.

В Англии я принимал все вызовы и получил много предложений. Я испробовал все предложенные мне акты освобождения. Однажды я получил предложение, которое было опасно как в психологическом, так и в физическом отношении.

Вот какой вызов получил я в Валентинов день!

«Чэтхэм, 14 февраля 1911 г. Мистеру Гарри Гудини. Дорогой сэр, мы предлагаем Вам встать перед жерлом заряженной пушки, к кото-

рому мы Вас привяжем. В пушку будет вставлен фитиль, который горит двадцать минут. Либо Вы освободитесь, либо попадете в мир иной. Оттянув Ваши локти назад, мы просунем Вам под руки ружейный ствол, а кисти рук надежно свяжем на груди. Ваши ноги будут закованы в стальные цепи, закрепленные в полу. Ваше тело мы привяжем к дулу пушки так, что Вы, как мы полагаем, не сможете освободиться. Испытание должно быть проведено на виду у публики».

Вызов был подписан четырьмя младшими офицерами и старшинами, понаторевшими в завязывании замысловатых узлов, секрет которых знают только моряки.

«Я принял вызов, — рассказывал Гудини, — и испытание было проведено через несколько дней. На месте испытания находились моряки, кроме того, собралась большая толпа. Я часто освобождался от наручников и веревок, но никогда еще не делал это перед жерлом пушки!

Моряки честно выполнили то, о чем писали в вызове. Они крепко привязали меня к пушке, постаравшись лишить меня возможности освободиться. Мои локти были отведены назад, между ними был просунут брусок, а кисти завязаны спереди. Это была чрезвычайно трудная и опасная позиция. Затем моряки подожгли фитиль, предоставив тем самым в мое распоряжение всего двадцать минут. Нужно было действовать немедленно. Я не опозорил своего имени, освободившись за двенадцать минут.

Был в этой истории один эпизод, который запомнился мне больше, чем сама игра со смертью, — один из таких смешных случаев, которые часто происходят в опасные минуты. То было замечание шефа полиции Чэтхэма. Перед тем, как меня начали связывать, этот офицер подошел ко мне, с сомнением покачал головой и произнес: «Гудини, это глупая и опасная затея, и мне, наверное, не надо было давать разрешение. Это опасно не только для вас, но и для зрителей. Я хочу, чтобы вы знали: если кто-нибудь будет ранен, ответственность я возложу на вас!» Представьте себе, сколь много шансов было у него возложить на меня ответственность! Если бы что-то пошло не так, ему прежде пришлось бы собирать меня по кусточкам!»

Итак, на пороге двадцатого века из рядов безвестных фокусников вышел человек, который захватил воображение людей на двух континентах и находился в центре внимания два десятилетия. Добивался он этого тем, что воплощал в жизнь мечту каждого человека — избавление от оков.

Перевел с английского А.ШАРОВ

РЕДАКЦИЯ ГОТОВИТ К ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1994 ГОДА:

Рассказы об увлекательных путешествиях — на земле, под водой и в воздухе — в настоящем и прошлом. Записки участников экспедиции журнала «Вокруг света», совершающих кругосветный марафон на гребной лодке;

под рубрикой «Глобус» — хронику последних экспедиций, исследований «белых пятен» планеты, поисков и открытий неведомых племен и животных, приключений и происшествий;

под рубрикой «Горячая планета» — обозрения материалов печати о крупнейших наводнениях, экологических взрывах, землетрясениях и других природных катаклизмах, которые постоянно сотрясают нашу Землю;

— очерки, репортажи, зарисовки о жизни, обычаях, нравах и традициях народов России, ближнего и дальнего зарубежья в рубриках «Семейный портрет в интерьере», «Дело вкуса», «Праздники всегда с нами» и других;

очерки — исследования под рубриками «Экология непознанного» и «Теория невероятности»: тайны африканских знахарей, очередная попытка разгадки Фестского диска, новые фотографии привидений и др.

— фрагменты из новой книги немецкого историка Г.НИАРИ о римских гладиаторах;

— главы из работы американского антрополога Р.ТАННЕХИЛЛА «Плоть и кровь» — об обычаях жертвоприношений в разных странах и в различные эпохи;

— главы книги Ж.БОРДОНОВА «Гибель «Медузы» — о трагическом крушении в начале прошлого века у берегов Сенегала французского фрегата «Медуза», запечатленном на полотне Жерико.

С помощью известного французского писателя историка Андре КАСТЕЛО редакция продолжит исторический розыск, главным направлением которого станут на

этот раз «Великие драмы и трагедии истории» — от времен Клеопатры до наших дней.

Кроме того, редакция работает над следующими произведениями:

«Невероятная одиссея авианосца «Энтерпрайз» в Тихом океане», французского писателя Жоржа БЛОНА, основанная на свидетельствах моряков и летчиков, участников одиночного плавания корабля, чудом уцелевшего в боине у Пирл-Харбора в ноябре 1941 года.

Историческая повесть В.КРАШЕНИНИКОВА «Мальтийский крест» расскажет о перипетиях жизни молодого русского лекаря петровских времен, попавшего в плен к туркам, а потом на остров Мальта.

Дж.ИРВИНГ, «След лисицы» — роман американского писателя, мастера биографического жанра, об одной из самых загадочных и противоречивых личностей «третьего рейха» фельдмаршале Роммеле, его полной загадок жизни и не менее таинственной гибели;

— Гэри БРЭНДНЕР, «Вой» — остросюжетная трилогия американского писателя, главные персонажи которой — существа, обладающие даром своеобразного перевоплощения в жутких тварей, которые спустя столетия, уже не таясь, противостоят человеку, приспособившись к его образу жизни и мыслей. Чтобы одолеть оборотня, рассуждает писатель, надо искать его не где-то рядом, а в самом себе.

— Хэммонд ИННЕС, «Исчезнувший дневник капитана Кука» — научно-художественное исследование знаменитого английского писателя о третьем походе мореплавателя, трагически закончившемся в 1777 году.

Продолжаются рубрики «Антология фантастического рассказа» и «Антология мистического рассказа», где собраны произведения, написанные мастерами этого жанра.

Для португальцев черный цвет таит в себе самое чувственное из обещаний, подобно тому, как темное стекло бутылок, наполненных традиционным порто, скрывает самое прекрасное из вин страны...

Читайте заметку "Неповторимое порто".

7-20

Муэдзин, призывающий правоверных к молитве с минарета, — картинка эта совершенно неотделима в нашем сознании от ислама. Все равно, где сделана фотография, взятая из гонконгского журнала «Orientations», — в Саудовской Аравии ли, Узбекистане или Индонезии. Вообще же минарет (от корня «нур» — «свет», следовательно, «освещающий») появился у мусульманских домов молитвы уже после смерти Пророка и, очевидно, не без влияния колоколен у христианских храмов. Ведь назначение и колокола, и азана (призыва муэдзина) одно: созывать людей на молитву. Но очень много имеется в мире мечетей и без минаретов. Мечеть — не храм, а только место собрания. У мусульман есть только один храм — в Мекке.

Индекс 70142